

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА *Р* БОЛЬШИЕ КНИГИ

Ирина
Одоевцева

ЕЛИСЕЙСКИЕ
ПОЛЯ

РОМАНЫ, РАССКАЗЫ

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Ирина Владимировна Одоевцева
Елисейские Поля
Серия «Русская литература.
Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68519809

*Елисейские Поля:
ISBN 978-5-389-22248-9*

Аннотация

Ирина Одоевцева известна прежде всего как поэтесса и автор мемуаров «На берегах Невы» и «На берегах Сены». В 1922 году она покинула Россию и вернулась только в 1987 году. Ей, последней представительнице далекого Серебряного века, довелось увидеть свои книги изданными в СССР. Возвращение оказалось триумфальным – словно в награду за все невзгоды эмигрантской жизни. В эмиграции Ирина Одоевцева продолжала писать стихи, но также обратилась к художественной прозе и получила известность как автор романов и рассказов. Проза Одоевцевой, ставшая значительным явлением за пределами России, долгое время оставалась незнакомой русским читателям. Каждый роман или рассказ интересен по-своему, и в каждом из них ощущается принадлежность писательницы к новой культурной реальности – русскому Парижу, тоскующему по

безвозвратно ушедшим временам и с надеждой устремленному в будущее.

Содержание

Романы	9
Ангел смерти	9
Первая часть	9
1	9
2	14
3	21
4	29
5	35
6	40
Вторая часть	48
1	48
2	51
3	56
4	61
5	66
6	68
7	73
8	76
9	79
10	88
11	92
12	95
13	100

14	101
Третья часть	114
1	114
2	117
3	127
4	136
5	146
6	151
7	156
Четвертая часть	159
1	159
2	163
3	169
4	178
5	179
6	180
7	187
8	193
Изольда	196
Часть первая	196
1	196
2	204
3	207
4	214
5	223
6	225

7	227
8	228
9	232
Часть вторая	238
1	238
2	242
3	247
4	261
5	267
6	274
7	276
8	288
9	291
10	296
11	301
Часть третья	303
1	303
2	310
3	329
4	332
5	337
6	341
7	346
8	349
9	354
10	360

Конец ознакомительного фрагмента.

Ирина Одоевцева

Елисейские Поля

© И. В. Одоевцева (наследник), 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Романы

Ангел смерти

Первая часть

1

Было так жарко, что окна на ночь остались открытыми. По саду носился июльский ветер, поднимал сухой песок, шумел в листьях деревьев, хлопал ставнями. Люке сквозь сон казалось, что это дождь стучит по крыше. Она на минуту открывала глаза. Занавески бились по ветру, как два черных крыла. Люка вздыхала и проваливалась в сон. Влажные волосы прилипли ко лбу. Ей было жарко, томно и душно. Она широко раскидывала руки и снова открывала глаза. Маленькая круглая розовая луна катилась сквозь тучи, как детский мячик. Темные крылья бились у окна. И где-то совсем близко, у самого сада, у самой постели, у самого сердца, торжественно и тревожно шумело море.

Море? Откуда? Ведь здесь никакого моря нет. Но волны шумели все нежней, все тревожней...

Как грустно. Как хорошо. Подушка мокра от слез. Никогда еще не было такой странной, такой печальной ночи. Люка протягивает руку, пьет воду. И снова луна, и шумные крылья, и море, и запутанные, душные сны...

...Серый, бледный рассвет. Из открытого окна тянет холодом. Небо почти белое. С листьев бесшумно падает роса. Кусты роз слабо белеют. От земли поднимается туман. В небе летят туманные облака.

Люка ежится, хочет натянуть выше простыню, но трудно шевельнуться. Она лежит тихо, не двигаясь. Как странно, как таинственно все вокруг. И сад, и комната. Голубое платье беспомощно свисает со стула. Чулки, как змеи, свернулись на коврике. У соседней стены на кровати спит Вера. Рот полуоткрыт, дыханья не слышно. Она кажется мертвой. Из-под красного одеяла высунулась маленькая нога, и нога тоже кажется мертвой.

Люка лежит не шевелясь. Никогда ей еще не было так грустно. В груди легкая, холодная дрожь и такая пустота, такая слабость...

Листья блестят от росы. Розы тихо колышутся. Калитка скрипит. За белым туманом не видно, кто вошел в сад, только песок шуршит под ногами. Люка вытягивает шею. Вот он уже под елями. Арсений?.. Да, это он. На нем серый костюм. Лицо его печально. Черные глаза смотрят рассеянно. Черные волосы гладко причесаны.

И за плечами огромные черные крылья... Он медленно

идет по саду и, не останавливаясь, не оборачиваясь, поднимается на террасу, входит в дом...

«Арсений Николаевич», – хочет крикнуть Люка, но голоса нет.

Деревья слабо раскачиваются. С листьев бесшумно падает роса. Только сад, только небо, только тишина...

Холодный ветер влетает в комнату, шевелит занавески. Что это было?.. Что?..

Тихо, совсем тихо, и веки уже снова опускаются. Ничего, ничего не было. Только туман... Только сон...

Когда Люка наконец совсем просыпается, за окнами обыкновенное солнечное утро.

Надо вставать. Люка вскакивает, сбрасывает рубашку на коврик.

– Мама, – вдруг вскрикивает она, – мама.

Дверь открывается. Вбегает Екатерина Львовна:

– Люка, что случилось?..

– Мама, – кричит Люка, – я больна, я страшно больна.

– Что, что с тобой?

– Я больна, я умираю, мама.

Люка показывает дрожащей рукой на простыню:

– Видишь, я умираю.

Екатерина Львовна целует ее мокрые щеки.

– Я умираю. Я умираю.

– Да нет же, нет. Просто ты теперь взрослая, моя маленькая Люка.

Вера просыпается, потягивается, садится на постель.

– Чего ты опять шумишь, Люка? Никогда выспаться не дашь.

– Я больна, Вера. Я умираю.

Вера смотрит с недоумением на сестру и на мать, потом громко смеется, качая растрепанной головой:

– Глупая ты, Люка. Ах какая глупая. И когда ты поумнеешь?..

Екатерина Львовна поправляет подушку, гладит Люку по голове:

– Ну, до свиданья, моя большая дочка. Ты полежи тихо до завтрака. Если можешь, поспи. Я скоро вернусь. Принесу тебе конфет.

Вера пожимает плечами:

– Что же, теперь каждый месяц именины справлять будете?

Вера похожа на самоеда в халате с капюшоном.

– Скоро ли ты, мама? У меня в семь ванна. Мы опоздаем...

Дверь за ними закрывается. Люка одна. Она лежит на спине и смотрит в окно. В окне видны два больших белых куста роз, ели и голубое небо. Старый садовник в соломенной шляпе и длинном полосатом переднике подстригает розы большими ножницами. По дороге пробегает рыжая хозяйская собака. Люка поднимает голову, чтобы увидеть пруд, он

там сейчас за елями. Но пруда не видно, а встать она боится. Она лежит, прислушиваясь к тому новому, что происходит в ней. В груди какая-то особенная легкость. Встать бы, побежать туда за пруд по широкой дороге. Взобраться на самую высокую гору, ту, с водопадом...

Но встать страшно. Такой она чувствует себя хрупкой. Упадет, разобьется, как чайная чашка. Руки неподвижно вытянуты на красном одеяле, не надо даже пальцами шевелить. Колени плотно сдвинуты. Мама сказала: лежи тихо. И еще мама сказала, что Люка взрослая. Взрослая... Значит, кончено детство. Что ж, и слава богу. Не жалко. Это все выдумки про «золотое детство».

Там, в России, дом был большой и старый. За окнами лежал белый сверкающий снег, от него даже вечером было светло в комнатах. Люка садилась в зале на холодный скользкий пол. Подвески на люстре тихо звенели; темные пустые зеркала поблескивали, а за окном в морозном небе гуляла луна со звездами, как курица с цыплятами. Люке было страшно. Она крепче прижималась к черной холодной ноге рояля. А вдруг и рояль враг и сейчас хлопнет крышкой, откроет рот и оскалит на нее все свои большие зубы. Дверь в столовую отворена. Над столом висит лампа, добрая, уютная. Висит себе и спокойно пьет керосин. Теплый желтый круг ложится на скатерть. За столом мама читает книгу. Так просто встать, побежать туда. Но Люка сидит в темноте, дрожа от страха, и не откликается, даже когда ее зовут.

Люка никому не доверяла. Большие, они хитрые, от них не жди добра. Да и вещи тоже почти все хитрые и злые. Потом стало легче. Когда она поняла, что ни кофейник, ни часы не могут, даже если очень захотят, сделать ей зла.

А мама говорила: «Люка сорванец, храбрая, веселая. Ей бы мальчиком родиться...»

Люка осторожно вздыхает, осторожно поворачивается на бок.

«Как хорошо быть взрослой... Как хорошо быть влюбленной... Арсений...»

2

Вера прихорашивается перед зеркалом:

– Люка, посмотри. Не торчит ли чехол?

Из-под Вериного кружевного платья сзади выглядывает смешной розовый хвостик. Люка прекрасно видит его, но скажи только Вере, начнет подшивать, переодеваться. Через час тогда не выбраться из дому.

– Нет, не торчит.

Люка старательно завязывает большой бант. Волосы короткие, бант плохо держится. Она осторожно поворачивается, чтобы бант не упал.

– Ты чего держишь голову, как цирковая лошадь. Кажется, опять моей пудрой напудрилась?

– Нет, что ты. Честное слово...

Люка быстро вытирает щеки и нос. Но Вере уже не до нее. Вера надевает шляпу.

– Какая ты хорошенькая, – льстит Люка.

Вера довольна.

– Ну, идем. Мама, ты готова?

Екатерина Львовна входит в новом сиреновом платье. Люка бьет в ладоши:

– Ах, как красиво.

Екатерина Львовна робко улыбается:

– Хорошо, Верочка?

Вера холодно осматривает мать:

– Да, хотя... я говорила, что лучше бы лиловое. Слишком молодо.

Екатерина Львовна смущается:

– Я покупала материю вечером. Она при свете почти лиловая.

– И коротко опять.

– Ты находишь, Верочка? Можно выпустить. Рубец широкий.

Люка краснеет от обиды за мать:

– Неправда, мама, неправда. Не верь. Просто она завидует.

Екатерина Львовна тоже краснеет:

– Люка, перестань, глупости.

Вера пожимает плечами:

– Что же, идем мы или нет?..

Они садятся в парке за столик. Музыка гремит. Женщины в белых и розовых платьях издали похожи на кусты цветов, над ними, как бабочки, мелькают маленькие пестрые зонтики.

Люка осторожно и высоко держит голову, чтобы бант не упал. И от этого, она чувствует, у нее очень серьезный вид. Так и надо. Ведь она теперь взрослая. Вера, щурясь, осматривает гуляющих.

– Как жарко, – говорит она раздраженно.

Люка оглядывается:

– Арсений Николаевич.

От быстрого поворота головы бант танцует на ее волосах.

Вера с деланным равнодушием размешивает сахар в чашке.

– Не оборачивайся. Сколько раз говорили тебе.

Арсений Николаевич пробирается к ним. Его черные гладкие волосы блестят как лакированные. Длинные ноги в белых туфлях ступают широко и уверенно.

Люкино сердце громко бьется, и от каждого его удара подпрыгивает бант на голове.

Арсений Николаевич садится за их столик. Он спокойно улыбается:

– Ну вот, через три дня я уезжаю.

– Уже?.. – Люка роняет ложку. Кусок вишневого мороженого падает на белое платье.

Вера подносит чашку к губам. Пальцы ее немного дрожат.

Сейчас глотнет кофе и поперхнется. Но она ставит чашку обратно на блюдечко и смотрит на Арсения из-под полей розовой шляпы и длинных подкрашенных ресниц.

– Уже?.. – спрашивает она тихо и улыбается. – Как жаль...

С музыки домой в пансион, как всегда, возвращались вместе. Впереди Вера с Арсением. Сзади Люка с матерью.

Счастливая Вера, она идет рядом с Арсением, слушает, что он говорит. Из-под розовой шляпы виден кусок Вериной щеки и подстриженный затылок. Верина рука в белой перчатке тербит оборку платья. Противная Вера. И за что ей такое счастье? Она и не ценит вовсе.

– Как ты вытянулась, – озабоченно говорит Екатерина Львовна. – Неужели тебе придется новое пальто шить?.. Надо будет попробовать, нельзя ли рукава и подол надставить. А то откуда денег напасться...

Люка не отвечает, даже не слышит. Она смотрит на Арсения, на его блестящие черные волосы, на его серый пиджак. На песке дорожки, влажном после поливки, отчетливо отпечатываются следы его белых туфель. Люка ставит ногу на его след. В горле что-то бьется, как пойманная птица. Во рту солоноватый вкус, и трудно дышать. На Люкином языке это называется «сердце в горле». Это бывало и раньше, но только от слез. А от радости в первый раз. Люка останавливается, хватая Екатерину Львовну за руку:

– Мама, ах, мамочка... Слушай...

– Если надштуковать синим бархатом, будет совсем не так

плохо. Как тебе кажется?

– Да, да. Бархатом. Непременно бархатом, – кричит Люка, прыгая на одной ноге. Бант, окончательно оторвавшись, падает на землю.

– Люка, ты ведь большая. Люди видят. Пора тебе помнить...

На лестнице прощаются. Арсений живет во втором этаже, они в первом.

– До свиданья, до вечера.

Дверь закрывается. Они дома.

Вера бросает шляпу на стол. Люка подхватывает ее:

– На стол нельзя. Денег не будет.

Вера вырывает шляпу из Люкиных пальцев:

– Не смей трогать, – и поворачивается к ней спиной.

Люка хочет обнять сестру:

– Не злись.

Вера топает ногой:

– Убирайся, слышишь.

Екатерина Львовна удивленно смотрит на нее:

– Вера, чего ты сердишься?..

– А что, прикажешь ты мне радоваться?..

Вера снимает платье, садится на кровать, сбрасывает туфли.

– Опять дырка на пятке.

– Но что с тобой, Вера? – спрашивает Екатерина Львовна.

– Что? – кричит Вера. – Ты еще спрашиваешь что? По-

смотри на себя в зеркало, тогда и поймешь.

Глаза Екатерины Львовны становятся круглыми, брови высоко поднимаются.

– Что ты говоришь, Вера, я не понимаю...

– Не понимаешь? На кого ты похожа? Волосы стриженные, намазанная. Шляпа как у девочки, платье до колен. Разве так выглядит мать взрослой дочери?..

– Но, Верочка, ведь мне только тридцать девять лет. Рано мне рядиться старухой. И ты сама знаешь, что же я в жизни видела? В деревне. Вы с Люкой вечно хворали. Папа...

– Да, папа. Ты бы хоть помнила, что папу большевики расстреляли.

Екатерина Львовна беспомощно взмахивает руками:

– Вера, как ты можешь?.. Разве я не чту папиной памяти?

– Ты... Ты мешаешь мне выйти замуж. Вот что.

– Я? Я мешаю тебе?

По щекам Екатерины Львовны текут слезы.

– А зачем тебе, Вера, собственно говоря, замуж выходить, раз папу большевики расстреляли? – спрашивает Люка.

– Люка, не мешайся не в свое дело. Иди играть в сад, – строго говорит Екатерина Львовна.

Люка послушно выходит из комнаты, но дверь снова отворяется.

– Старая дева, – кричит Люка и убегает со всех ног по коридору. Но погони нет. Вера занята объяснением с матерью.

– Да, да, ты мешаешь мне выйти замуж. За кого нас втроем

могут принять? И еще эта обезьяна Люка со своим бантом. А когда ты на балу, ты танцуешь больше меня, ты отбиваешь моих ухаживателей.

– Вера, как ты несправедлива. Господи. А я жила только для вас...

Екатерина Львовна плачет, лицо ее становится жалким и старым.

– Господи, – всхлипывает она.

Вера сидит на кровати, устало и зло теребя подвязку.

– Надоело. Перестань, пожалуйста. Не хочешь мне помогать и не надо.

Екатерина Львовна вытирает глаза:

– Что же я могу... И если бы все так нервничали. Ведь я тоже была молодой.

– Да. Но у тебя было приданое.

– Чем же я виновата, что большевики...

– Никто и не винит тебя, только не мешай.

– Хорошо, Верочка. Не сердись, – говорит Екатерина Львовна примирительно. – Я постараюсь, вот увидишь. В Париже.

Но Вера трясет головой:

– Нет, не в Париже. Здесь.

– Здесь. Зачем же? Какие здесь женихи. Дюшель?.. Но французы не женятся без денег. Больше никого нет.

Вера краснеет:

– Как никого? А Арсений Николаевич?..

– Этот?.. – Екатерина Львовна кривит губы. – Какой это муж?..

– Почему не муж?

– Если ты серьезно... Ведь мы даже толком не знаем, кто он. Я слышала про него... Я не могу тебе повторить...

– Нет, скажи. Скажи сейчас же.

– Ну хорошо. Ты не волнуйся так. Он столько тратит, нигде не служит. Мне говорили. У него в Париже... Какая-то старая американка...

Вера сжимает кулаки:

– Замолчи. Не смей повторять. Это ложь, ложь!..

Екатерина Львовна испуганно смотрит на дочь:

– Вера... Неужели ты?..

Вера вдруг обхватывает худыми голыми руками шею матери, прячет лицо на ее груди. Слезы текут, смывая краску с ресниц, и падают бурными пятнами на сиреневый шелк.

– Да, да, да... Я люблю его, – всхлипывает Вера. – Я люблю его, и, если он не женится на мне, я умру.

3

Вера отправилась с Арсением покупать туфли к балу. Люку не взяли, оттого что Люка мешает. И на бал Люку тоже не возьмут, оттого что Люка мешает.

Был туманный, ветреный день. Люка тихо шла вокруг пруда. На желтый песок дорожки выползла большая черная

улитка. Люка подняла ее и положила на траву.

– Глупая, куда забралась? Тебя тут раздавят. Живи себе на здоровье...

Вот улитка ползет, и ни о чем не думает, и не знает, как трудно быть женщиной. Люка вздохнула. Ах, совсем уж не так весело быть взрослой... Совсем не так хорошо быть влюбленной. Арсений уезжает через два дня...

На скамейке сидит седая дама, жена доктора Барто, и вяжет на спицах красный безобразный шарф. Люка хочет пройти незамеченной, но мадам Барто зовет ее:

– Сядьте ко мне. – Мадам Барто гладит Люкины светлые волосы. – Какая вы хорошенькая.

Люка морщится. Ведь она не болонка, чтобы ее гладили.

– Расскажите мне про Россию.

– Я ничего не помню о России.

– Но все-таки. Вы ведь русская.

– Не помню, я была маленькая, когда мы уехали.

– Так ничего и не помните?.. Хоть что-нибудь. Меня очень интересует ваша несчастная родина.

Люка пожимает плечами:

– Зимой в России холодно, а летом жарко и много цветов.

– Ну еще, еще... А Петербург?..

Но Люка трясет головой:

– Я не помню.

– Что же, идите, упрямая девочка. Раз вы ничего не хотите рассказывать. – У мадам Барто обиженный вид. – Идите

играть.

Люка вскакивает. Слава богу, отпустила. И зачем приста-
ет?

Люка идет дальше, мимо пруда под темными качающимися
елями. Она не любит вспоминать о России. Помнит ли
она? Разве можно забыть?.. Так больно. Так грустно... Но об
этом нельзя рассказывать глупой, чужой женщине. Люке и
без того тяжело сегодня, а тут еще...

Она останавливается, смотрит на низкое облачное небо,
на сонную воду.

Петербург... Разве можно забыть?.. Петербург... И закры-
вает глаза.

...Белый, чистый, сияющий снег. Все белое, и все сияет.
Улицы, крыши домов, воздух. А небо ярко-синее, и в нем
огромное морозное розовое солнце. По широким, прямым
снежным улицам летят рысаки под малиновыми и голубыми
сетками. «Берегись!» – кричат румяные кучера. В малень-
ких легких санках сидят дамы в собольих, в горностаевых
шубках. Красные розы лежат на их коленях. Красные губы
улыбаются, большие темные глаза смотрят рассеянно и меч-
тательно.

По тротуару проходят офицеры, волоча сабли и звеня
шпорами. Высокие, красивые, стройные. Над их медными
сияющими касками развеваются конские хвосты. Солнце иг-
рает на их золотых погонах.

И Люка тоже летит в узких санках вниз по широкой снеж-

ной улице, вдыхая морозный сияющий воздух, сладкий запах роз и тетиных духов.

– Хорошо тебе, Люка? Не холодно?

Серые большие глаза приближаются к ней, теплые руки обнимают ее. Снег комьями летит из-под копыт. Ветер свистит в ушах. Вниз по широкой улице, туда, на гранитную набережную.

– Это Нева, – говорит тетя. – Это Нева, Люка.

Люка хочет ответить, но не может от удивления, от счастья.

– Это Нева...

Солнце сияет, сияет гранит, сияет прозрачный голубой лед. И по голубому льду скользят маленькие легкие эльфы. На ногах у них серебряные коньки. Они танцуют, порхают, кружатся, держась за руки, и вдруг разбегаются во все стороны. Они смеются, серебряные колокольчики звенят, поют скрипки.

Санки останавливаются. Тетя берет Люку за руку. И вот они на голубом льду. К ним подлетают эльфы, окружают их, что-то говорят. Но серебряные колокольчики громко звенят, и ничего нельзя разобрать. Темноглазый тоненький эльф в треуголке сажает Люку на стул с серебряными полозьями, и Люка несется с ним по голубому льду. Все быстрее и быстрее. Она слышит его дыхание и, обернувшись, видит его темные, блестящие, веселые глаза. Ей страшно и блаженно. Куда они несутся?.. Куда?.. Может быть, в прорубь, может быть,

в рай...

Но она уже опять с тетей в узких санках, и снег комьями летит из-под копыт рысака.

– Весело тебе было, Люка? – И опять запах роз и духов и теплые руки.

А вечером Люка стоит посреди огромного, ярко освещенного зала. На ней белое платье, волосы завиты локонами. И кругом эльфы, те самые, что скользили по голубому льду, но теперь на них уже нет серебряных коньков. Но серебряные колокольчики все еще звенят. Эльфы кружатся по паркету, и Люка с ними. Она танцует с темноглазым эльфом. Он улыбается ей, берет ее за руку, уводит из залы. Они идут по темному коридору. Ей опять страшно. Куда он ведет ее?.. Куда?.. Но эльф молчит. Он толкает дверь. Они в комнате, полной цветов. Цветы на столах, на полу, всюду. Как светло, как тепло. И птицы поют, маленькие красные и желтые птицы. Эльф сажает Люку рядом с собой на низкий диван.

– Как вас зовут? – спрашивает он.

– Люка, – отвечает она тихо.

– А меня Арсений.

– Арсений, – повторяет <она> еще тише.

Он обнимает ее:

– Я люблю вас, Люка.

Птицы громко поют. Из залы доносится звон серебряных колокольчиков. Она видит только его темные блестящие глаза, его темные блестящие волосы.

– Я женюсь нас вас, Люка, когда вы будете большой. Не забудьте: меня зовут Арсений. И вы должны меня ждать...

...Ветер качает ели. В пруду тускло поблескивает вода. Люка идет дальше.

А может быть, этого и не было и она сама все выдумала. Но ведь она уже встретила Арсения. И он, конечно, узнал ее. Он пока молчит, и она тоже молчит. Но теперь уже скоро. Надо только спокойно ждать...

Люка выходит на гимнастическую площадку. На трапеции сидит рыжий Рене, сын мадам Барто.

– А вы так не умеете, – кричит он Люке, поддразнивая ее. – Вы трусиха, вы девчонка.

– Это вы мне?.. – Люка презрительно пожимает плечами. – Я вам сейчас покажу, как я не умею. – Она подвертывает юбку, взбирается по лестнице. – Вот, смотрите.

От влюбленности, от грусти Люка чувствует себя особенно храброй и ловкой. Веревки трещат. Весело и чуть-чуть страшно. Оборвешься, полетишь вниз, и конец...

Она раскачивается на трапеции. Дама с собачкой смотрит на нее в лорнетку.

– Какая грациозная, – говорит она мужу, – какая смелая. У Рене вытягивается лицо.

– Это еще ничего не значит. Вы все-таки девчонка.

– Ах, ничего не значит? А так?

Верхушки елей мелькают перед глазами, зеленая земля качается внизу. Люка становится во весь рост на трапецию

и, высоко раскачнувшись, взмахнув руками, с криком бросается вниз головой.

Люка висит, зацепившись за трапецию одной ногой, и громко смеется:

– Что, можете вы так?

И побежденный Рене аплодирует. Аплодирует и дама. А Люка уже сидит на трапеции и раскланивается во все стороны.

Калитка скрипит. Это Вера возвращается с Арсением. Хорошо, что он видел. Вера подбегает:

– Люка, сумасшедшая, шею сломаешь. Слезай.

– Сейчас. – Люка насмешливо дрыгает ногами. – Еще немножко поупражняюсь.

Но Вера сердится:

– Людмила, слезай, слышишь.

Делать нечего. Люка съезжает по скользкому столбу.

– Довольно представления давать, – насмешливо говорит Вера. – Подумаешь, какая «царица воздуха».

Люка кротко смотрит на сестру:

– Напрасно ты мне мешаешь, Верочка. Если я замуж не выйду, то поступлю в цирк и буду хлеб зарабатывать. Это лучше, чем женихов ловить. Вот и ты могла бы...

Но Вера перебивает ее:

– Люка, у тебя опять грязные уши. Пойди вымой сейчас же.

На столе лежат шесть толстых конвертов. Екатерина Львовна надписывает последний. У Екатерины Львовны еще с институтских лет страсть к переписке.

– Ну, – спрашивает она Веру, – купила?

Вера развязывает пакет, поднимает крышку коробки:

– Вот, – и торжественно вынимает розовые шелковые туфли.

– Ах, какие прелестные, – вскрикивает Люка, – какие чудные. Покажи, покажи.

Но Вера уже закрывает коробку:

– А тебе что, не твои.

Люка обижается:

– Что, я их съем, что ли. Покажи.

Вера ставит коробку на стол:

– Не покажу. Отстань.

Екатерина Львовна собирает со стола конверты.

– Туфли действительно прелестные. Ты их вечером увидишь на Вере, Люка.

Люка обнимает мать:

– А меня возьмут на бал? Мне ужасно хочется.

Екатерина Львовна смотрит на Веру:

– Как ты думаешь. Может быть, взять ее? Она будет тихо сидеть. Обещаешь, Люка?

Вера сердито двигает стулом.

– Или она, или я. Иди с ней, я останусь. Еще не хватало целым выводком выезжать. Всех возрастов, на все вкусы...

– Я танцую не хуже тебя, напрасно ты важничаешь.

– Во-первых, ты танцуешь, как слон, во-вторых, все равно не пойдешь, не волнуйся. И не мешай мне читать.

– И правда, ты еще слишком мала, Люка. Я лучше завтра сведу тебя в кинематограф. – Екатерина Львовна гладит Люку по щеке.

– Обещаешь, а потом обманешь.

– Нет, завтра же, непременно.

Но Люка не верит:

– Дай вперед деньги на билеты.

Екатерина Львовна достает из сумочки десять франков. Люка прячет их под ключ. Если теперь надует, все-таки не так обидно.

Внизу в холле глухо и протяжно бьют в гонг. Екатерина Львовна встает:

– Надо сегодня пораньше пообедать, чтобы тебе не спешить одеваться, Вера.

– Идите, – говорит Люка, – я только платье переодену, а то это мягое. Суп не успеете съесть, как я приду.

Вера открывает дверь:

– И что за кокетство? Не возись долго, ждать тебя не будем.

4

– Вера, можно мне помочь тебе?

Вера удивленно смотрит на сестру:

– Странная ты, Люка. То дерзишь, а то такая услужливая.

Ну хорошо. Посиди тихо, пока я буду мыться.

Для Люки в детстве было праздником, когда мама одевалась на бал.

Люка садилась в большое кресло в угол и смотрела во все глаза.

В маминой спальне горели три лампы, пахло совсем особенно: духами, пудрой, жжеными волосами. Всюду кружева, ленты, цветы. На кровати бархатное темно-красное платье, длинный хвост его, как хвост дракона, извивался на ковре. И тут же, рядом с драконьим хвостом, как две маленькие испуганные птицы, бронзовые туфельки.

Мама, в шуршащей нижней юбке, с голыми белыми плечами, бегала от туалета к шкафу и обратно, высоко поднимала руки, подшпиливала длинную косу. Горничная в белом переднике грела щипцы на спиртовке. Голубое пламя подпрыгивало, щипцы краснели. Мама волновалась, просыпала пудру на ковер. Люка дышала все ровнее и ровнее, веки слипались, она засыпала...

...Вода шумно бежит из никелированного крана. Вера в одной рубашке, нагнувшись над умывальником, мылит плечи, шею, трет уши. Белая пена падает хлопьями на пол. Вера вытирается мохнатым полотенцем. Потом садится перед туалетом причесываться. Долго приглаживает волосы, льет вежеталь на голову, озабоченно смотрится в зеркало.

Люка следит за ней из угла:

– Мойся, мойся. Причесывайся, причесывайся. А туфель нет.

– Люка, что ты бормочешь?

– Я?.. Тебе показалось.

На Верином затылке торчит хохолок. Вера снова приглаживает его щеткой, поливает вежеталем.

– А ты бы спросила у Арсения Николаевича, что он делает. У него как лакированные.

Вера отмахивается:

– Не мешай.

И завязывает голову белым носовым платком узелком назад, как деревенские бабы. И от этого у нее сразу становится круглое русское лицо с русскими бабьими глазами.

– Тебе бы теперь, Вера, сарафан и петь: «Ах вы, сени, мои сени».

Но Вере не до песен, Вера нервничает:

– Рубашку. Достань рубашку. Не ту. Шелковую. Ах, какая ты бестолковая.

Люка суетится около нее.

– Откупори духи. Напудри мне плечи.

Люка хлопает большой легкой пуховкой по Вериным плечам. Пудра поднимается розоватым облаком.

– Ровнее, ровнее. Теперь затылок, спину.

Вера снова садится перед туалетом, развязывает платок. Блестящие темные волосы кажутся приклеенными к малень-

кой круглой голове.

Вера улыбается. Остальное уже просто. Она старательно подводит ресницы, подкрашивает губы.

Люка смотрит на нее. «Какая она хорошенькая. Какие у нее большие глаза, изогнутые брови, белая шея», – Люкина грудь раздувается от нежности и гордости. Вот она какая, Вера. Вот она какая, ее сестра.

«А все-таки она ведьма, – вдруг вспоминает Люка, и вся гордость и нежность сейчас же исчезает. – Да, ведьма».

Вера, мечтательно улыбаясь, натягивает на ноги розовые шелковые чулки.

На постели, как гора битых сливок, лежит белое тюлевое платье. От запаха пролитых духов становится трудно дышать. Сейчас, сейчас начнется самое интересное.

– Люка, туфли.

Люка идет к столу.

– Здесь нет, – говорит она удивленно, – но ведь ты поставила их на стол перед обедом.

– Ах, не знаю. Поищи.

Люка обшаривает всю комнату. Туфель нет. Может быть, прислуга убрала. Звонят прислуге. Нет, прислуга не видела никакой коробки. Но она сейчас поищет.

У Веры красные пятна на щеках, губы дергаются.

– Что же это такое. Куда туфли могли деться. Да ищи же, Люка.

Люка открывает ящики комода, хлопает дверцами шкафа,

выбрасывает на пол белье и платья, роется в них, залезает даже под кровать.

– Нигде нет, – весело кричит она оттуда. – Пропали.

Екатерина Львовна входит в черном платье, большой вырез прикрыт кружевом.

– Хорошо так, Вера? Танцевать не буду. Обещаю.

Но Вера даже не смотрит на нее.

– Туфли пропали, – всхлипывает она.

– Пропали? Не может быть. Сейчас найдем. Ты пока платье надень.

И снова перерывают всю комнату.

– Не плачь, Вера, – советует Люка, – рожей будешь, нос распухнет.

– Нигде нет. Но ничего, старые туфли совсем уж не так плохи, – уговаривает Екатерина Львовна.

Вера стоит перед зеркалом в тюлевом платье и с отчаянием смотрит на свои ноги:

– Нет, нет, я не пойду. Каблуки сбиты. Как нищенка. Хуже нищенки.

– А ты не танцуй и, когда сидишь, поджимай ноги под стул, – советует Люка.

– Уже поздно, попудрись и едем. Право, не так заметно. Не огорчайся. – Екатерина Львовна поправляет цветок на Верином плече.

– А может быть, найдем еще, – вздыхает Вера. – Поищем еще немножко.

– Я сейчас шкаф отодвину, – готовно предлагает Люка. – Больше негде. Все обыскано.

– Я так радовалась, такие хорошенькие. И двести франков стоили. Нет, я не пойду.

В дверь стучат.

– Вы еще не готовы? – спрашивает Арсений Николаевич. – Вы знаете, уже одиннадцать.

– Сейчас, сейчас. Подождите минутку. – Вера быстро пудрится. – Скажи, Люка, не видно, что я плакала?

– Ну конечно видно. Но не очень. Можно подумать, что у тебя насморк. Только не забудь, не танцуй и поджимай ноги под стул.

Шум спускающихся по лестнице шагов. Три тени, две темные, одна светлая, идут по саду мимо белых кустов роз, мимо поблескивающего пруда под высокими елями.

Люка высовывается в окно:

– До свиданья, веселись, Вера. Поджимай ноги, не забудь. Калитка скрипит. Ушли...

Люка стоит в разгромленной комнате среди валяющихся на полу платьев, книг и белья:

– Так тебе и надо, так тебе и надо, ведьме.

Она тихо выходит в коридор, оглядывается, чтобы никто не видел, осторожно поднимает крышку большого хозяйского сундука и достает из него коробку с Вериными туфлями. Потом возвращается к себе.

– Вот они, розовые туфельки. Здравствуйте! – Она нежно

проводит пальцами по розовому шелку. – Я виновата перед вами, вы хотели сегодня на бал пойти, а я вам помешала. Но мы все-таки потанцуем.

Люка надевает розовые туфли и кружится по комнате, напевая. Как легко танцевать! Розовые туфельки будто сами носятся по полу, как в сказке Андерсена. Люка останавливается, переводит дыхание, держась за зеркальный шкаф. Как весело. Из зеркала на нее большими серыми глазами смотрит лукавое, почти женское лицо. Как весело!

...Розовые страусовые перья веера колышутся. Люка улыбается загадочно и рассеянно, как должна улыбаться женщина на балу. Ее широкое шелковое платье томно шуршит. Музыка, цветы, сияющий паркет... Люка медленно проходит по залу. «Какая хорошенькая, какая прелестная», – шепчут со всех сторон. Она царица бала...

– Ах, как весело. – Люка трясет головой и громко смеется. – А Вера там в старых туфлях.

5

Закатное небо. Высокие темные горы. Направо поросшие лесом и травой, налево скалистые. И с самой высокой с шумом летит водопад. Скала кажется лиловой, от водопада прозрачным столбом поднимаются брызги. Закатное солнце освещает водопад. Шум воды смешивается с шумом автомобилей.

Люка сидит рядом с Арсением на траве у дороги.

Тут же лежит его мотоциклетка.

– Вас не растрясло, Люка?

– Нет. Нисколько.

Люка поглаживает свои голые колени. Ноги затекли, но ей стыдно признаться. Она молча смотрит на широкую пыльную дорогу.

– Что вы такая тихая? Я не привык.

– Вы уезжаете завтра.

– Ну и?..

– Мне грустно...

Он берет ее за руку:

– Милая Люка, всегда грустно расставаться с друзьями.

Мне тоже, поверьте, грустно. Но что же делать. Надо... – Он улыбается. – Я чуть не забыл, ведь я купил вам шоколад.

– Спасибо.

Люка берет плитку, разрывает серебряную бумагу, кладет в рот кусочек шоколада. От сладкого вкуса в носу начинает щипать, ресницы моргают. Люка проглатывает шоколад. Слезы текут по ее щекам.

– Мне грустно...

– Что же это, Люка? Не плачьте, не надо.

Но Люка уже громко всхлипывает, закрывая лицо руками:

– Мне грустно.

У Арсения растерянный вид.

– Люка, Люка, перестаньте. Ну, милая, маленькая Люка.

Перестаньте.

Люка поднимает голову. Левая щека запачкана шоколадом.

– Поцелуйте меня, и я не буду больше плакать.

Он наклоняется к ней и осторожно касается губами ее мокрой, запачканной шоколадом щеки.

– Нет, не так. В рот, не то я опять заплачу. – И Люка снова громко всхлипывает.

– Вы сумасшедшая, – испуганно говорит он, целуя ее детские, соленые от слез губы.

Она вздыхает, закрывает глаза:

– Еще, еще. Обнимите меня!

– Вы сумасшедшая...

Люка кладет голову к нему на плечо:

– Нет, я не сумасшедшая. Только я взрослая, а вы все еще считаете меня маленькой. Я совсем взрослая.

– Ну конечно, – соглашается он, боясь спорить. – Вы взрослая.

Она глубоко вздыхает и крепче прижимается к нему.

– Поцелуйте меня еще раз...

– Надо ехать домой, вас хватятся, – робко говорит он.

Люка вскакивает:

– Да, надо ехать. Ведь я тайком удрала, опять скандал будет. Но поцелуйте меня еще раз. Слушайте... Вы сами говорите, что я взрослая. Я буду ждать вас сегодня ночью в нашей комнате. Вы придете в сад. Я вылезу к вам в окно.

Он поднимает мотоциклетку:

– Едемте, Люка.

– Я буду вас ждать. Вы придете? Обещайте.

Она ловко приманивается сзади на седло. Мотоциклетка несется по дороге, шумя и подскакивая.

– Я буду вас ждать, – громко кричит Люка, – обещайте...

Арсений оборачивается к ней:

– Не болтайте. Язык прикусите...

Люка лежит в кровати, прислушиваясь к дыханию Веры. Спит? Нет, кажется, еще не спит. Как бы самой не заснуть. Она щиплет себя за руку, широко открывает сонные глаза. Вера дышит все спокойнее, все ровнее.

– Вера, – тихо зовет Люка.

Ответа нет. Спит. Люка осторожно спрыгивает на пол, снимает с крючка Верин шелковый пестрый халатик, нагибается, ища Верины ночные туфли. Потом тихо подходит к окну, пододвигает кресло, расправляет складки халатика. Лунный свет падает прямо на нее.

Такой он увидит ее сейчас, такой прелестной, почти призрачной. В полночь, в открытом окне, освещенной луной...

Жаль только, что она стриженная и нельзя распустить волосы по плечам, было бы еще красивее, еще романтичнее...

Кусты роз слабо белеют. Над ними качаются черные огромные ели. В пруду влюбленно и грустно поют лягушки. По небу, как стая диких гусей, быстро летят облака.

Он сейчас придет. Глухо хлопнет дверь, заскрипят шаги по дорожке. Он пройдет мимо шелестящих роз и встанет под ее окном. Он протянет руки, поможет ей выпрыгнуть в сад. Что он скажет ей?..

Сердце начинает стучать. Зачем она позвала его? Лечь в кровать, притвориться спящей? Нет, он сейчас придет.

На луну налетают облака. Темно. Ничего не видно. Может быть, он уже тут, под окном?.. Но облака летят дальше, и снова светло, а его нет. Что же он так долго? Он придет, она не сомневается. Только бы уж поскорей...

Понемногу и луна, и небо начинают бледнеть. Деревья расплываются в молочном тумане. От пруда тянет сыростью. Люка ежится. Закутаться бы одеялом. Но нельзя. Станешь похожа на тюк. Она плотнее запахивает полы халатика. Нет, он должен увидеть ее красивой.

Небо становится все светлее, луны уже почти не видно, такой бледной и прозрачной стала она. Белый легкий туман поднимается все выше, заволакивая сад. Молчат лягушки, молчат деревья, молчат цветы. Ни движенья, ни вздоха. Так тихо, как бывает только на рассвете, в таинственный час между утром и ночной темнотой. Люка кашляет, испуганно оборачивается. Нет, Вера спит, не слышит. Отчего он не идет?.. Отчего?.. Но он придет. Не может не прийти...

В соседней церкви протяжно и гулко звонит колокол.

Значит, шесть часов. Значит... Люка тихо встает, вешает Верин халатик, ложится в постель. Значит, он не придет...

Вера трясет Люку за плечо:

– Да проснись же.

Люка поднимает тяжелую голову, трет кулаком глаза:

– Что, что такое?..

– Мы уходим. Ты спишь как сурок.

– Который час?..

– Девять.

– Девять... – Люка испуганно садится на кровать. В половине десятого уезжает Арсений. Она вскакивает. Где туфли? Где платье?.. Скорей, скорей. Неужели она не увидит его?..

Она бежит по коридору. Из холла доносятся обрывки разговора:

– Надеюсь, вы будете часто бывать у нас в Париже. Мои дочери так подружились с вами...

– Благодарю вас, с удовольствием.

Люка останавливается. Нет, она не посмеет войти, она закричит, она упадет в обморок, и все увидят, поймут.

Но все-таки она толкает дверь. И ничего особенного не происходит. Все обыкновенно, буднично. Арсений стоит перед Екатериной Львовной. На нем синий костюм, красный галстук. Люка все видит, все замечает. Не кричит, не падает в обморок.

– Я уже боялся, что не попрощаюсь с вами, маленькая со-

ня. – Арсений пожимает ей руку. – Ну, растите большой и умной. В Париже нам с вами непременно надо будет в цирк на дрессированных львов сходить.

В саду перед террасой шумит автомобиль. Горничная укладывает в него чемоданы. Арсений сбегает по лестнице.

– До свиданья, счастливого пути...

– До свиданья, до Парижа...

Люка смотрит на него. Вот сейчас, сейчас все кончится. Он уедет, и больше ничего не будет. И вдруг, сорвавшись с места, бежит за ним.

Арсений уже садится в автомобиль.

– Вы, – начинает Люка хрипло, – вы... – «... Не пришли, а вы вас ждала», – хочет она сказать, но что-то мешает в горле.

Арсений снова трясет ее руку.

– Да, да, – говорит он, блестя белыми зубами. – Я не забуду. Непременно пойдем львов смотреть. До свиданья.

Автомобиль трогается. Вот он выезжает на дорогу, вот заворачивает за угол. Вера машет платком.

– Уехал, – говорит она протяжно, – уехал... А нам все-таки жить надо и лечиться тоже. Идем, мама.

Люка остается на террасе.

– Уехал, – повторяет она нараспев.

От бессонной ночи болит голова, в ушах звон.

– Уехал... Что теперь делать? И стоит ли вообще что-нибудь делать? Куда идти? Зачем?..

Она медленно входит в дом и, держась за перила, под-

нимается по устланной красной дорожкой лестнице, потом идет по широкому коридору. По обе стороны белые двери, и на каждой черный номер – 24, 26, 28. Двадцать восьмой, здесь жил Арсений. Она берет за ручку. Дверь не заперта. Люка стоит в незнакомой комнате. Еще не прибрано. Все так, как было при нем. На столе груда газет. Красное одеяло свешивается с кровати на пол. На подушке впадина, след от его головы. Окна закрыты. В нагретой солнцем комнате душно. Люка подходит к постели, гладит подушку, трогает простыни. Здесь он спал. Она откидывает одеяло, ложится в постель. От простынь терпко и обморочно пахнет египетским табаком, одеколоном. Чужой, мужской запах. В ушах звон сильнее. Все тихо плывет перед глазами. Холодные простыни тяжело ложатся на голые колени. Люка вздрагивает, широко раскидывает руки, ладони становятся слабыми и влажными. Она глубоко вздыхает и блаженно закрывает веки...

– Люка, ты ничего не ешь. Отчего ты такая красная? Дай тебе лоб пощупаю. Господи, да у тебя жар.

– Глупости, мама, – вмешивается Вера, – ничего у нее нет. Просто объелась вчера мороженым. Пусть примет касторки. Но Екатерина Львовна беспокоится:

– Что у тебя болит, Люка?

Люка слабо трясет головой:

– Ничего не болит. Только в ушах звон. И еще тут колет. Сердце.

– Какое же тут, у плеча, сердце? Легкое должно быть. Ты простудилась.

Но Люка трясет головой:

– Нет, сердце. Я знаю. Это сердце.

Конечно сердце. Сердце всегда болит от горя.

Екатерина Львовна не верит:

– Надо тебя сейчас же уложить, послать за доктором.

Люка отодвигает тарелку, с трудом встает, цепляясь за стул.

– Это сердце, не надо доктора...

Люка больна от горя и любви. Доктор сейчас поймет, расскажет. И все будут знать, и все будут смеяться над ней.

– Не надо доктора. Не хочу. Я здорова...

Люка лежит в кровати. Доктор что-то тихо говорит. Ну конечно, что Люка больна от горя и любви. И теперь все знают. Все.

Мама выходит вместе с доктором. Люка одна. Теперь все знают, даже Том, рыжая хозяйская собака. Даже вещи в ее комнате. Да, вещи знают. Они вдруг стали враждебными и насмешливыми. Полированный шкаф неприятно блестит, стол горбится и хихикает, стулья подбегают к самой постели и шаркают круглыми тонкими ножками. «Больны?.. А какой такой болезнью, позвольте узнать...» Синие и красные квадратики на обоях подталкивают друг друга углами и смеются тоненькими голосами: «Ждала... Не пришел. С носом осталась. С носом...»

...Люка открывает глаза. В окно светит луна, занавески тихо колышутся, розы под окном тихо кивают. И сейчас же над Люкой наклоняется Арсений.

– Арсений?.. Но ведь вы уехали.

– Я вернулся. Мне сказали, что вы больны. Я здесь. Я никуда не уйду. Спите...

И Люка засыпает.

Утро... Люка жмурится от солнца:

– Арсений, вы здесь?

– Да, да, спите, Люка. Я здесь. Я с вами.

Люка берет его за руку:

– Не уходите, мне страшно без вас.

– Я никуда не уйду. Я буду с вами всегда. Я люблю вас,

Люка...

Люка счастлива. Но она так слаба, так беспомощна. Ей даже трудно вздохнуть.

– И я вас... – шепчет она.

И опять ночь.

Люка поднимает голову, Арсений сидит в кресле около ее постели.

– Арсений, я не умру?

– Но ведь вы совсем здоровы.

– Я боюсь, что умру. Я слишком счастлива. Поцелуйте меня, Арсений.

Он садится к ней на кровать, целует ее в губы. Свет луны падает на него, блестят черные глаза, блестят черные волосы.

- Люка, помните, в Петербурге?..
  - Да. Я ждала вас, Арсений...
  - Я женюсь на вас, когда вам будет шестнадцать лет.
  - Еще так долго, полтора года...
  - Но разве вам не хорошо?..
  - Ах, мне хорошо, слишком хорошо.
- Люка снова закрывает глаза.

– Пить, – говорит Люка хрипло.

– Люка, Люкочка, взгляни на меня. Ты узнаешь меня. Кто я?..

– Ты – мама, – произносит Люка медленно.

– Узнала меня. Пришла в себя, – радостно кричит Екатерина Львовна. – Доктор, она выздоровеет, она будет жить.

– Да, – говорит доктор, – теперь она поправится. – И щупает Люкин пульс.

Екатерина Львовна плачет. Слезы текут по ее измученному бледному лицу.

– Люкочка, деточка моя...

К постели подходит Вера, она тоже бледна.

– Ну и напугала же ты нас, Люка.

Вера улыбается, гладит сестру по щеке:

– Поправляйся скорей, цыпленок.

Какие все добрые, милые. Только где Арсений?.. Люка хочет спросить, но язык еще плохо слушается. Дверь скрипит. Это он. Но входит горничная и ставит букет роз на ночной

столик. Розы, конечно, от Арсения. Даже спрашивать не надо. А он, должно быть, спит. Он так устал, ведь он не отходил от нее.

Люка улыбается. Как хорошо выздоравливать, как хорошо жить...

...Окно в сад открыто. Люка видит темные ели и кусок голубого неба над ними. Большая прозрачная стрекоза влетает в комнату. Вера кладет на Люкину кровать свое голубое шелковое платье:

– Это тебе, чтобы ты скорее выздоровела. Мне оно узко, тебе будет как раз.

Люка трогает платье. Шелк нежно скрипит под пальцами. Какое красивое. Люка всегда любовалась им. Взрослое, настоящее платье, не то что Люкины мешки с прорезом для головы и рук.

– Через три дня ты можешь встать, – говорит Екатерина Львовна, целуя дочь. – Ты рада, Люкочка?

Да, Люка рада. Люке хорошо. Но... Но Арсений... С тех пор как она пришла в себя, она не видела его. Уехал?.. Отчего тогда не написал ей? И отчего ни мама, ни Вера не говорят о нем? Люка ждет его. Днем и ночью, каждый час, каждую минуту. Она его невеста, она не беспокоится. И спрашивать не надо. Но ждать все труднее...

Люка сидит в кресле на террасе, похудевшая, вытянувшаяся. На ней Верино голубое платье, ноги закутаны пледом. Осеннее солнце косо освещает сад, кусты облетающих роз и

пруд. Пансион уже пуст. Все разъехались. Только в первом этаже живет какая-то старушка. Больше никого.

Пора в Париж. И так засиделись из-за Люкиной болезни. Но теперь Люка, слава богу, здорова. Да, Люка здорова. Это заметно по всему. Екатерина Львовна больше уже не смотрит на нее такими восторженными влажными глазами, Вера опять огрызается и, наверное, жалеет, что подарила голубое платье. Ведь и без платья Люка поправилась бы.

– Подадут громадный счет, – вздыхает Екатерина Львовна.

Вера кивает:

– Еще бы... было бы хоть за что деньги платить. А то целый месяц мучились...

– Неужели Люка хворала целый месяц?..

– Ну конечно, мама. Разве ты не помнишь? Она захворала двенадцатого августа, в день отъезда Арсения Николаевича.

Люка вытягивает шею:

– Разве Арсений Николаевич?.. – и, не кончив, беспомощно прислоняется к спинке кресла и закрывает глаза.

Не надо, не надо спрашивать. Ни о чем не надо спрашивать...

Вторая часть

1

Большой темноватый класс. Парты слишком низки. Люка горбится, вытягивает длинные ноги, рассеянно смотрит на черную доску, на географические карты, на очкастого учителя. Рядом с ней сидит курносая толстая Ивонна. Губы Ивонны быстро шевелятся. Люка знает, что Ивонна шепчет: «Святой Антоний, сделайте так, чтобы меня не вызвали. Я вам дам два су, святой Антоний...» Ивонна никогда не учит уроков и трусит. Люка даже немного завидует ей, бояться все-таки веселее, чем только зевать. Люке бояться нечего, она хорошо учится.

Люка возвращается в метро. На станции все те же надоевшие рекламы. Два гуся в чепчиках клюют из жестяной корочки паштет из гусиных печенок и похваливают: «Ah! Que c'est bon!»¹

Глупые утки. Безнравственная реклама.

Дома в маленькой тесной квартире в Пасси еще скучнее. Две спальни, столовая и кухня, а повернуться негде, и ходить приходится всегда боком, чтоб не задеть за стол или кровать.

---

¹ Ах! Как вкусно! (фр.)

За обедом Екатерина Львовна, вздыхая, разливает суп.

– Все дорожает. Я просто не знаю, что мы будем делать.

Надо экономить...

И экономят. Сладкого больше не готовят и даже в кинематограф не ходят. Вера потеряла службу, целыми днями пропадает в поисках новой и становится все злее. Вечером она вышивает крестиками по канве для русской мастерской.

Люка садится рядом с ней под лампой в столовой:

– Дай я тебе помогу.

– Отстань, иди уроки учить.

– Я уже кончила. Дай, я умею. Тебе же выгоднее.

– Отстань, говорят тебе. Я не нуждаюсь в твоей помощи.

Люка замолкает и от нечего делать считает полоски на обоях. Пятнадцать синих, шестнадцать желтых. Впрочем, они уже давно сосчитаны, и ошибиться нельзя. Потом принимается за объявления в газете. Но и тут ничего нового нет. Зубная лечебница «Зуб», доктора Спец и Рыбко. Спешно продается квартира в Медоне.

В половине десятого раздается звонок. Люка бежит в прихожую открывать.

– Здравствуйте, Владимир Иванович.

– Здравствуйте, Люка. Ваши дома?

Люка презрительно кривит губы:

– Где же им быть?

Владимир Иванович снимает пальто на шелковой подкладке, поправляет перед зеркалом галстук и большие рога-

вые очки. На руке у Владимира Ивановича круглые золотые часы, и портсигар у него золотой. Люка уважает богатство. Владимир Иванович входит в столовую.

– Я не помешал? – спрашивает он.

– Нет, напротив. Мы очень рады.

Вера поспешно кончает пудриться. Владимир Иванович садится к столу.

– Отвратительная погода, – говорит он. – Как у вас хорошо.

Екатерина Львовна кивает:

– Да, осень...

Потом идет на кухню ставить самовар. Владимир Иванович из-под очков смотрит на Веру, на ее белую руку, на иголку, на красную шелковую нитку и канву.

За чаем вяло разговаривают. Екатерина Львовна накладывает варенье:

– Я сама его варила. В этом году лето жаркое было, ягод много.

Лето... Белые кусты роз, качающиеся ели, пруд, голубое небо и Арсений...

Люка молча размешивает сахар и вдруг поднимает голову:

– А почему Арсений Николаевич не бывает у нас?

Вера краснеет:

– Отстань, Люка. Молчи.

– Придет еще. Наверное, очень занят, ведь у него много дел... Но такое ли лето у нас в России? – быстро говорит

Екатерина Львовна.

– Да, под Москвой...

Когда тема о России наконец исчерпана, снова наступает молчание и снова Екатерина Львовна старается оживить разговор:

– Ну, Люка, расскажи, что у вас в лицее нового.

Люка дергает плечом. Этого только не хватало, чтобы и дома про лицей. Верно, им уже совсем не о чем говорить, раз о такой скуке спрашивают.

– Она у меня первая ученица, – хвастается Екатерина Львовна.

– Удивительно. – Владимир Иванович улыбается Люке. – Ведь русская во французском лицее. Трудно, должно быть.

Но Вера обрывает его:

– Еще бы она ленилась. За нее деньги платят. Должна понимать, не маленькая.

В двенадцать часов Владимир Иванович уходит. Теперь спать, а на завтра все сначала.

2

Четверг. С тихих деревьев Люксембургского сада падают рыжие листья.

Люка сидит на скамейке между хорошенькой Жанной и курносой Ивонной.

– Сыграем еще партию?

Ивонна вытирает лоб рукой:

– Посидим. Я устала.

– Ты толстуха, – говорит Жанна презрительно. – С тобой скучно играть.

Солнце освещает рыжие деревья, статуи, цветники, лестницы и дворец. Игрушечные кораблики плавают в круглом бассейне. Трава еще совсем зеленая, и воздух теплый.

Люка размахивает ракеткой:

– Да, да, Ивонна, с тобой скучно. В теннис ты не играешь, бегать не можешь, и ничего-то ты не знаешь.

– Ну, положим, я знаю гораздо больше тебя.

– Ты? Что ты знаешь?

Ивонна гордо выпрямляется:

– Много, хотя бы, например, что надо делать, чтобы иметь детей.

Жанна хохочет:

– Нашла чем удивить. Я знаю даже, что надо делать, чтобы не иметь детей. Хочешь, расскажу?..

Щеки Жанны краснеют. Ивонна наклоняется к ней, глаза блестят.

– Расскажи...

Люка зажимает уши:

– Не смей, не смей. Я не хочу. Замолчи, Жанна.

Она вскакивает со скамейки и убегает.

Жанна догоняет ее:

– Куда ты, принцесса-недотрога? Если не хочешь, что-

бы я рассказывала, я тебе книжку принесу. Сама прочтешь. Очень интересно.

– Нет, и книги не надо.

– Видишь, я знаю больше тебя. Нечем тебе гордиться. И у тебя вид девчонки, а у меня... – Ивонна с удовольствием проводит рукой по своей груди.

Люка морщится:

– Это некрасиво и немодно.

– Глупости. Мужчины это любят.

– А ты почему знаешь? Вот у меня сестра Вера. Тонкая, плоская и пополнеть боится.

– А в нее много влюбляются?

– Ужасно. Двое уже застрелились, – фантазирует Люка.

– А тебя она любит?

– Обожает. Все, что я хочу, делает. Конфеты покупает.

– Счастливая ты, Люка, – вздыхает Жанна. – У меня брат все меня мучает, за волосы дерет.

Ивонна снова проводит рукой по груди:

– А все-таки мужчины это любят...

– Откуда ты знаешь?

– Мне Поль сказал.

– Поль?.. – переспрашивает Люка.

– Ну да. Поль, мой двоюродный брат. Он приходит к нам по воскресеньям. И в коридоре...

– Что в коридоре?...

Ивонна выжидательно молчит.

– Ну, ну, – Люка трясет ее за плечо. – Что такое в коридоре?

– В коридоре он... – Ивонна снова умолкает.

– Ну, – вскрикивает Жанна.

– Он большой, – говорит Ивонна мечтательно. – Ему уже восемнадцать лет. Он студент.

– И что же в коридоре?..

– В коридоре он обнимает меня... И целует.

– Неужели? – ужасается Жанна. – И ты позволяешь?

– Как не позволить? Он сильный.

– Куда он целует тебя? В губы?

– Да, в губы. В шею. И колени.

Люка краснеет:

– Колени...

– Да. Сначала я боялась, но теперь...

– А если войдут?

– Тогда будет скандал, – спокойно говорит Ивонна. – Но что же я могу? Он сильный.

Жанна смотрит на Ивонну сбоку:

– А ты не врешь?

Ивонна возмущается:

– Честное слово. Хочешь, в воскресенье приведу его сюда?

– Приведи, непременно приведи.

Ивонна чувствует себя героиней.

– Ну а ты, Жанна. Неужели тебя еще никто не целовал?

Жанна грустно качает хорошенькой головкой:

– Нет, никто. А тебя, Люка?

Люка пожимает плечами:

– Я бы многое могла рассказать. И поинтереснее, чем

Ивонна, только не вам, вы слишком глупы.

– Сама ты умна, – огрызается Ивонна. – Просто тебе стыдно, что рассказать нечего.

Люка снова пожимает плечами:

– Может быть, и есть что, да не тебе.

Они идут по прямой, шуршащей рыжими листьями аллее.

Вдали видны широкие ворота.

– Кто скорей до забора, – кричит Люка. – Раз, два, три. –

И несется вперед.

Минуту Жанна бежит рядом, плечом к плечу, потом топот ее ног слабеет, она отстает.

– Первая, я первая, – кричит Люка, держась за решетку. –

А вы черепахи.

По улице мимо сада проезжает такси. Сквозь стекло на Люку смотрят черные блестящие глаза. И рядом в глубине маленькая голубая шляпа, совсем как у Веры. Одна минута, и уже нет такси.

Арсений... Неужели Арсений и Вера?.. Или только показалось?.. Люка стоит около забора и смотрит вслед такси. Неужели это был он?..

Жанна дергает Люку за руку:

– Что же ты не отвечаешь? Хочешь играть в Линдберга?

Самовар шумит на белой скатерти. Рядом с вазочкой с вишневым вареньем мотки красного, синего и желтого шелка. Вера молча шьет, наклонив темную, гладко причесанную голову. Владимир Иванович влюбленно смотрит на нее:

– Сегодня был чудный день. Вы гуляли, Вера Алексеевна?

– Да, гуляла. – Вера внимательно считает стежки, не поднимая глаз.

Люка ставит чашку на блюде.

– А я была в Люксембургском саду. Скажи, Вера, ты не проезжала мимо в такси? С Арсением Николаевичем?

– Я?.. – Вера резко поворачивается к сестре. Ножницы со звоном летят на пол. – Я? С Арсением Николаевичем?.. Ты с ума сошла.

– Чего ты сердишься? Мне показалось издали. Шляпа голубая, совсем как у тебя.

Вера густо краснеет:

– Мало ли в Париже голубых шляп. Я сегодня вообще не выходила.

– Но как же ты только что говорила, что гуляла?

Вера еще больше краснеет.

– Я не гуляла, я ходила за работой в мастерскую. Арсения Николаевича я с лета не видела. И какое тебе дело?..

– Я ничего... Мне только показалось. Голубая шляпа со-

всем как твоя. И...

– Отстань. Как ты смеешь приставать, змееныш?..

Вера встает, шумно отодвигает стул и уходит, хлопнув дверью. Щелкает ключ.

– Ну вот, – огорченно говорит Владимир Иванович. – Как нехорошо вышло.

Екатерина Львовна старается казаться спокойной:

– Вера так нервна. Вы ее извините, пожалуйста. Я иногда просто не понимаю, что с ней.

– Нервы, должно быть, малокровие. И Вера Алексеевна слишком много работает.

Люка трясет головой:

– Она? Она целыми днями пропадает. Вторую неделю все ту же блузку вышивает.

– Люка, ты опять суешься? Не довольно с тебя, что Веру расстроила?

– Она сама расстроилась. Я ничего не говорила, мама. Мне только показалось...

– Знаешь пословицу: когда кажется, тогда крестятся? Слишком ты болтлива.

Люка надувает губы:

– Хорошо. Теперь молчать буду.

Владимир Иванович прощается.

– Куда же вы так рано, – удерживает его Екатерина Львовна. – Верочка сейчас выйдет. Верочка, Владимир Иванович хочет уходить.

Но ответа нет. Владимир Иванович нерешительно смотрит на дверь спальни, потом вздыхает:

– Нет, уж я лучше пойду. Пора. Передайте, пожалуйста, привет...

Люка провожает его в переднюю. Владимир Иванович надевает пальто.

– Нехорошо обижать сестру, Люка.

– Обидишь такую. Она сама всякого обидит. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Люка.

Люка возвращается в столовую. Екатерина Львовна сидит за столом под лампой, положив голову на руку.

– Mamочka, милая. Что с тобой? Тебе грустно?..

– Ах, Люка. Разве мне легко все это видеть?..

Люка не понимает, что значит «все это», но сердце сжимается от жалости.

– Mamочka, это пройдет. Ты увидишь, как будет хорошо.

– Мама, – кричит Вера из-за двери. – Я не хочу, чтобы этот змееныш спал со мною. Пусть ночует где знает. Я ее не впущу.

– Хорошо, я возьму Люку к себе. Но тыпусти меня, Верочка. Я хочу с тобой проститься.

– Я уже легла, мне лень вставать, спокойной ночи.

Люка бьет в ладоши:

– Вот как чудно, я буду спать с тобой, мамочка...

Люка лежит на диване в комнате матери. Диван твердый и узкий, и бока болят, но Люка блаженствует. С мамой можно поговорить, мама не облает, как Вера.

– И тогда они убили ее, разрезали на куски и бросили в Сену... Ты слушаешь, мама?..

– Спи, – сонно отвечает Екатерина Львовна, – уже поздно. Темно, тихо и тепло. Красная лампадка мигает перед иконой. Овальное зеркало тускло поблескивает над диваном. Полосатое кресло в углу кажется гвианским каторжником. Притаился, присел на корточки, ждет, чтобы прыгнуть с ножом на горло.

– Мама, послушай.

Люка высоко поджимает холодные колени, поворачивается на другой бок, вздыхает.

– Мама, ты спишь?

На постели шуршат простыни.

– Что тебе, Люка? – спрашивает сонный голос.

– Мама, послушай, не спи... Скажи, ты не знаешь... Есть такие стихи у Лермонтова – «Ангел смерти». Ты не помнишь?..

– Какие еще там стихи? Спи...

– Ах, мама, – взволнованно шепчет Люка, – я все вспоминаю и не могу заснуть.

– Глупости, перекрестись и спи. Лермонтова завтра в библиотеке возьмешь, тогда и прочтешь. А теперь спи.

Люка замолкает на минуту.

– Мама, – спрашивает она снова, – мама, ты видела, как умирают?..

– Молчи, Люка... И что за страхи на ночь, перекрестись и спи.

Тихо. Сквозь темные занавески на окне падает узкий зеленоватый луч уличного фонаря. Люка поднимает голову с подушки, всматривается в зеркало над диваном. Уличные тени, расплывчатые и смутные, скользят по темному стеклу. Страшно. Люка прижимает руки к груди. Кто это там в глубине?.. Кто?.. Кровь медленно и мучительно отливает от сердца, и пальцы холодеют. Кто это?.. Неужели он?..

– Мама, – шепчет Люка, – мама, ты видела, как папу расстреливали?

– Люка, – вскрикивает Екатерина Львовна и щелкает выключателем, – Люка, что ты говоришь?..

Люка сидит на кровати и широко раскрытыми глазами смотрит в зеркало. Худые плечи вздрагивают под ночной рубашкой.

– Зачем ты зажгла свет? Зачем? Еще минута, и я увидела бы его.

– Кого?.. Что ты говоришь, Люка? Что с тобой? Выпей воды.

Екатерина Львовна наклоняется над ней, но Люка прячет лицо в подушку.

– Оставь меня. Я уже почти видела его. А теперь все пропало. Пропало.

Со смертью у Люки старые и сложные отношения. Пяти лет Люка слушала сказки про волшебниц и злых колдунов, прижимаясь к маминым коленям.

– Мама, ведь это все еще повторится? Не правда ли, повторится? – спрашивала она, бледнея. – И волшебницы, и колдуны? Когда я вырасту, а ты будешь мертвая. Да?

И мама грустно улыбалась:

– Разве ты хочешь, чтобы я умерла?..

– Ах нет. Но ведь бабушка уже умерла. Значит, теперь твоя очередь. Но ты все-таки, пожалуйста, поживи еще. Без тебя мне будет очень скучно.

Люка соскальзывала с теплых маминых колен, бродила по большому неосвещенному дому, пока не попадала в длинный коридор. Из коридора дорога уже одна – хотя и запретная – прямо в кухню. Люка робко толкала дверь и останавливалась. В кухне было жарко. Плита пылала красными огнями, в кастрюлях и на сковородках что-то кипело и жарилось. Синий чайник подскакивал, хлопая крышкой. Вода в нем булькала неприятно и насмешливо. Люка отворачивалась, лучше не смотреть на него. Она осторожно подходила к толстой кухарке и дергала ее за передник:

– Аксинья, расскажи про чертей.

И кухарка, помешивая что-то деревянной ложкой в ка-

стриюлке, сейчас же начинала:

– А было это, барышня Люка, давно, когда вас еще и на свете не было. А я тогда была не такая, как теперь, а красавица, загляденье, коса до пят, глаза как звезды, сама румяная да белая. Вот и иду я однажды пройтись. Только вышла из села – гляжу, у самого леса тройка стоит, звенит бубенцами, ямщик с павлинным пером, кони быстрые, а в санях барин, чернявый, борода клинушком, шуба тысячная и шапка бобровая. Сделал он мне этак ручкой: «Эй, красавица, садись, прокачу». Я было уж и ножку в сани занесла, да тут как подует ветер, и с барина шапку долой. А под шапкой-то волосы курчавые и рожки торчат. Ну, я назад, перекрестилась. Только снег столбом пошел, ни барина, ни тройки. А если бы села в сани, прямехонько в ад, в пекло доставил бы меня, а там за ножки да на сковородку. Жарься себе, как блин, чертям на радость.

– А теперь, Аксинья, чертей уже нет?

– Теперь уже нет. Все перевелись. Зато теперь большевички. Большевички-то, говорят, еще почище чертей будут...

В одно утро встали с испуганными лицами, бегали по дому, укладывали чемоданы и сундуки. Надо удирать, завтра будет поздно...

У Люки был маленький ангорский котенок. Люка очень любила его, и первой ее мыслью было: а Ступка?

– Мама, Ступка поедет с нами?

– Нет, куда с кошкой. Там тебе новую купим.

– Мама, пожалуйста, возьмем Ступку. Я не могу без Ступки.

Но мама неожиданно рассердилась:

– Нет, сказано тебе. Нет. Ступка останется. Не приставай. И без тебя голова кругом идет.

– Так Ступка не поедет?..

– Нет, нет, и не топчись под ногами. Иди играть.

Люка не плакала, она взяла котенка на руки и вышла в сад. Было тихо, холодно и грустно. Белое осеннее солнце светило сквозь голые ветки. Песок скрипел под ногами. Люка села на качели, прижимая Ступку к груди.

– Ступка мой, Ступочка. Как ты будешь без меня, Ступка?..

Она оттолкнулась ногой, и качели тихо закачались. От их мерного укачиванья стало еще грустней, еще безнадежней.

– Ступка мой... – Люка поцеловала его пушистую шерсть. – Ступочка...

Качели остановились. Люка смотрела на березы, на тяжело летевшую ворону, на крышу дома. Котенку надоело лежать неподвижно, он зацарапал лапками по Люкиному платью, стараясь освободиться, но Люка крепче прижала его к груди и встала:

– Ступка мой. Никому не отдам, не оставлю.

Она обошла дом, тихо пробралась по узкой лестнице на чердак. Чердак был большой и низкий. Всюду стояли сундуки, старые стулья, диваны, шкафы. С потолка спускалась па-

утина. Сквозь маленькое круглое окно падал пыльный солнечный луч. Люка затворила дверь, зашла в угол за шкаф и, став на колени, начала рыться в куче мусора. Котенок жалобно замыкал.

– Сейчас, сейчас, Ступочка, подожди.

Люка подняла с полу веревку и встала. Потом сделала из веревки петлю, поцеловала котенка прямо в мордочку. Котенок недовольно фыркнул и лизнул ее в губы маленьким шершавым языком.

– Ступка, мой Ступка, прощай...

Она привязала конец веревки к высокой спинке стула, накинула петлю котенку на шею. Котенок повис в воздухе, отчаянно дрыгая лапками. Люка зажмурилась, чтобы не видеть. Когда она взглянула на котенка, все уже было кончено. Он висел на веревке, раскачиваясь назад и вперед, как маятник. Лапки были растопырены. Рот широко раскрыт. Круглые стеклянные глаза смотрели прямо перед собой.

– Ступка, Ступка!

Люка громко заплакала. И вдруг захлопали крылья, и что-то влетело в окно. Люка втянула голову в плечи и с криком бросилась за шкаф. Крылья, хлопая над ее головой, пронеслись дальше, туда, к Ступке. Люка забилась в самый угол, холодея от ужаса. Это Ангел смерти прилетел за Ступкиной душой. Азраил, Ангел смерти. Люка знала, он всегда прилетает за душами.

Сердце громко стучало, и колени дрожали. Люка долго

стояла, прижавшись к стене. Потом наконец осторожно выглянула из-за шкафа. Было по-прежнему тихо, пыльно и пусто. Котенок висел уже неподвижно, его вытарашенные стеклянные глаза все так же смотрели прямо перед собою, лапки все так же топорщились. Большой серый голубь сидел на выступе круглого окна, склонив голову набок. Но Люка знала, это не он. Это Ангел смерти прилетал за Ступкиной душой. Ангел смерти, а не голубь.

– Люка, Люка, – звали внизу. – Одевайся скорее, сейчас едем...

В экипаже Екатерина Львовна вспомнила:

– А где же твоя кошка?..

Люка сказала грустно:

– Кошку взял ангел.

Но никто не обратил внимания на ее ответ. Не тем были заняты. И никто больше не спрашивал о Ступке.

А через несколько дней Люка гуляла по берегу теплого Черного моря и удивлялась, почему черное, когда оно как синька. Красное круглое огромное солнце медленно опускалось в синие волны.

– Мама, – беспокоилась Люка, – солнце упало в море. Рыбы не съедят его за ночь?..

Белые чайки, хлопая крыльями, кружились над головой. Люка закрывала глаза, и ей казалось, что это Ангел смерти летит за Ступкиной душой, и сердце громко стучало от ужаса и блаженства...

Снова дни идут за днями. Лицей, потом обед и вечером самовар, Владимир Иванович, Верины крестики и разговоры о России.

– Я сегодня шла по Елисейским Полям, – говорит Екатерина Львовна, – так красиво, деревья, вдали арка, и небо совсем особенное, как только в Париже бывает, прозрачное, высокое. Так красиво. И все-таки я шла и думала: лучше никогда бы мне не видеть всего этого. Лучше бы мне быть в России несчастной, чем здесь счастливой...

Вера поднимает голову и задумчиво смотрит в угол.

– Да, – вздыхает она. – И по русской земле так легко ходить. Теперь уже снег в России...

Люка пожимает плечами:

– А как же, Вера, без Галери Лафайет? Где бы ты там ленточки покупала и одну пару перчаток по десять раз меняла?

Но Вера, не отвечая, шьет, наклонившись над канвой...

В двенадцать ложатся спать. Люка снова спит вместе с Верой. Вера долго моется и причесывается. Потом тушит свет.

– Спокойной ночи, Верочка, – заискивающе говорит Люка.

– Спи, – сухо отвечает Вера.

Вера все так же нервна, раздражать ее нельзя.

Люка закрывает глаза. Люка спит...

...Ей снится, что она лежит на широком низком шелковом диване. Она голая, ей неловко, стыдно. Прикрыться бы, но ничего нет, ни простынь, ни одеяла, ни подушек. Диван плоский, шелк холодный и скользкий. Люка беспокойно двигается. Комната совсем пустая: ни стульев, ни стола, ни даже ковра на полу. В широкое, во всю стену, окно видны только синее прозрачное небо и большая круглая луна. Луна смотрит прямо в комнату. Лунный свет падает прямо на Люкины ноги. Люка сжимает и разжимает колени, хочет спрятаться, уйти от луны. Но некуда. Лунный свет заливает ее ноги, проходит между коленями, через живот, грудь, горло, и во рту на кончике языка его вкус, прохладный влажный вкус лунного света. И некуда уйти, некуда спрятаться от луны. Так стыдно, так хорошо...

На луну набегает большая черная туча. Совсем темно, ничего не видно. Люка съеживается, подбирает колени к подбородку и чувствует холодный ветер в волосах. И вдруг шум крыльев над головой. Она зажмуривается. Нельзя дышать, и сердце не стучит, и глаза открываются сами собой от ужаса.

Черные огромные крылья... Черные блестящие глаза... От их взгляда кровь убегает из тела, вместо нее по венам струится легкий-легкий холод, и в груди уже нет сердца и нет жизни. В груди пусто, холодно и легко.

– Азраил... – слабо вздыхает Люка.

Черные крылья, черные глаза наклоняются над ней. Холодные легкие руки гладят ее грудь, ее колени. Как холод-

но, как блаженно, как страшно. Сейчас оборвется ее душа. Она держится только на тонкой ниточке. Сейчас оборвется и полетит в широкое окно, в темное небо... Но почему так темно?.. Она не видит его. Только черные блестящие глаза, только черные огромные крылья...

– Азраил...

Ледяные губы медленно и мучительно касаются ее губ. Темно. Тихо. И веки закрываются от счастья, блаженства и ужаса.

– Азраил...

Люка просыпается. Это их спальня. Вера спокойно дышит на соседней кровати, на стуле лежит платье, на коврик брошены туфли. Это их спальня, и все обыкновенное. Но в ногах Люкиной постели, словно огромная птица, сложив черные крылья, сидит Азраил, и черные глаза его блестят в темноте.

Она протягивает к нему руки:

– Азраил. Ты будешь ко мне прилетать?..

– Да, да. Каждую ночь... Каждую ночь...

6

Люка ходит в лицей, обедает, готовит уроки. Как всегда. И никто не знает, что с ней случилось, и никто ничего не замечает. Люка не изменилась, только немного бледнее, немного рассеянное, чем прежде.

Урок истории. Люка зевает. Как она устала, и спина болит.

А после истории еще алгебра.

«Азраил», – пишет она чернилом на парте и стирает рукавом, чтобы никто не увидел. Рукав весь черный, и руки тоже.

– Слушай. – Толстая Ивонна толкает ее локтем. – Он завтра придет.

Люка рассеянно поднимает голову:

– Он? Кто он?

– Он. Поль, конечно. Какая ты бестолковая.

– Куда же он придет?

– Ты уже забыла. Ведь я обещала его показать. Он придет завтра в Люксембург. Слышишь, Жанна?

Жаннино хорошенькое лицо густо краснеет.

– Этот Поль, который тебя целует?..

– Ну да. Завтра в половине третьего.

Жанна и Люка ходят взад и вперед по широкой аллее Люксембургского сада. На Жанне новое платье и перчатки.

– Ты чего же так нарядилась?

Люка насмешливо осматривает ее.

– Сегодня воскресенье, и мы должны познакомиться с молодым человеком...

Люка смеется, тряся головой, ее светлые волосы прыгают.

– Ты бы хоть шляпу надела, – советует Жанна. – Что он подумает?

Люка подбрасывает берет и ловит его.

– Вот еще. И так много чести, что мы его ждем.

Рыжие листья глухо шуршат под ногами. Деревья поднимают к небу голые черные ветки. В холодном прозрачном воздухе статуи кажутся живыми, цветы – искусственными и сад виден до самой глубины.

В ворота входит Ивонна, рядом длинный Поль в студенческой шапочке.

Ивонна сияет. Люка и Жанна останавливаются и ждут. Идти навстречу неприлично.

– Это Поль, – знакомит Ивонна, – а это мои подруги Жанна и Люка.

Поль улыбается. Зубы у него пломбированные. Он пожимает им руку – ладони у него потные.

– Какие хорошенькие, – говорит он развязно. – Только худенькие, как макароны. Но все-таки прелесть.

Садятся на скамейку. Люка с краю, рядом Поль, потом Жанна. Ивонна уступила ей свое место возле Поля.

– Ну, девочки, расскажите что-нибудь веселое, – говорит он.

Но они молчат. Ивонна толкает Жанну ногой, давясь от смеха.

– Чего ты?.. Перестань, – смущенно шепчет Жанна.

Поль смотрит на Люкины голые колени:

– Совсем еще маленькая. В коротких чулочках. Сколько вам лет?..

Люка обиженно прикусывает губу:

– Через месяц пятнадцать.

– О, как много. – Он протягивает руку к Люкиным коленям. – А потрогать можно?..

Люка вскакивает красная и злая:

– Не смейте. И довольно с меня... Прощайте.

Она поворачивается и быстро идет к воротам. Ивонна догоняет ее:

– Что же ты? Куда? Он обидится.

– На здоровье, пусть обижается.

– Но как можно?.. Ты совсем невоспитанная.

– Убирайся. – Люка почти бежит.

– Разве он тебе не нравится?..

– Ужасно нравится, страшно, и он чудно тебе подходит.

– Ну вот видишь...

– Прощай.

Ивонна недоумевающе смотрит Люке вслед, потом возвращается к Полю и Жанне.

– Сумасшедшая эта Люка.

Люка идет по тротуару.

Как противно. Руки у него потные, и весь он отвратительный, и еще целуется с этой индюшкой. А она, Люка, побежала смотреть на него. Она, к которой прилетает Азраил...

Люка морщится. Какой стыд. Он чуть не взял ее за колено. Чтобы успокоиться и убить время, Люка идет пешком. Идти далеко, с Монпарнаса в Пасси. Но ей не скучно. Она размеренно шагает, читая в такт:

Есть Ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья...

Уже четыре часа, а в одиннадцать можно лечь.

Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья...

Люка сидит перед тарелкой супа и, улыбаясь, глядит прямо перед собой на обои.

– Люка, чему ты? – спрашивает Екатерина Львовна.

– Что? – Люка растерянно моргает.

– Чему ты улыбаешься?..

– Я?.. Разве я улыбалась?..

Вера подозрительно смотрит на сестру:

– Ты вообще какая-то странная. Сонная. Синяки под глазами.

Люка краснеет:

– Я? Я ничего... Я вспомнила, в лице...

– В лице?.. – Вера грозит ей пальцем. – Смотри у меня.

Неужели догадалась?.. Неужели видела его?.. От страха холодеют руки.

– Ты не больна ли, Люка? – беспокоится Екатерина Львовна.

– Нет, я здорова. Я очень проголодалась.

Люка, давясь, глотает горячий суп и кашляет. Вера хлопает ее по спине:

– Не ешь так жадно. Никто не отнимет.

7

Азраил... Как хорошо...

И вдруг электрический свет нестерпимо ярко ударяет в лицо. Вера стоит перед кроватью:

– Я так и знала. Так и знала.

– Что? Что такое?..

– Нечего притворяться.

– Я не понимаю. Я хочу спать. О чем ты?

– Ах, ты не понимаешь?.. Не понимаешь, не знаешь. Маленькая, наивная. Так я тебе расскажу.

– Нет, нет, – испуганно кричит Люка. – Я не хочу, не надо, я не хочу этого знать. – И зажимает уши.

Но Вера грубо отводит ее руку:

– Нет. Ты будешь слушать. Довольно. Не знала, так узнаешь...

Вера до боли стискивает Люкину руку и, наклонив к ней бледное злое лицо, быстро-быстро говорит о самом позорном, о самом страшном.

– Вера, ради бога, Вера...

– Что у вас тут такое?..

В дверях стоит испуганная Екатерина Львовна.

– Вот, – Вера трясет Люку за руку, – вот, полюбуйся на твою дочь!..

– Вера, что ты говоришь? Замолчи, – шепчет Екатерина Львовна, – как тебе не стыдно?

– Стыдно? Это ей должно быть стыдно...

Люка лежит, уткнувшись головой в подушку. Екатерина Львовна наклоняется над ней:

– Люкочка.

Люка вдруг поднимает голову, смотрит на мать затравленными глазами.

– Отстаньте от меня, черти, – говорит она хрипло.

Снова тихо. Екатерина Львовна ушла к себе. Вера успокоилась и спит. Люка лежит, широко раскинув руки. О, как отвратительно... Голова горит. И все уже ясно, она все знает... Все ясно, отвратительно, грубо и страшно. И неужели правда? Неужели? И как люди живут, разве можно жить, если это правда?..

Люка еще шире разбрасывает руки, чтобы только не дотронуться до себя. Отвратительно, все отвратительно. И отвратительнее всего она сама...

Люке стыдно. Люке противно. Лежать бы так целый день в темноте, никого не видеть, ничего не слышать. Но надо вставать. Сейчас проснется Вера. О, как все отвратительно. Как противно. Как стыдно смотреть на свою рубашку, натягивать чулки, мыться.

Люка уходит потихоньку из дома, пока все спят. Но и на

улице все противно. На людей смотреть нельзя, они тоже все... И даже лошади... Люку начинает мутить. Какая гадость. Чтобы успокоиться, она рассматривает автомобили. У них четыре колеса и мотор, руль. Вот маленький «ситроен», а это «рено». Да, об автомобилях еще можно думать. И о деревьях, о тучах, о ветре.

Но в лицее опять все отвратительно. Толстая Ивонна, которая целуется с Полем... И Жанна, и все ученицы, и учителя. И даже мухи. Ведь и мухи тоже... Люка сидит красная, с запекшимися губами.

– Вы не больны? – спрашивает классная дама. – Может быть, хотите домой?

– Нет, нет, – пугается Люка. – Не хочу.

– Поль сказал про тебя... – шепчет Ивонна.

Люка сжимает кулаки:

– Молчи. Не смей со мной говорить, а то я тебя так вздую!

– Сумасшедшая.

После занятий Люка долго бродит по улицам. Голова кружится. Она ничего не ела. Надо хорошенько устать, тогда не будешь ни о чем думать.

В половине десятого Люка отпирает входную дверь.

– Люка, – вскрикивает Екатерина Львовна. – Деточка. Где же ты пропадала? Как я волновалась. Всюду уже искали, ко всем знакомым звонили и в лицее...

Вера пожимает плечами:

– Я говорила, что нечего бояться. Ты бы, мама, вместо по-

целуев выбрала бы ее хорошенько.

Екатерина Львовна хочет обнять Люку, но Люка слабо отстраняется и проходит в спальню.

– Оставь, мама. Я очень устала. Я хочу спать. Я обедала у Ивонны. Завтра расскажу.

Вера расставляет чашки на столе, звенит блюдечками.

– Комедия. – И презрительно смеется. – Ничего. Пусть поголодает. Полезно.

8

Азраил больше не прилетает. Люка даже не вспоминает о нем. И все по-прежнему – лицей, обед, уроки, чай. Люка по-прежнему играет с Ивонной и смеется. Что поделаешь? Жить надо, и каждый день. Даже если очень тяжело. Даже если очень скучно. Люке кажется, что она несчастна, но, может быть, это и не совсем так.

Самовар давно докипел. Люка зевает, поставив оба локтя на стол. Владимир Иванович влюбленно смотрит на Веру, поблескивая очками. Иголка быстро мелькает в Вериных пальцах.

– Я буду шить, пока не кончу. Хоть до утра, – говорит Вера.

– Уже половина первого. – Екатерина Львовна с улыбкой поворачивается к Владимиру Ивановичу. – Вы пропустите последнее метро.

– И бог с ним, – беспечно отвечает он.

– Да, но такси здесь ночью не найти. Ведь вам далеко.

– Я и пешком дойду. За счастье побыть лишних пять минут с Верой Алексеевной я готов...

Владимир Иванович краснеет. Этого не следовало говорить. Да, этого говорить не следовало.

Но Екатерина Львовна все так же улыбается:

– Что же? Ноги молодые... Но тебе, Люка, пора спать.

Идем.

Екатерина Львовна уводит Люку. Дверь в спальню закрывается. Вера и Владимир Иванович одни.

Вера еще ниже нагибается над канвой. Владимир Иванович молчит. Круглые часы на стене громко тикают.

– Вера Алексеевна...

Вера поднимает голову, глаза ее смотрят на него чуть-чуть испуганно, и во всем лице ожидание.

– Что?.. – тихо спрашивает она.

– Вы не устали?

– Нет... – По щекам ее скользит легкая тень от опустившихся ресниц.

Она вдевает в иголку красную нитку, откусывает кончик.

– Это... Это вас не утомляет?

– Ну конечно. – Она нетерпеливо поднимает брови. – Конечно утомляет. Но что же делать?..

– Вера Алексеевна... Я... Простите. Все это очень просто... Если вы... Если бы вы стали моей женой...

Вера кладет канву на стол и смотрит на него пристально и внимательно. И во взгляде ее уже не страх, а торжество.

– Да, – говорит она спокойно, – я знала, что вы меня любите, но...

Он наклоняется через стол и быстро берет ее за руку:

– Нет, нет, ради бога. Не отказывайте мне так сразу... Подождите...

Вера нежно улыбается ему:

– Глупый вы человек. Я и не хотела вам отказывать. Я хотела только сказать...

– Ничего, ничего не надо говорить... Вы решите и тогда позвоните мне. Я буду ждать. Я не буду выходить. А пока прощайте. Раз вы знаете, что я вас люблю...

Он целует Верину руку и быстро идет в прихожую. Вера видит, как он надевает пальто, берет шляпу.

– Спокойной ночи, Владимир Иванович.

Он молча кланяется. Вера стоит одна в пустой столовой.

Из спальни выскакивает Люка в одной туфле и бросается на шею Вере.

– Поздравляю! Поздравляю! Поздравляю! – кричит она, поджимая босую ногу.

Вера отбивается:

– Рано. Рано. Не с чем. Оставь. Я вряд ли выйду за него.

– И душой будешь, – решает Люка. – Он богатый.

– Ты ничего не понимаешь. Он похож на барана.

– Велика беда. Пушкин тоже был похож на овцу.

– Не трещи, Люка, – останавливает Екатерина Львовна. – Конечно, это прекрасная партия, и будет очень жаль, если ты...

– Ах, мама, – устало вздыхает Вера. – Я не знаю... Я потом решу. Завтра. Как мне грустно... Ах, как мне грустно...

9

Вера протягивает Люке пять франков:

– Вот возьми. Иди в кинематограф.

– В кинематограф? – изумляется Люка.

Неужели Вера хочет доставить ей удовольствие? Нет. Тут что-то не так.

Люка прячет деньги в карман.

– Спасибо, какая ты добрая. Завтра как раз дают очень хорошую фильму.

– Нет, не завтра. Иди сегодня.

– У меня много уроков. Я не успею приготовить.

– Глупости. Если не успеешь, напишу тебе записку. Ну, беги.

– А все-таки я бы лучше завтра...

Но Вера сердится:

– Уходи. Слышишь, уходи сейчас же. Противная девчонка. Вечные капризы.

– Верочка, чего же ты злишься? – Люка уже надевает пальто. – Дай только еще франк на метро обратно.

Вера бросает два франка на стол.

– Скоро ли ты? Опоздаешь.

Люка бежит вниз по лестнице. Хорошо бы подежурить у дома, проследить, кого Вера ждет. Но тогда и в самом деле опоздаешь...

Вера взволнованно ходит по столовой.

– Он сейчас придет, мама. Я знаю, это ни к чему. И все-таки. В последний раз. Я хочу, чтобы дома, у нас. Но ты, пожалуйста, не выходи.

– Хорошо, Верочка. Только напрасно ты себя мучаешь. Ведь ничего не выйдет.

– Ну да, да, да. Я знаю. Но все-таки. Вдруг я ошибаюсь и он действительно любит меня.

В прихожей звонок. Вера торопливо приглаживает и без того гладкие волосы:

– Мама, уходи. Это он, – и бежит открывать.

Екатерина Львовна закрывает дверь в столовую, на носках подходит к креслу, садится, берет книгу. Но буквы сливаются и прыгают.

– Он сделал мне предложение...

– И ты, конечно, отказала?..

– Нет. Я не отказала. Я хотела спросить тебя.

Екатерина Львовна переворачивает страницу, несколько раз читает одну и ту же фразу. Не слышать бы, но так близко за стеной.

Она прижимает руку к груди. Бедная Вера, как мучается.

А она, ее мать, не может, не умеет помочь.

Голоса переходят в шепот, нельзя разобрать слов. Это еще тяжелее. Екатерина Львовна подходит к самой двери, прикладывает ухо к замку. «До чего дошла. Подслушиваю».

Все тихо, и вдруг... Что это? Будто всхлипывание. Екатерина Львовна уже берется за ручку. Надо утешить, успокоить Веру. Нет, нельзя. Она ничего не может сделать для дочери. Только подслушивать, только плакать. Как будто от ее слез Вере легче.

За дверью продолжают шептаться:

– Что? Что? Твоей любовницей?..

Ответа нельзя разобрать.

– Вы... Уходите, сейчас же уходите. И чтобы я вас никогда больше не видела.

– Но Вера...

– Уходите, уходите, – уже кричит Вера. – Да уходите же.

Мама, мама, выгони его. Выгони...

Дверь в прихожей хлопает.

Екатерина Львовна входит в столовую. По щекам ее бегут слезы, она протягивает к дочери дрожащие руки:

– Верочка...

Но Вера холодно смотрит на мать, и лицо совсем спокойно, только немного бледнее, чем всегда.

– Мама, я выхожу замуж за Владимира Ивановича. Я пойду вниз, позвоню ему. Ты довольна?

Она идет в прихожую, но на пороге останавливается:

– А может быть, не стоит?.. – и через плечо смотрит на мать все так же спокойно. – Может быть, лучше в окно выброситься? А, как ты думаешь?

– Вера, что ты говоришь? Господь с тобой.

Вера коротко смеется:

– Я пошутила. Честное слово. Я не выброшусь в окно. Я трусиха... Я выйду замуж. Хотя это, может быть, еще страшнее.

Екатерина Львовна остается одна в столовой. Вот и исполнилось ее желание. Вера невеста. Но как грустно, как тяжело. Она вытирает слезы и крестится. Потом быстро расставляет чашки на столе. Руки все еще дрожат, и чашки жалобно звенят. Зачем она это делает? Кому нужны эти чашки? Разве будут пить чай?.. Вера возвращается.

– Мама, он сейчас придет. Он так обрадовался, даже смешно. Глупый человек. Он думает – счастье. Он думает – любовь. А на самом деле... – Вера пожимает плечами. – Пойдем, мама, помоги мне одеться. Я хочу встретить его в белом платье, настоящей невестой...

Через четверть часа приходит Владимир Иванович, счастливый и растерянный.

Екатерина Львовна впускает его.

– Я так рада, – говорит она, целуя его в лоб.

Глаза его блестят из-под очков.

– Это самый счастливый день моей жизни.

– Надеюсь, что вы теперь всегда будете счастливы. Вероч-

ка... это... твой жених.

«Мой жених... – Вера стоит перед зеркалом в белом широком платье. Глаза смотрят печально и удивленно, рот кажется совсем невинным, и руки беспомощно опущены. – Мой жених, – повторяет она. – Я невеста... – Она улыбается себе в зеркале. – Здравствуй, невеста». А о нем, об Арсении, она больше не будет думать. Кончено. У нее жених. Но сердце больно сжимается, боль бежит от сердца к ногам, к рукам, к горлу, и хочется кричать от тоски. Но нельзя. Там, за стеной, ее жених. Он не должен знать. Никто не должен знать...

Она выходит в столовую, протягивает руку Владимиру Ивановичу:

– Володя... – Голос ее звучит тихо и нежно, и лицо розовеет от смущения. – Вы можете меня поцеловать.

Он касается губами ее щеки и закрывает глаза:

– Господи, как я счастлив...

Все молчат. «Что бы ему еще сказать», – думает Вера. У Екатерины Львовны встревоженное лицо. Круглые часы громко тикают.

Владимир Иванович вдруг становится веселым и шумным.

– Вот увидите, какой я теперь буду, – говорит он, шагая по маленькой столовой. – Вот увидите. Я хочу, Верочка, чтобы вы гордились вашим мужем. Я весь мир переверну.

Вера смеется:

– Ну конечно перевернете...

– Вы знаете, на нашем заводе... Меня так ценят. Я...

Вера улыбается, не слушая. Вот он какой. А она и не знала. Разговорчивый. И чем-то гордится. Она думала, робкий, тихий. А он вот какой.

Ей становится скучно.

– Послушайте, Володя. Поедем ужинать. Куда-нибудь, где цыгане. Хорошо?..

– Что ты, Верочка? Как можно к цыганам? Вас благословить надо. А ты к цыганам...

– Ну и благослови, если надо. Но ты ведь, наверное, сама не знаешь, как благословляют. Только поскорей. А потом поедем. Я хочу веселиться...

Ресторан. Шампанское. Женщины в светлых вечерних платьях. И все смеются, и всем весело. Или, может быть, притворяются, что им весело. Но Вере грустно, и нет сил притворяться. Она ставит локоть на стол, голова легко кружится, и все кругом кажется смутным и странным.

Цыгане на эстраде. Старые цыганки в пестрых шالях. Какие у них толстые ноги, а цыганки должны быть стройные и молодые.

Дни за днями катятся,
Сердце болью тратится,
Обрывая тоненькую нить... —

поют они гортанно и страстно.

– Как грустно, – вздыхает Вера. – А я хотела веселиться.

Зачем мы приехали сюда?

– Если вам не нравится, поедem в другое место. В какую-нибудь французскую буат². Там веселее.

Но Вера качает головой:

– Нет. Останемся. Они хорошо поют. И разве есть место, где мне будет весело?.. Налейте мне еще.

– Верочка, ты слишком много пьешь.

– Оставь, мама. Слушай лучше.

Пусть туман колышется,

Пусть гитара слышится —

Не мешайте мне сегодня жить...

Вера пьет, закинув голову, и ставит пустой стакан на стол.

– Не мешайте мне сегодня жить, – повторяет она медленно. – Но ведь мне никто не мешает. Никто. И все-таки я не могу жить. Ах, лучше бы я умерла.

– Вера, что ты говоришь... – испуганно шепчет Екатерина Львовна. – Не пей больше.

– Ты думаешь, я пьяна? Нет. А может быть, и пьяна, я не знаю. Пусть туман колышется. Видишь, как он колышется. Или это дым от вашей папиросы? Отчего вы молчите, Володя? Вам тоже грустно? Хотите выпьем на «ты»?.. Жених и невеста всегда на «ты».

Она протягивает ему стакан, чокается.

---

² От фр. *boite (de nuit)* – ночное кафе, кабаре.

«Надо сказать, что-нибудь неприятное», – и смотрит ему прямо в глаза.

– Я не люблю тебя и никогда не полюблю.

Он роняет стакан, шампанское течет по скатерти, на Верино белое платье.

– Глупый, – смеется она, захлебываясь, волосы падают ей на лоб, – какой глупый. Я нарочно.

Он вытирает ее колени салфеткой:

– Ты пошутила?..

– Ну конечно. Конечно...

Пусть туман колышется,

Пусть гитара слышится,

Не мешайте мне сегодня жить... —

поют цыгане.

Вера слушает. Лицо ее снова становится грустным.

– Конечно я пошутила. Но слушай. Я не знаю... Может быть, ты все-таки будешь несчастным со мною. Даже наверно будешь несчастен. Мне очень жаль вас, Володя... Но что же я могу?..

– Вера, не пей больше.

– Ах, мама. Оставь. Сама не пей, если тебе не хочется. И я больше не обязана тебя слушаться, раз я невеста. – Она смеется. – Кончилась твоя власть надо мной. Правда, Володя?..

Цыгане уходят. Теперь вместо них на эстраде негры. Га-

вайские гитары щемяще и томительно звенят.

– Что же это такое? – растерянно оглядывается Вера. – Будто нарочно. Я хочу забыть, смеяться. А они нарочно выворачивают мне душу.

Из-за столиков встают пары, кружатся, медленно раскачиваются.

– Верочка, пойдем танцевать.

– Танцевать? – удивленно переспрашивает она. – Разве можно танцевать, когда сердце разрывается? Надо сидеть тихо и слушать. Дай мне папиросу. И все-таки... – Она кладет теплую ладонь на его руку. – Я постараюсь быть тебе хорошей женой, Володя...

Он целует ее пальцы.

– Смотри, – вдруг говорит она, вытягивая шею. – Какая у нее шуба, у той черной у окна. Я редко видела такую красивую. Ах какая. – Глаза ее суживаются от зависти. – Какая чудная.

Владимир Иванович наклоняется к ней:

– Тебе очень нравится, Верочка?

– Еще бы. Вот вопрос. Посмотри, какая пушистая.

– Раз тебе так нравится, надо будет тебе такую же купить.

– Мне?.. – Ее брови удивленно поднимаются. – А ты знаешь, сколько она стоит?..

Но он спокойно улыбается:

– Раз тебе нравится...

– Ты... Ты серьезно?

– Конечно. Завтра же утром пойдем выбирать.

Но она все еще не верит:

– Ты смеешься надо мной. Я даже мечтать никогда не сме- ла. Ведь у меня на пальто кролик.

– А завтра у тебя будет белка. Самая лучшая. Какую за- хочешь.

– Завтра?.. Такая широкая, с огромным воротником, на парчовой подкладке?.. Правда? Ах, как я рада, какой ты ми- лый.

Она громко хлопает в ладоши.

– Верочка, не шуми, – успокаивает Екатерина Львовна. – На нас смотрят.

– И пусть смотрят. Пусть. Ты только подумай, мама... Зав- тра с утра пойдем покупать. Ах, Володя, теперь я знаю, ты меня любишь. И мне очень, очень весело. И это все вздор. Мы наверно будем счастливы. Я танцевать хочу, Володя. Ах, как мне весело. Как весело...

10

– Мама, – кричит Люка из прихожей. – Мама!

Люка зажигает свет. В столовой на буфете записка. «Не жди нас». И даже чая нет. Люка проходит на кухню. На сто- ле грязные тарелки, кусок холодной телятины, жареная, за- стывшая в жире картошка.

Люка кладет одну в рот, выплевывает – невкусно. И снова

возвращается в столовую.

Что же могло случиться? Куда они делись? Вот почему Вера ее отослала. Люке грустно и тяжело быть одной. В кинематографе она плакала. Было так похоже на ее, Люкину, жизнь.

Жених бросил невесту, как Арсений ее. И Люка опять все вспомнила. Правда, там в конце все устраивается, но на то и кинематограф. И что же у Люки может устроиться, раз ничего, кроме воспаления легких, и не было?

Люка смотрит на желтые полосы обоев. Полосы как прутья клетки. Люка чувствует себя птицей, запертой в клетке.

Надо лечь. Она медленно раздевается. Как тихо. Как грустно. Даже немного страшно. А вдруг сейчас откроется дверь... Люка быстро оборачивается. Нет, дверь закрыта, и войти некому. Надо спать. Она тушит свет и ложится. Занавески неплотно задернуты, зеленый луч уличного фонаря падает на пол. Лучше на него не смотреть. Закрывать глаза и спать. И не думать об Арсении. Но так тихо, так грустно...

Люка прижимается щекой к подушке. Слезы текут быстро-быстро, и нельзя их остановить. Она будет плакать так, пока не изойдет от слез, не умрет от любви, нежности и жалости к себе. Она высоко подтягивает ноги, целует свои колени.

– Бедная Люка, бедная, ах какая бедная, – шепчет она...

– Тише, Вера, тише. Разбудишь Люку. Не стучи.

Люка сквозь сон слышит легкие шаги и шелест шелка.
Она открывает глаза:

– Вера, ты?

Вера стоит посреди комнаты вся в белом, свет фонаря падает на нее.

Люка протягивает к ней руки:

– Верочка...

Шелк шуршит. Платье светлым кругом ложится на пол.
Туфли со стуком летят в угол.

Вера подходит к Люкиной кровати:

– Подвинься.

Люка отодвигается к стене.

– Верочка, как давно ты не ложились ко мне.

Вера поднимает одеяло, ложится рядом с сестрой и обнимает ее.

– Как у тебя тепло.

Люка кладет мокрую щеку на Верино плечо.

– Ты плачешь, Люка?..

– Это во сне. Я видела дурной сон.

– Вот возьми. – Вера сует ей в руки что-то холодное и шершавое. – Я привезла тебе грушу.

– Спасибо...

Слезы падают на грушу, и у груши солоноватый вкус.

– Слушай. – Вера целует Люкины мокрые губы. – Слушай, я выхожу замуж.

– За Владимира?..

– Да. И ты подумай, он купит мне завтра беличью шубу.

– Беличью?..

– Я так рада. Я буду богатой и тебе подарю что хочешь.

– Поздравляю тебя, – шепчет Люка, слезы все еще текут из ее глаз. – Я бы хотела туфли на белой подошве. Только дорого – полтораста франков.

– Ничего, куплю. И уроки музыки брать будешь.

– Ну, можно и без уроков...

Вера прижимается к сестре. От нее пахнет духами и вином.

– Я так рада...

– А ты влюблена, Вера, влюблена?.. – шепчет Люка над самым ухом.

– Ах, я не знаю. Я рада. Мне было очень грустно, а теперь...

Вера легко вздыхает, и Люка отвечает таким же легким вздохом на вздох сестры. Ей тоже было грустно, а теперь... Рассказать Вере об Арсении? Нет, лучше помолчать. И может быть, все еще устроится, как в кинематографе. Люка крепче прижимается к сестре и сонными губами целует ее плечо.

– Хорошо тебе, Верочка?..

– Хорошо...

Сонные глаза закрываются.

– Спи, Люка...

– Сплю...

На столе в вазе большой букет белых роз. Это от Владимира.

Вера сидит на диване, на коленях у нее новая шуба. Она гладит ее, прижимается щекой к меху.

– Знаешь, мама, мне кажется, что она живая и чувствует. И не она, а он. Такой пушистый, теплый, милый зверь. И зовут его Мурзик. Непременно живой. Вот, дай руку, погладь его. Чувствуешь, как мех прижимается к ладони? Это Мурзик ласкается. – Вера зарывается лицом в шубу. – У, милый. И как пахнет – еловыми шишками, миндалем, сбруей. Мурзик мой.

Екатерина Львовна смеется:

– Ну уж и миндалем...

– Мама, сыграй что-нибудь, а мы с Мурзиком послушаем.

В доме, где невеста, всегда должна быть музыка. Цветы и музыка.

– Мне надо жарить котлеты, – слабо защищается Екатерина Львовна. – Сейчас Люка придет завтракать.

– Мама, невесте нельзя отказывать.

Екатерина Львовна садится за рояль. Вера устраивается поудобнее на диване.

– Как ты хорошо играешь, мамочка. Вот теперь я чувствую себя настоящей невестой. Такой веселой, почти счаст-

ливой.

Звонок... Екатерина Львовна идет отворять. В прихожую входит высокая бледная немолодая женщина:

– Я хотела бы видеть Веру Алексеевну Вишневскую.

Под короткой вуалькой заплаканные глаза, и руки в белых перчатках слегка дрожат.

– Войдите, пожалуйста. Верочка, это к тебе.

– Ко мне? – удивляется Вера и лениво встает. Шуба падает с дивана и сворачивается на ковре, как громадная серая кошка.

– Я пришла... Извините меня, – путается посетительница. – Вы – Вера Алексеевна Вишневская?

Вера кивает:

– Садитесь, пожалуйста.

Но дама остается стоять.

– Простите, я не знаю, с чего начать...

Она стоит у окна. Солнце падает прямо на ее лицо, усталое, красивое, со складками у рта и заплаканными глазами.

– Я не знаю, поймете ли вы меня... Владимир Иванович...

Вера быстро поднимает голову:

– Ах вот оно что. Владимир Иванович...

– Да. Он в вас влюблен. Он мне сам сказал. И я... Я пришла просить, умолять вас отказать ему. Ради бога. Вы так красивы, так молоды... У меня ничего нет, кроме него... – Она протягивает к Вере дрожащие руки в белых перчатках. – Ради бога. Я старая. Пожалейте меня...

Вера пожимает плечами:

– При чем тут я. Это его вам надо было просить... Если он предпочитает вас...

– Ах нет. Он влюблен в вас. Ему кажется, что он тяготится мной. Но если вы ему откажете – он вернется ко мне... Ведь мы уже десять лет...

Вера трясет головой:

– Нет, я не откажу ему. Я ничем не могу вам помочь.

Ресницы быстро моргают под темной вуалькой. По бледной щеке катится слеза.

– Какая вы черствая. У вас вместо сердца камень...

– Всего хорошего, – говорит Вера.

– Прощайте. Я хотела вас еще попросить... Но это тоже напрасно. И все-таки постарайтесь не делать его слишком несчастным.

Вера смеется и снова устраивается на диване.

– Ну, это уже касается только его и меня...

Екатерина Львовна молча провожает гостью. Вера поднимает шубу с пола.

– Какая наглость. Нет, какая наглость, мама. Врываться к чужим людям...

– Но, Верочка, мне ее очень жаль.

– Ах, оставь, пожалуйста. Смешная. Такая старая и еще любить хочет...

– Но, Верочка, она несчастна...

– Мало ли несчастных?.. Какое мне дело. Мне так приятно

сегодня. Сыграй еще что-нибудь, мамочка.

Вера снова прижимается щекой к меху и закрывает глаза, слушая музыку.

12

– Я тебе говорила, Вера, что надо было розовое одеяло купить. А то лиловое совсем как гроб.

– Оставь, мама. Мне нравится. И почему непременно розовое? Я ведь не немка, чтобы сентиментальничать.

– Как хочешь, – соглашается Екатерина Львовна. – А обои какие? Тоже лиловые?

– Обои в хризантемы, – вмешивается Люка. – В лиловые и белые. И в птицы. Птицы желтые с большими хвостами. Ужасно красиво. Я знаю, где такие купить можно.

– Ах нет, я птиц терпеть не могу. Мне ночью будет сниться, что они меня клюют. Уже девять часов. Сейчас Володя придет.

Вера причесывается в спальне.

– Нет. Лиловое одеяло очень красиво... Надо купить лиловый бобрик.

Звонок. Паркет тихо скрипит под мужскими шагами. Вера прислушивается, улыбаясь.

«Я гадаю, кто там? Не жених ли? Не жених ли это мой?..» Ах, какой бы он, Владимир, ни был. Пусть в очках, пусть некрасивый. Но он все-таки ее жених. Разве можно хоть чу-

точку не быть влюбленной в своего жениха?

Голоса в столовой звучат громко. О чем они так? Что случилось?

– Вера, Вера, – зовет Екатерина Львовна. – Иди скорей.

Вера не спеша поправляет складки платья и, стараясь ступать особенно легко и грациозно, выходит в столовую.

– Здравствуй, Володя. Что у вас такое?

У Екатерины Львовны испуганное, взволнованное лицо.

– Вера, эта дама, эта дама, которая утром приходила, отравилась, – почти кричит она.

Вера садится в кресло, расправляет широкое платье и, склонив голову набок, спрашивает, все еще улыбаясь:

– Умерла?..

– Вера, господи! Как ты можешь?.. – вскрикивает Екатерина Львовна.

– Нет, нет, – торопится Владимир Иванович, – она жива. Ее удалось спасти. Она отравилась вероналом... Слишком много приняла...

Вера слушает с любопытством.

– Ну конечно. Все они так. Или слишком мало, или слишком много, чтобы не умереть.

– Но она чуть не умерла... Доктор говорил...

Вера перебивает его:

– Чуть не в счет. Если бы по-настоящему отравилась, так и умерла бы. И пожалуйста, Володя, довольно об этом. Мне неинтересно.

Екатерина Львовна хватается за сердце:

– Господи, Вера. Какая ты злая. И в кого ты только такая?..

– Ах, мама, перестань. Я совсем не злая. Но какое мне дело?.. Пусть она себе живет на здоровье...

Вера сидит на кровати матери, обхватив руками угловатые колени.

– Мама, – быстро говорит она, удивленно глядя на мать, – мама, как это случилось, скажи? Ведь еще недели нет, я ждала Арсения и мучилась. А теперь я влюблена в Володю. Да, да, влюблена, хоть и смешно. Влюблена. В особенности сегодня, когда эта идиотка отравилась. Но как это случилось?

– Что же, Верочка. Естественно. Он твой жених. Когда станешь его женой, еще и не так полюбишь его, по-настоящему.

– Ах нет, мама. Совсем не то. И когда женой стану, наверное, разлюблю. Ты ничего не понимаешь. Это, должно быть, от ожидания, оттого, что с ним целуюсь. Но я влюблена, – нетерпеливо и обиженно проговорила она. – И скорей бы уже свадьба. Ждать тяжело. Даже часто дышать трудно, как будто сердце распухло. – Она на минуту умолкает. – Слушай, мама, – вдруг спрашивает она, – а ты... Как ты можешь?

– Что могу? О чем ты, Верочка?

– Ну, как ты можешь, – нетерпеливо продолжает Вера. – Как ты можешь... спать одна? Разве тебе не тяжело?

Екатерина Львовна поднимает брови и краснеет:

– Вера! Что ты говоришь! Ведь я твоя мать.

– Ну и что же, что мать? Уважать тебя надо, бояться? Нет, нет. – Вера, смеясь, обнимает мать и целует ее в шею. – Я тебя люблю, ужасно люблю, вот и все. И мне тебя жаль. Да, жаль.

– Оставь, оставь. Задушишь.

– Тебя никто не целует, так хоть я. Моя красивая, моя молодая мама.

Екатерина Львовна смущенно отбивается от дочери:

– Ну довольно. Успокойся. Полежи тихо. Хуже Люки.

Вера вытягивается поверх одеяла рядом с матерью.

– Нет, мне серьезно жаль тебя, мамочка. Тебе непременно надо еще замуж выйти. У тебя такие плечи, такие глаза, такие губы. Тебе нельзя быть вдовой.

– Глупости все это, Верочка. Но как ты нервна!

– Ах, я совсем не нервна. Я влюблена, я счастлива. И я хочу, чтобы все были счастливы, и прежде всего ты.

Вера снова целует мать:

– Мамочка моя милая. Мама-кролик. Мама-персик. Мама-соловей. Помнишь, как я тебя в детстве звала?

Екатерина Львовна нежно гладит ее темные волосы:

– Странная ты. Такая ласковая, а сердца у тебя настоящего нет, и никого ты не любишь. Как кошка. Ну, иди спать. Дай я тебя перекрещу. Уже поздно.

– Спокойной ночи, соловей мой.

Вера целует еще раз мать и, соскользнув с постели, бежит,

смеясь, к себе.

Люка еще не спит. Она лежит в темноте с закрытыми глазами, сложив руки на простыне.

Вера тихо проходит мимо нее, кровать легко скрипит, шуршат простыни.

– Вера, – зовет Люка, – Вера, послушай.

– Ты не спишь, Люка? Уже поздно.

– Послушай, Вера.

– Ну что?

– Я все лежу, думаю о тебе и не могу заснуть.

Вера тихо смеется:

– Брось думать. Знаешь, индейский петух тоже думал...

– Вера, не смейся. Вера, ты не боишься выйти замуж?

– Боюсь? Что ты еще выдумала?

– Но ты разве забыла? Ты ведь мне сама рассказывала...

И все это будет с тобой, подумай...

– Ах вот ты о чем. – Вера зевает. – Спи лучше.

Простыни снова зашуршали.

– Но Вера, – взволнованно зашептала Люка. – Ведь это так страшно, так страшно...

– Молчи. Не мешай мне спать. И не волнуйся, пожалуйста. Ты еще мала, не понимаешь. Я совсем не боюсь, я очень счастлива. Спи, Люка.

Люка замолкает на минуту.

– Вера, – снова зовет она. – Вера...

Но ответа нет.

Люка подгибает выше холодные колени, закрывается одеялом до самого подбородка и вздыхает. Вера смеется, не хочет слушать. Неужели она не понимает, что ее ждет?

Люка закрывает глаза, чувствуя страх перед этой тяжелой, непонятной, грязной жизнью, и сейчас же засыпает.

13

Екатерина Львовна разбирала покупки, только что принесенные из магазина. Вера сидела на диване и безучастно глядела в окно.

– Кружева очень хороши. А шелк слишком тонкий, будет плохо стираться. Да что с тобой, Верочка? Даже не посмотришь, будто не для тебя все это.

– Скучно...

В столовую вбежала Люка, неся Верину новую шубу:

– Стыдно хандрить, Вера. Тебе скучно, а нам от этого тошно. Вот и Мурзик загрустил. – Люка высоко подняла шубу. – Видишь, даже рукава повесил. Улыбнись Мурзику, Вера, а то он обидится.

– Отстань, Люка.

– Фу, какая ты злая, слышишь, Мурзик говорит: для того ли я пятнадцать тысяч стоил, чтобы на меня и взглянуть не хотели? Для того ли я такой пушистый и теплый? Ну улыбнись, а то Мурзик обидится. Неужели ты больше не любишь его?

– Что там любить, подумаешь. Ведь это только шуба. Пускай дорогая, но все-таки только шуба, больше ничего.

Люка, прищурившись, взглянула на сестру:

– А ты что хотела, чтобы шуба Исаакиевским собором была?

Вера рассмеялась:

– Ты глупая, Люка. Ну пойдем, помоги мне одеться. И Мурзика тащи. Хочешь, поедем с Володей в Булонский лес чай пить?

Люка запрыгала. Рукава шубы замахали в воздухе.

– Ура! Не сердится, не сердится. Только пить будем не чай, а шоколад, хорошо?

14

Накануне дня свадьбы приехала из Бордо тетя Варя и теперь сидела за столом в столовой.

Люка внимательно разглядывала ее. Мамина сестра, а совсем не похожа. Такая толстая, самоуверенная. Только на три года старше, а совсем старуха.

– Это хорошо, – говорила тетя Варя, – что замуж выходит. Тебе легче будет. Да и спокойней. Долго ли с теперешними до греха. Очень я рада, что у меня сын, а не дочь. Вот и Люку поскорей пристрой.

– Ну, Люка еще ребенок...

– Я и не говорю, чтобы сейчас. Когда шестнадцать лет бу-

дет. Что же это Вера так долго? Завтра свадьба, выспаться даже не успеет. Эх, как все неправильно.

Екатерина Львовна улыбнулась:

– А ты по-прежнему хочешь, чтобы все правильно было?

– А то как же? – удивилась тетя Варя и, поставив локти на пеструю скатерть, поправила шпильки в причёске. – Все должно быть правильно, не так, как у тебя. В доме беспорядок, да и в жизни твоей всегда беспорядок был. Никогда ты не знала, что хочешь. Вот и дочку так воспитала. Любит она хоть жениха своего?

– Кажется, любит.

– Кажется? Мать, а не знаешь. Эх ты, – презрительно мотнула она головой. – Да и то, какая у них, у теперешних, любовь.

– Да ты, Варя, не волнуйся, – успокаивала Екатерина Львовна. – Вот, попробуй варенье. Я сама варила...

– Ты мне, Катя, зубы вареньем не заговаривай...

Вера бросает шубу на диван, снимает туфли.

– Ноги даже заболели. Люка, тащи саночки.

Люка бежит за саночками, Вериными утренними туфлями.

– Так смешно, – рассказывает Вера, – там какой-то длинный все на меня смотрел, а Володя злился.

– Ты причащалась, Вера? – неожиданно спрашивает тетя Варя.

– Нет. А разве надо было?..

Тетя Варя всплескивает руками:

– Господи, да что же это такое?

– Ничего, ничего. И так окрутят. Вы не беспокойтесь, тетя.

Ах, как я устала.

– Но ты хоть бы подумала серьезно о том, что в новую жизнь вступаешь...

– О чем там думать? Все уже передумано. Спать надо. Ну, спокойной ночи.

Вера встает и, на ходу развязывая пояс платья, идет в спальню. Люка бежит за ней. Вера садится на кровать:

– Завтра меня уже тут не будет...

Люка, сидя на корточках, стаскивает с нее чулки.

Вера брыкается:

– Оставь. Щекотно.

– Позволь. Позволь. Ведь в последний раз.

Люка тянет воздух носом:

– Как хорошо пахнет. Ты зачем колени душишь?

Вера улыбается:

– Затем...

– Нет, скажи зачем. – Люка нагибается вперед и целует

Верину розоватое гладкое колено.

Вера, смеясь, толкает ее ногой в грудь. Люка опрокидывается на спину на ковер.

– Убила, убила, – кричит Люка, складывая руки на груди.

– Нет, не верю. Те, которые мертвые, ногами дрыгают и «Боже, царя храни» поют.

– «Боже, царя храни», – громко поет Люка.

В дверь просовывается голова тети Вари.

– Что у вас тут еще?

– Взрыв патриотических чувств, – кричит Вера, задыхаясь от хохота.

– Господи, и это накануне свадьбы. – Тетя Варя возмущенно захлопывает дверь.

Вера продолжает хохотать, уткнувшись в подушку.

– А теперь спать, спать, – вдруг серьезно говорит она, – а то ведь завтра ночь в поезде.

– Счастливая, – вздыхает Люка. – Нищцу увидишь. Там пальмы. Будешь сама бананы с них рвать.

– Что бананы? Обезьяну за хвост поймаю и тебе в подарок привезу. Ну, спи. Не болтай больше. Я тушу...

Вера повернулась к стене, подложила руку под щеку.

«Завтра моя свадьба, – смутно подумала она. – А если бы не с Володей, а с Арсением? Ах, все равно. Так тоже хорошо. Я буду замужем. И богатой. – Она закрыла глаза. – Пусть все, что со мной случится, мне сегодня во сне приснится, – прошептала она. – Кажется, надо себя за левый мизинец дернуть?..» Но руки уже стали тяжелыми и непослушными, и двинуть ими не было сил.

Вера спала. Ей снилось, что она идет одна по незнакомой улице в своем старом коричневом платье. Она садится в автобус и едет куда-то. Потом снова идет мимо магазинов и домов. Дверь в церковь открыта. «Венчаться», – воспомина-

ет Вера и входит в церковь. Пусто и тихо, и нет ни жениха, ни священника. Вера ждет. На аналое лежит икона. Свечи ярко горят перед ней. Вера берет икону, оглядывается и выбегает из церкви. Она бежит по улицам, прижимая икону к груди. За ней погоня. «Держи, держи! Воровка!» Вера бежит все скорее, подбегает к обрыву. Она разобьется! Все равно, пусть. Только бы не поймали. Но бежать легко и не страшно. Песок сыплется из-под ног. Вот она внизу. А на горе стоят Люка, Екатерина Львовна и Владимир. «Вера, Вера», – кричат они. Вера поднимает голову и смотрит на них. Как они высоко... И в руках у нее вместо иконы большие столовые часы. Стрелки показывают десять. Как поздно!

Из кухни неся слабый стук ножа о тарелку, с пустой Люкиной кровати свешивалось на пол одеяло.

Вера заложила руки под голову. «Какой скверный сон. Скверный. Но почему скверный?.. Просто глупый. Нет, скверный». И сейчас же в памяти всплыли когда-то слышанные объяснения снов. В церкви быть – к несчастью, и с горы бежать – плохо. «Глупости, глупости, – успокаивала она себя. – Вздор. Ни в какие сны я не верю. Вот еще».

Она встала с кровати, подошла к окну и открыла ставни. Мелкий косой дождь стучал в стекла. Небо было серое и низкое. «Дождь в день свадьбы – хорошее предзнаменование. И это вздор. Такой же вздор, как и сны».

Вера накинула халатик и прошла в столовую. Все уже было чисто прибрано. Паркет блестел, на столе стояла большая

корзина белых цветов. Свадебные цветы. Она села на диван. «Свадьба. Сегодня ее свадьба, а день такой похоронный». Она смотрела на серое небо, на мокрые зонтики прохожих.

«Господи, как грустно. Как больно. Что больно?.. – быстро спросила она себя. – Ничего, ничего, ничего не больно. никакой боли нет и даже грусти нет. Просто скучно. Но так ли еще будет скучно потом. Арсений... Нет, об Арсении думать нельзя».

Из кухни выбежала Люка, вся вымазанная в муке:

– Верочка, встала уже? Мама спрашивает, класть в соус мадеру?

– Что? В соус?

– Ну да, в соус, с мадерой вкусней. Но бутылка двадцать франков стоит.

Вера нетерпеливо повела плечами:

– Ах, делайте как хотите. Почему я знаю.

– Она велела побольше налить, – уже неся Люкин голос из кухни. – Она говорит, ничего, что двадцать франков. Хоть пятьдесят – только бы вкусно было.

Дождь тихо стучал в стекла. Цветы на столе тускло белели. Вера закрыла глаза. Вот так сидеть. И чтобы ничего не надо было. Ничего. Так сидеть и знать, что все уже кончено и больше ничего не будет, кроме этого серого мокрого окна и этих белых ненужных цветов.

– Вера, ты здесь? – озабоченно прокричала из коридора тетя Варя. – Одевайся. Скоро в мэрию.

Снова вбежала Люка:

– Вера, иди на кухню. Там лангуста принесли. Такого симпатичного, черного, и усами двигает. А то его сейчас варить будут. Идем.

Вера слабо отмахнулась:

– Оставь.

– Но он хорошенький. Ты непременно должна посмотреть.

– Оставь, у меня голова болит. Закрой плотнее дверь. Жареным пахнет.

– Это утка, – радостно объяснила Люка, убегая.

Снова стало тихо и пусто. И дождь по-прежнему стучал в стекло. Так тихо, так грустно. Свадьба. Разве к свадьбе готовятся в этом доме? Не похоже. Скорее к похоронам.

От белых цветов шел слабый сладковатый запах. «Как ладан», – подумала она, и сразу вспомнился сон и церковь и как она бежала с горы, прижимая икону к груди. И почему-то стало страшно.

В комнату вошла Екатерина Львовна.

Вера взяла ее за руку:

– Подожди, мама. Сядь сюда.

Екатерина Львовна торопливо и робко села на диван.

– Мама, – Вера посмотрела прямо в глаза матери, – скажи, теперь уже поздно отказаться?

Веки Екатерины Львовны испуганно заморгали.

– Отказаться?..

– Ну да. От свадьбы.

На щеках Екатерины Львовны выступили красные пятна.

– Я думаю, поздно, – нерешительно начала она. – Как же?

Ведь через два часа в мэрию. И шафера...

Вера кивнула.

– Я тоже так думаю, – сказала она серьезно и спокойно. –

Поздно. И довольно об этом.

Она тряхнула головой, короткие волосы запрыгали во все стороны.

– Поцелуй меня, мама. И давай одеваться...

Маленькие белые туфли, уверенно стоявшие на коврике, тонкие пальцы, крепко державшие свечу, и улыбка – все говорило: «Не неволей иду. Сама хотела и очень счастлива».

Пламя свечей... Голоса певчих... Высокие окна...

Сквозь белую фату, опускавшуюся на глаза, все казалось каким-то особенным, чуть-чуть волшебным, чуть-чуть смешным.

Шафер плотно надел Владимиру венец на голову, и Владимир похож на султана с табачной коробки. Люка на длинных, худых ногах совсем цапля, а голова с большим бантом в профиль заячья. Цаплезаяц или зайцецапля... Вера тихо засмеялась, закрыв лицо руками.

– Плачет, – удовлетворенно прошептала тетя Варя. – Тот. Даже и ее пробрало.

Вера рассеянно улыбалась из окна вагона, держа в руках подвенечный букет.

– Пиши каждый день, Верочка, – просила Екатерина Львовна.

– Веселись, – кричала Люка. – Пришли фруктов.

Екатерина Львовна тронула Владимира за рукав:

– Берегите ее, пожалуйста. Это смешно. Все матери так говорят – но Вера такая слабенькая.

Владимир поцеловал ее руку:

– Будьте спокойны.

Становилось скучно. Говорить больше было не о чем. Наконец поезд тронулся.

– Ура! – закричали шафера.

– Ура! – нестройно подхватили остальные и замахали платками.

Люка побежала за поездом.

– Люка, сумасшедшая. Под колеса попадешь, – кричала Вера.

Екатерина Львовна крестила уходящий поезд. Вера постояла еще немного у окна, размахивая платком. Но ничего уже не было видно.

– Вот мы и едем, – сказал Владимир.

Вера прошла в купе, сняла новое дорожное пальто, маленькую шляпу и села на диван. Владимир сел напротив нее и улыбнулся.

– Теперь ты моя жена.

«Этого он мог и не говорить, – подумала она, поправляя волосы. – Ну что? Что дальше?»

Она нетерпеливо и смущенно взглянула на него:

– Я с России не ездила в первом классе, – и погладила красный бархатный диван.

– Когда мы будем в Ницце?

– Завтра в три.

Он сидел напротив нее и разговаривал так спокойно и сдержанно, как простой знакомый. Он даже ни разу не поцеловал ее после венчания.

«Что же это такое? – тревожно думала она. – Что же это?»

– Тебе, наверное, понравится Ницца. Мы съездим в Монте-Карло поиграть в рулетку. Ты азартна?

– Я не знаю. Я никогда не играла.

– И в карты не играла?

– И в карты тоже не играла.

– Ну тогда, наверное, выиграешь. В первый раз всегда везет.

Они снова замолчали. Вагон слабо подпрыгивал. Колеса стучали.

– Ты, должно быть, устала, – сказал он и встал. – Тебе надо лечь, уже поздно.

Он расстелил плед. Вера увидела, что руки его дрожат. «Значит, он тоже волнуется, – подумала она с торжеством. – Не только я, он тоже».

– Я еще не хочу спать...

– Но поздно.

– Ну хорошо. – Она вытянулась на диване, подложила маленькую кожаную подушку под голову. – Спокойной ночи. Я уже сплю.

– Тебе так будет неудобно. Ты разденься. Я постою в коридоре.

Он вышел, закрыв за собою дверь.

Вера вскочила, быстро отперла новый чемодан, достала флакон духов и стала душить диван, плед и подушку. Потом сняла платье, надела халатик и дорожные мягкие туфли, перед зеркалом в стене попудрилась, накрасила губы, надушилась и повела носом. Кажется, перестаралась. Дышать нечем. От выпитого за обедом вина все еще шумело в голове. Она закрыла чемодан.

– Сейчас?.. Или еще до завтра ждать?.. Господи, как я влюблена, – вдруг вслух сказала она и тихо рассмеялась. – А он боится. Какой смешной.

Она притушила свет, легла, покрылась пледом. Кровь громко стучала в левом ухе.

– Я влюблена, влюблена, влюблена, и сейчас ко мне придет мой муж...

Она вытянула ноги. Что же так долго? Но он уже стучал в дверь.

– Ты легла? Можно?..

– Можно.

Он вошел, и, хотя было почти темно, она заметила, что он

очень бледен.

– Что это так пахнет? – растерянно спросил он.

– Я разлила нечаянно духи.

– Надо открыть окно, а то задохнемся.

– Нет, нет, оставь, – испугалась она. – Это «Fol Arôme»³.

От них ничего не будет.

– Как хочешь. Я о тебе беспокоюсь.

В теплом, надушенном, темном купе слабо мерцала синеватая лампочка. На подушке белело Верино лицо. Владимир осторожно пробрался к своему дивану и остановился.

Она видела, как он поднял руки, снял роговые очки. Стекла тускло блеснули, очки стукнулись о столик. Теперь у Владимира было совсем новое, доброе и растерянное лицо. Но Вере почему-то стало страшно.

– Вера, – тихо позвал он.

– Что? – еще тише ответила она.

Он подошел и сел рядом с ней.

– Спокойной ночи. – Она немного отодвинулась от него.

Он нагнулся и поцеловал ее в щеку.

– Какие сильные духи. Действительно сумасшедший запах.

Вера молчала.

– Ты моя жена, – сказал он снова.

«Слышала уже», – подумала она по привычке насмешливо и в ту же минуту почувствовала, что зубы ее стучат.

---

³ «Сумасшедший аромат» (фр.) – духи фирмы «Герлен». – Примеч. ред.

– Тебе удобно?..

Он поправил подушку и, наклонившись близко, посмотрел на нее близорукими, выпуклыми глазами.

Что же это такое?.. Как томительно...

Владимир поправил плед. Рука его легла на ее голое колено.

– Какие у тебя холодные руки, – сказала она только, и они снова замолкли. – Ах нет, нет, – крикнула она вдруг. – Не надо. Не тут. Не в поезде. Завтра. В Ницце. Я прошу тебя, пожалуйста, Володя, Володя...

Колеса стучали, вагон подпрыгивал. Вера открыла глаза. Сквозь синюю штору на окне пробивался синеватый дрожащий свет. Вера вдохнула теплый, надушенный, тяжелый воздух, подняла голову, и все поплыло перед глазами. На пальце тускло блестело тонкое золотое кольцо. Вера не отрываясь смотрела на него. Потом села на диван и свесила ноги.

На соседнем диване спал Владимир, ее муж. Он лежал на спине красный, с полуоткрытым ртом. В ногах валялся пиджак, подтяжки упали на пол. Вера отвернулась, чтобы не видеть. Ее замутило. Это от духов. Надо выйти в коридор. Она сбросила плед и быстро запахнула халатик над разорванной рубашкой.

На столике рядом с очками лежал ее подвенечный букет. И даже цветы были противны.

Коридор был пуст. Уже совсем рассвело. Розоватое сия-

ющее лучистое солнце медленно выплывало из-за прозрачных туч. Вера смотрела на низкие круглые холмы, на низкие пыльные деревья. Холодный утренний ветер влетел в окно. Вера съежилась, плотнее запахивая халатик. «Так вставало солнце Аустерлица, – подумала она, как всегда, насмешливо, – так встает солнце моей новой жизни».

Ее плечи вздрогнули, она прижалась головой к холодному стеклу.

– Я такая несчастная, – всхлипнула она вдруг, – я такая несчастная. Но отчего? – Она нетерпеливо и обиженно подняла голову. – Отчего я несчастна?..

Вагон сильно тряхнуло, и она снова беспомощно прижалась лбом к окну, слезы, как капли дождя, потекли по стеклу.

– Я несчастна оттого, что я злая. Да, да. Оттого, что я такая злая.

Третья часть

1

Вечером в доме испортилось электричество. Екатерина Львовна уже спала. У нее болела голова, и она рано легла.

От непривычного слабого света свечи все в комнате стало каким-то особенным, таинственным. И было слишком тихо. Хоть бы хлопнула дверь, услышать бы чей-нибудь голос. Но

прийти некому, а мама спит.

У пустой стены, где еще недавно белела Верина кровать, теперь кресло, и на нем сидит рыжий кот Васька. Обыкновенный кот, но на стене его большая черная тень кажется тигром. Люка не любит его, но с тех пор, как Вера уехала, берет его на ночь к себе. Все-таки живой. Все-таки вдвоем, не одна.

Люка раздевается, откидывает одеяло:

– Кись, кись, кись. Господин кот Васька, пожалуйста сюда.

Но кот не слушается. Он, не двигаясь, пристально смотрит на свечу.

– Что ты там видишь, глупый? Иди спать ко мне.

Кот все так же смотрит на пламя круглыми зелеными немигающими глазами.

Люке становится не по себе. Она замахивается на кота рукой:

– Брысь!

Но кот остается сидеть неподвижно.

– А, ты вот какой. Так погоди же. Я тебе усы спалю.

Люка подносит свечу к самой морде кота. Круглые стеклянные глаза смотрят прямо в огонь, прямо ей в лицо. И вдруг словно укол в сердце, похолодевшие пальцы разжимаются, роняют подсвечник.

– Ступка...

Свеча ударяется о пол. Темно. Темно, и нельзя дышать от страха. Но сейчас же открывается дверь, и Екатерина Львов-

на входит с лампой:

– Что ты шумишь, Люка?

– Я уронила свечу. Не уходи. Мне страшно.

Колени еще дрожат. Люка ложится в постель. Закрывает глаза.

– Перекрести меня, мама.

Екатерина Львовна крестит ее:

– Спи, деточка.

Люка боится взглянуть туда, на кресло.

– Мама, а Ступка... нет, что я... а Васька все еще сидит?..

– Васька? Разве он у тебя?

– Он на кресле, – испуганно шепчет Люка.

– Что с тобой, Люка? Никакого Васьки здесь нет.

– Тогда он под креслом. Поищи его, мамочка.

Екатерина Львовна наклоняется, смотрит под кресло, под кровать.

– Нет его. Тебе показалось.

– Он только что сидел здесь, – волнуется Люка. – Где же он? Найди его.

– Он, верно, на кухне. – Екатерина Львовна выходит из комнаты. – Ну конечно. Спит на плите. Принести его тебе?

– Ах нет, нет. Не пускай его ко мне. И запри его в кухне.

Запри.

– Что за глупости. Зачем?

– Ну пожалуйста, мама.

Замок щелкает.

– И пожалуйста, завтра же отдай его кому-нибудь.

– Хорошо, – равнодушно соглашается Екатерина Львовна. – Я и то говорила, какой с него толк. Ведь мышей нет... Спи, Люка.

Люка лежит в темноте, прижимая маленький холодный крестик к груди:

– Господи, спаси и сохрани...

За стеной в кухне вода по капле падает в раковину и тихо поскрипывает пол. Там окно не завешено, и луна свободно гуляет по кухне, перебирает блестящие кастрюли, наводит тонкий луч на ножи... И он не спит. Он ходит от окна к плите и обратно. Оттого и пол скрипит. Только кто он? Васька? Или Ступка?.. Или?..

2

Люка стоит в коридоре, прислонившись к стене. Сегодня ее непременно вызовут по географии. Надо еще раз повторить урок.

За дверью в каморке, где составлены старые парты и доски, слышен шорох. Что там? Крыса? Люка боится крыс, но все-таки любопытно. Ведь не бросится же крыса на нее. Она тихо открывает дверь.

В узкой, пыльной, полутемной каморке, прямо на грязном полу... Люка смотрит, сердце тяжело остановилось, глаза открываются широко. Что они делают? Зачем?

Ей хочется захлопнуть дверь, убежать и даже себе не признаться, что видела. И все-таки она стоит на пороге и смотрит не отрываясь.

Красная подвязка на сером чулке и белая полоска кружев. Что они делают? Зачем?

– Ах, – томно вздыхает Ивонна.

– Что вы делаете? – вдруг испуганно и громко вскрикивает Люка.

Жанна вскакивает первая, растрепанная, красная.

– Люка, ты видела?

Ивонна неуклюже встает, отряхивает клетчатое платье.

– Ну и видела. Подумаешь.

– Что вы делали? – повторяет Люка испуганно.

– Мы? Мы играли в Поля.

Жанна зажимает Ивонне рот:

– Не смей, не смей.

Но Ивонна отталкивает ее:

– Что тут такого?

– В Поля? – переспрашивает Люка. – Как? Я не понимаю.

– Очень просто. Ведь теперь Жанна приходит ко мне по воскресеньям. И Поль ее тоже целует. И теперь гораздо удобнее. Никто не мешает. Мы сидим в кабинете. Там диван. Только на полу твердо. Теперь я буду Полем. Перестань ломаться, Жанна. Хочешь играть с нами, Люка?

Но Люка, красная от стыда и отвращения, трясет головой:

– Это гадость. Свинство. Как вы можете?

– Ну, ты, пожалуйста, без морали. Не хочешь играть, твое дело. А другим не мешай. Убирайся!

Ивонна выталкивает Люку за дверь.

Люка бежит по коридору, сжимая кулаки. Навстречу идет круглая классная дама по прозвищу Шар.

– Почему вы здесь? Уже урок начался.

Люка приседает:

– Извините. Я сейчас.

– А где Ивонна и Жанна? Их тоже нет.

– Они, должно быть, не вернулись еще с завтрака.

– Нет, я их видела. Может, там?

Шар протягивает короткую руку к камерке.

– Нет, нет. – Люка трясет головой. – Их там нет. Там никого нет. Честное слово.

Только бы она не пошла туда, не увидела бы их. Если найдет – скандал. Из лица их выгонят.

– Я пойду поищу внизу.

– Идите в класс. Вам бы только бегать.

Классная дама поворачивает обратно. Люка вздыхает. Слава богу. Пронесло...

Жанна и Ивонна входят в середине урока. У Жанны томный и усталый вид и платье помято.

– Где вы были? – спрашивает Шар.

Ивонна краснеет и молчит.

– Мы гуляли, – говорит Жанна.

– Хорошо. Вы останетесь на час после занятий.

Ивонна садится на свое место рядом с Люкой:

– Это ты, дрянь, донесла.

Люка презрительно пожимает плечами.

– После урока, – говорит она, показывая кулак.

Звонок. Все вскакивают с мест. Парты шумно хлопают.

– Господа, – кричит Люка, стоя на скамейке, – я вызываю

Ивонну на бокс.

– Принимаю, – флегматично кивает Ивонна. – Напрасно только связываешься со мной. Я тебя в котлету...

Все становятся кругом. Выбирают жюри. Борцы снимают передники, закатывают рукава. Люка первая входит в круг.

– Чемпион России, – представляет арбитр Жанна.

Люка кланяется.

– Чемпион Франции. – Ивонна тоже кланяется.

Борцы подают друг другу руки. Публика хлопает и волнуется.

– Ивонна на пять кило тяжелей.

– Но Люка ловчей.

– Ивонна сильнее. Я за Ивонну. Ставлю один против пяти.

– Я за Люку.

– Проиграешь. Ивонна...

– Начинайте.

Люка зажмуривается и, размахивая кулаками как ветряная мельница, кидается на Ивонну. Ивонна ударяет ее в грудь. Люка с трудом удерживается на ногах.

– Bravo, Ивонна, так ее, так.

Люка снова бросается на Ивонну. Она не чувствует ударов. Она ничего не слышит, ничего не видит. Только одно – победить.

Ивонна отступает. Она тяжело дышит и уже устала. Глаза у нее испуганные. Люка продолжает наступать.

– Держись, Ивонна. Bravo, Люка, так, еще, еще. Bravo, Люка.

На минуту борцы сцепляются.

– Царапается, – вскрикивает Люка.

Свист. Долой, долой Ивонну. Позор. Люка наступает, из ее расцарапанной щеки течет кровь.

– Bravo, bravo, Люка!

Ивонна уже только увертывается от ударов, защищает руками лицо. Она оглядывается – нельзя ли удрать. Но публика стоит сплошным кольцом, плечом к плечу.

– Врешь, не уйдешь! – уже по-русски кричит Люка.

– Довольно, – вдруг всхлипывает Ивонна. – Я больше не могу.

– Признаешь ли себя побежденной?

– Признаю, – всхлипывает Ивонна.

Жанна звонит в колокольчик.

– Чемпион России, в один раунд...

Борцы снова пожимают друг другу руку. Публика качает Люку.

– Тише, тише, уроните, убьете ее.

Люка, не совсем еще придя в себя, смотрит кругом счаст-

ливыми, ошалевшими глазами:

– Вот видите, победила.

Снова аплодисменты. Кто-то промывает ее расцарапанную щеку.

Кто-то толкает ее:

– Я на тебе десять франков сделала. Завтра пирожными угощаю.

Люка возвращается домой счастливая и гордая. Левое плечо ноет, и на щеке царапина. Но это пустяки. Будет ее помнить Ивонна. А прохожие спешат мимо, толкают ее, и никто не знает, что она победила.

Уже темно. Фонари зажжены. Воздух холодный и влажный. Люка проходит сквозь Трокадеро, на минуту останавливается, смотрит с лестницы на Париж. Эйфелева башня тает в белом тумане, внизу под высоким пролетом огни и деревья Марсова поля. Люка спускается по лестнице, медленно идет мимо чугунного носорога, мимо пустого цветника с небьющими фонтанами.

Она нагибается, поднимает с земли бурый сморщенный лист, кладет его на ладонь. Лист слабо шуршит. «Как записка, – думает Люка. – Записка. Откуда? С неба?..»

Голые деревья тревожно шумят над головой. Сквозь тонкие ветки огни фонарей кажутся звездами. От влажной черной земли сладко и обморочно пахнет тлением. И вдруг порыв ветра и между деревьями черные огромные крылья.

– Азраил...

Но уже ничего нет. Только вечер. Только фонари и шуршащие ветки.

Люка идет дальше, испуганная, смущенная. Что это было?.. Нет, ничего не было. Но разве она еще помнит? Не совсем забыла?..

Люке грустно, и как она устала. Она еле передвигает ноги. Вот наконец их улица. Под фонарем перед самым подъездом стоит кто-то. Она видит его синее пальто, его шляпу. Он стоит спиной к ней – верно, ждет. Но какое ей дело? Сердце еще трепещет от шума черных крыльев. Что это было?.. Неужели опять Азраил?

– Здравствуйте, Люка.

Люка кладет холодную руку в его ладонь. «Нет, это только кажется, – успокаивает она себя. – Только кажется...»

И все-таки она говорит:

– Здравствуйте, Арсений Николаевич...

– Как поживаете, Люка?

– Хорошо, спасибо... – Лучше прислониться к фонарю, чтобы не упасть.

Она неясно видит его лицо. И голос его доносится будто издали... Это от тумана. Это от волнения.

– Какая вы бледная. Вы были больны?..

– Нет...

– Как поживает Екатерина Львовна? Вера Алексеевна?

– Вера вышла замуж. Она в Ницце.

– Скоро придет? – отрывисто спрашивает он.

– На будущей неделе. Она вчера прислала цветы.

Он снимает шляпу:

– Ну, всего хорошего, Люка. Кланяйтесь Вере Алексеевне.

Не забудете?

– Нет.

– А вы большая стали. Много учитеесь? Так не забудьте передать привет Вере Алексеевне. До свиданья.

Он быстро уходит. Люка растерянно смотрит ему вслед.

«Неужели это на самом деле был он? Улица пуста, и даже представить себе нельзя, что он только что стоял здесь под фонарем и говорил с ней...» Люка тихо входит в дом, поднимается по лестнице и в прихожей бросается на шею матери:

– Мама, мама... – И нельзя понять, всхлипывает она или смеется.

Екатерина Львовна отстраняет ее от себя:

– Да скажешь ли ты наконец, что с тобой? – и видит длинную красную царапину на Люкиной щеке.

– Господи, ты упала?

– Нет, нет, я ранена, – уже громко хохочет Люка. – Я дра-лась с Ивонной, и я победила.

Люка со всех ног бежит в столовую.

– Как не стыдно драться...

– Я победила, – кричит Люка, – победила. Подумай, она на пять кило тяжелей, а я победила.

От возбуждения Люка не может устоять на месте и бегаёт

из комнаты в комнату, оглушительно хлопая дверьми.

– Люка, перестань. У меня голова разболится.

Но Люке необходимо как можно больше шума, грохота и крика. Она ложится на спину на диван, взмахивает ногами и, перекувырнувшись через себя, падает на пол.

– Люка, сумасшедшая. Спину сломаешь.

Но Люка уже прыгает со стула на стул.

– Не мешай, мама. Я не могу, не могу иначе. Я бы хотела, как Чаплин в «Ла рюе вэр л-ор»⁴, пух из всех подушек выпустить и вокруг палки на потолке крутиться. Ах, мама...

Люка бежит к себе. Минут пять слышно, как она шумит там. Потом все стихает...

Екатерина Львовна накрыла на стол. Принесла из кухни миску с супом.

– Люка, иди обедать.

Но Люка не ответила, она даже не слышала. Она сидела на кровати, крепко обхватив колени, и глядела в угол, бессмысленно и блаженно улыбаясь. Желтый круг от фонаря на тротуаре. Арсений. На нем было синее пальто и серая шляпа. Это она хорошо заметила. И воротник поднят. «Какая вы стали большая», – сказал он и улыбнулся. А палка?.. Была палка? Она наморщила лоб. Да, палка камышовая висела на руке. И перчатки серые. И волосы блестели, когда он снял шляпу.

– Люка, что же ты? Иди обедать.

---

⁴ «La ruée vers l'or» (фр.) – «Золотая лихорадка».

– Сейчас. Подожди. Я готовлю уроки.

Она снова попробовала себе представить Арсения. Но теперь вместо него она видела себя. Растрепанная, на щеке царапина, в старом берете – урод. И руки в черниле. А что туфли у нее на белой подметке, он вряд ли и заметил. Ведь было темно. И она так глупо держалась, ничего не сумела сказать. Только «да» и «нет». Как глухонемая. Слово «глухонемая» показалось самым унижительным и подходящим.

– Как глухонемая, – со злобой повторила она, подошла к зеркалу и показала себе язык. – У, несчастный урод...

– Люка, суп остынет.

– Иду, иду. Не дашь даже задачи решить.

Люка села за стол, разложила салфетку на коленях.

– И что за выдумка девочкам драться? У нас в институте...

– Вы были куклы шелковые в твоём институте.

– Девочкам стыдно драться. И как вы деретесь? Расскажи.

Люка пожала плечами:

– Неинтересно.

– Разве мне может быть неинтересно?

– Просто деремся кулаками, боксируем, стараемся друг другу в зубы побольней заехать. Или под ложечку, хотя это и запрещено.

– Господи, Люка. Неужели серьезно? Как пьяные извозчики.

Люка опять пожала плечами:

– Я же говорила, что тебе неинтересно. Ты не спортивна. Не понимаешь...

После обеда Люка снова в своей комнате. Надо все вспомнить, все подробно.

Люка вздыхает, прижимает руки к груди и видит... Да, действительно видит Арсения. Каждую ресницу, каждую точку на лице, каждый шов на пальто. Он стоит в углу и смотрит на нее блестящими рассеянными глазами, и желтый свет фонаря падает на его серую шляпу...

3

Утром пришло письмо.

Вера писала: «Встречайте в четверг без четверти одиннадцать. Я ужасно рада вернуться в Париж, мамочка, и что медовый месяц кончился. Ах, этот мед».

Четверг – значит завтра.

– Люка, Люка, – кричит Екатерина Львовна, – завтра утром...

Люка вбегает в столовую.

– Верочка приезжает, – с трудом доканчивает Екатерина Львовна, и слезы текут по ее щекам... – Завтра утром...

– Мама, чего ты? Мама.

– Ах, Люка, – всхлипывает Екатерина Львовна, – ты не знаешь. Мне так тяжело без Веры. – Она притягивает к себе Люку. – Только ты меня, моя маленькая, и утешала. Без тебя

я бы не могла. Спасибо тебе.

– Нет, мама. Не надо... – Люка прячет красное от стыда лицо на груди матери. Утешение?.. Хорошо от нее утешение. Дома как чужая. Молчит, и днем и ночью об Арсении думает... Нечего сказать, утешение. Бедная мама.

Люка тоже плачет, прижимаясь к матери. Екатерина Львовна целует ее мокрую щеку:

– Добрая моя девочка. Какая я счастливая, у меня такие милые дочери...

Шесть часов. Совсем темно, будто ночь. Люка сонно потягивается. Электричество неприятно желтеет под потолком.

– Надень новое платье, Люка.

Екатерина Львовна с беспокойством осматривает себя в зеркале. Хорошо ли так? Понравится ли Вере? Не было бы ей стыдно за них с Люкой. Приколоть цветок к пальто?..

– Мама, скоро ты? Я готова.

Екатерина Львовна поворачивается:

– Опять ты за свой старый берет. Сними сейчас же. Его давно выбросить пора. А перчатки где?

– Я не ношу.

– Нет, уж пожалуйста. Вот, возьми мои.

Люка неловко натягивает белые замшевые перчатки:

– Такие чистые. Я их замажу.

– Подтяни чулки. Шарф спрячь вовнутрь. Нечего Ринальдо Ринальдини изображать. Ведь ты – девочка.

Наконец выбрались. Надо еще заехать к Вере на квартиру, все ли там благополучно.

Заспанная горничная открывает дверь. Прихожая просторная, и все так нарядно и ново. Не то что у них. Люка ходит из комнаты в комнату, трогает вещи, присаживается на стулья. Вот бы и ей так жить. Вот бы и ей так жить с Арсением...

Екатерина Львовна волнуется:

– Я заказала на завтрак курицу. Верочка, наверное, проголодается с дороги. Переставь фиалки на ночной столик да смотри не разбей вазу. А на сладкое взбитые сливки с каштанами. Как ты думаешь?

На вокзал приехали рано. Екатерина Львовна нетерпеливо шагает по перрону.

– Люка, не прижимай цветов, помнешь. И сейчас же отдай Вере. Не забудь. Это на счастье.

Наконец поезд. Вера выходит из вагона улыбающаяся и нарядная.

– Вот, вот она, – кричит Люка и бежит к сестре.

Вера уже увидела их и, немного отстранив Люку, быстро идет к Екатерине Львовне:

– Мамочка.

Екатерина Львовна обхватывает Верину шею и с почти страдальческой нежностью прижимается губами к Вериной щеке. Верины длинные ресницы дрожат.

Люка смотрит на сестру. Как заговорить с ней? Как заго-

ворить с этой красивой чужой дамой?.. Прежде всего отдать цветы...

Но Вера, оставив Екатерину Львовну, порывисто поворачивается к сестре:

– Люка, – и три раза как-то особенно жадно и крепко целует Люку в губы.

– Ну давай, давай цветы. Спасибо. Какая милая. – Она пристально смотрит на Люку и смеется. – Да ты что краснешь? Забыла меня? Отвыкла? А я по тебе скучала, цыпленок...

Здороваться с Владимиром Ивановичем проще.

– Здравствуйте, Володя.

– А вы еще вытянулись, Люка. Скоро выше меня будете...

Домой, к Вере, ехали в такси. Люка сидела напротив сестры и близко смотрела ей в лицо. «Изменилась. Нет, такая же. Только еще немного беспокойнее...»

– А бананов на пальмах нет, Люка, – быстро говорила Вера, блестя серыми глазами. – И пальмы оборванные. Ужасно надоедают. И совсем там уже не так чудно. Море как синька. И скучно, гораздо скучнее, чем здесь.

Дома, сняв пальто, снова долго целовались, и Люка, уже не стесняясь, вешалась на шею сестре.

Потом Вера заперлась в ванной с Екатериной Львовной и шепталась с ней там.

Люка напрасно водила ухом взад и вперед по двери, выискивая, где слышнее, ничего нельзя было разобрать за шу-

мом воды.

Завтракали весело.

– Верочка, у тебя усталый вид, – беспокоился Владимир Иванович, – ты бы прилегла.

Вера пожала плечами:

– Ложись сам, если устал.

– Но ты плохо спала в поезде. Я думал...

– Слишком много ты думаешь...

Вера говорила с мужем резко и недовольно, совсем как с Люкой когда-то, но теперь, поворачиваясь к сестре, она ласково улыбалась.

– Ну как, Люка? Пойдем чемодан распаковывать. Может быть, и для тебя там что-нибудь найдется.

Люка поняла. Времена переменились. Теперь на ее, Люкиной, улице праздник.

Целый день провели вместе, как-то особенно нежно, почти влюбленно.

«А ты счастлива?» – хотела спросить Люка, но «счастлива» показалось неподходящим.

– А ты довольна? – спросила она.

Вера рассеянно кивнула:

– Конечно, конечно...

Но Люка уже ахала над подарками:

– Это все мне? И конфеты, и чулки, и сумка?.. И тебе не жалко?..

Домой собрались поздно и в прихожей долго огорченно

прощались, как перед длинной разлукой.

– Ты завтра придешь к нам, Верочка?

– Да, непременно. И все-таки зачем вы уходите? Знаешь что, мама? Оставь мне Люку до завтра. Ведь ты не будешь бояться спать одна?

– Бояться? – удивилась Екатерина Львовна. – Но ведь ей надо в лицей. Она и так сегодня не ходила.

– И завтра не пойдет, велика важность... Хочешь у меня остаться, Люка?

– Еще бы...

– Ну хорошо. Пусть остается.

Люка волчком закружилась по прихожей. Владимир Иванович запер за Екатериной Львовной дверь.

– Где же Люка будет спать?

– Как где? Со мной в спальне.

– А я?

– А ты в кабинете на диване.

Владимир Иванович ничего не возразил.

– Ну, Люка, идем скорее. Я умираю от усталости...

Лиловое одеяло откинута. Простыни и наволочки с кружевом и на столике фиалки.

Вера снимает платье.

– Нет, нет, позволь, я тебя раздену, Вера.

Люка садится на ковер.

– Дай ногу. Туфли сниму. – И вдруг удивленно поднимает голову. – Что это? Почему не пахнет духами?

– Так, – отвечает Вера.

– Опять «так». И душишься ты так и не душишься так.

Отчего?

– Оттого, что... Незачем.

Люка широко открывает глаза:

– Ну да. Незачем.

Люка уже стянула Верины чулки.

– Не понимаю...

– Не понимаешь? – Вера сидит на кровати, болтая босыми ногами. – Не для кого.

– Как так? Мне казалось, что когда замужем...

– Мало ли что тебе казалось...

Люка трется щекой о Верино гладкое колено:

– Я так люблю, когда ты надушена. Подушись. Ну, для меня, пожалуйста.

Вера, смеясь, встает и, придерживая рубашку на груди, подходит к туалету.

– Скажите, какая требовательная. Может быть, и губы прикажете намазать?

– И губы намажь, чтобы совсем хорошенькая. Ах, какая ты прелесть.

Люка с размаху кидается в кровать, натягивает лиловое одеяло.

Какая широкая кровать, холодная, гладкая. И вдруг на минуту ощущение той ночи, когда в первый раз прилетал Азраил. Та же тревога и легкость в крови и даже как будто опять

вкус лунного света на кончике языка.

Люка вытягивается:

– Как хорошо... Вера...

В дверь тихо постучали.

– Что такое еще?

Вера недовольно пошла посмотреть. В коридоре стоял Владимир Иванович в пижаме.

– Что тебе, Володя?

– Верочка, мне надо с тобой поговорить.

– Ну что такое? Завтра скажешь.

– Послушай, ведь это первая ночь в нашей квартире.

– Ах, оставь. Что за глупости? И не все ли равно...

– Хорошо, хорошо. Не сердись, Верочка. Спокойной ночи.

Вера закрыла дверь. Люка из кровати протянула к ней руки:

– Скоро ли ты? Мне холодно одной.

Вера приподняла одеяло и легла рядом с сестрой:

– Ну вот. Туши, Люка.

– Нет. Подожди. Я хочу на тебя посмотреть. Положи голову на подушку. Закрой глаза. Вот так.

Вера рассмеялась:

– Ах, Люка. Распустила я тебя, на свою беду. Ну, нагла-делась? Туши.

Люка в темноте прижалась к Верину теплому душистому плечу:

– Как хорошо, что ты вернулась.

Вера крепко обняла ее:

– Маленькая моя Люка... Какая худенькая. Одни ребрышки. Цыпленок мой.

Люка вздрагивала:

– Как хорошо... как хорошо...

– Слушай, – вдруг тихо над самым ухом зашептала Вера. – Скажи... Скажи, ты никого не видела?..

Люкино сердце застучало.

– Видела... – прошептала она.

– Кого?.. – почти испуганно спросила Вера.

– Арсения Николаевича.

Стало совсем тихо. Ну да. Напрасно Люка сказала. Вере неинтересно. Вера заснула. Но Вера придвинулась еще ближе.

– Где ты его видела? Что он говорил?..

– Около нашего дома. На прошлой неделе. Он спросил, скоро ли ты приедешь. Просил кланяться.

– Больше ничего?

– Больше ничего...

И опять тихо...

– Ну спи... Довольно болтать, спи.

Люка зажмурилась. Не надо было про Арсения. На Веру только сон нагнало. А было так хорошо... Она вздохнула.

– Не спишь, Люка?..

– Не сплю.

– Любишь меня, Люка?

– Люблю.

– Больше всего на свете?

Люка подумала немного. Надо честно.

– Почти... – Больше всего на свете она любит Арсения.

– А ты, Вера?

– И я... почти...

Вера открыла сонные глаза и увидела перед собой лицо Арсения. Его черные глаза смотрели прямо на них. Но Вера не могла разобрать на кого. На нее или на Люку.

– Больше всего на свете люблю тебя, – прошептала она ему, засыпая.

4

Жить стало очень весело. Денег было много, а к весне Вера обещала велосипед. Люка и не думала, что бывает такая приятная, легкая жизнь. И Вера веселая, с каждым днем все веселее.

Так прошел месяц. Люка только не очень верила, неужели так может быть долго, всегда. И тревожно ждала чего-то, чего-то, что все сломает, исковеркает, от чего станет еще хуже, чем прежде. Но успокаивала себя: «А вдруг я напрасно боюсь?..»

Но оказалось, не напрасно. Это «что-то» все-таки началось, и началось оно так.

Люка возвращалась из лица в февральский ветреный день. Было еще холодно, но ветер дул уже по-весеннему нежно. Люка медленно шла и улыбалась. Как хорошо. Небо легкое, весеннее. И земля легкая, и ноги легкие, и дышать легко. Все такое легкое-легкое. Только кажется тяжелым, только кажется неподвижным, а на самом деле все летит и звенит. Люка склоняет голову и слушает тихий звон трамваев, ветра, и голосов, и тихий звон сердца в груди. Как хорошо...

Вчера Люка водила Жанну за свой счет в цирк. Теперь она богатая, может. Жанна даже немного заискивает перед ней.

Люка входит в прихожую: «Мама!» Но ответа нет. В столовой на столе записка: «Я у Веры. Приходи туда». И отлично. Люка уже три дня не видела сестры. Вера все ездит куда-то, ее никогда не поймаешь. Отлично. И обедать у них вкусно, не то что дома.

Люка бросает портфель с книгами на пол и вприпрыжку сбегает по лестнице.

У Веры на звонок открывает горничная. И уже сразу в прихожей чувствуется что-то странное. Какая-то тревога.

– Что случилось?

У горничной испуганные глаза.

– Я не знаю. Кажется, мадам нездорова.

Владимир сидит на диване в кабинете.

– Здравствуйте, Люка. Посидите со мной. Нет, к Вере нельзя.

– Почему?..

Но Владимир смотрит на ковер и, должно быть, даже не слышит Люкиного вопроса.

Люка садится на диван, вытягивает ноги в желтых туфлях.

Нечего сказать, весело. И почему нельзя к Вере? У Владимира расстроенное, бледное лицо.

– Ну, как в лицее, Люка, вызывали?

– Да, по алгебре...

Из-за закрытой двери слышен голос Екатерины Львовны:

– Успокойся, успокойся, еще ничего не известно.

И всхлипыванье.

– Почему Вера плачет?

Владимир Иванович поднимает голову:

– Ну так как, вызывали?

– По алгебре...

И за дверью:

– Ты хину принимала?

– Да, да. Не помогает.

Всхлипывание сильнее.

Люка вытягивает шею:

– Вера больна?

– Простудилась, должно быть, – делано равнодушно отвечает он.

И снова за дверью:

– Я не хочу, не хочу. Я лучше умру.

– Но Верочка. Если даже... Ведь это совсем не опасно.

– Нет, я не хочу, не хочу. Это отвратительно, безобразно.

Я лучше умру.

С минуту тихо, и вдруг Верин голос, жалобный и высокий:

– Господи, за что?..

Люка чувствует, как слезы щекочат в носу. Почему ее не пускают к Вере? Она бы утешила, развлекла, рассказала бы про вчерашних моржей.

– Разве она заразная?

Владимир Иванович смотрит на нее:

– Кто заразная?

– Ну Вера же. Почему нельзя к ней?

– Не приставайте, Люка.

В спальне хлопает шкаф.

– Какое платье достать?

– Все равно. Какое-нибудь.

– Шерстяные чулки надень. И шубу. Не простудись после ванны.

Шум передвигаемого стула.

– Попудрись, Верочка.

– Оставь, все равно. Где шляпа? Ну, идем.

Щелкает замок. Вера входит в столовую. Глаза красные, волосы висят из-под криво надетой шляпы. Что с ней?

У Люки сердце разрывается от жалости и нежности.

– Верочка!

Но Вера отмахивается от нее и быстро идет в прихожую. Люка хватается ее за рукав шубы:

– Вера!

– Отстань, – говорит Вера коротко и прикусывает губу, чтобы не расплакаться.

– Не приставай, Люка. Видишь, Вера расстроена. – Екатерина Львовна торопится за дочерью. – Обедайте без нас, а потом пойдешь домой.

Вера уже на лестнице:

– Скоро ли ты, мама?

– Сейчас, сейчас...

Люка открывает дверь в спальню.

Шторы на окне спущены. Кровать не постлана. На ковре рубашка и рядом утренние туфли. Шкаф открыт. На ночном столике какие-то порошки. Люка тянет воздух носом, как легавая собака. Пахнет йодом. Нет, ничего понять нельзя.

– Люка, обедать.

Люка садится напротив Владимира Ивановича. От всех волнений ужасно хочется есть.

Владимир Иванович рассеянно и молча смотрит на белую скатерть.

Люка наливает себе вина.

За жарким Владимир Иванович вспоминает о ней.

– Вы ничего не кушаете, Люка. Так нельзя.

– Угу, – отвечает только Люка с набитым ртом.

Но он, должно быть, вспоминает, что ему надо занимать ее.

– Ну, как в лицее? Вызывали?

– Угу, – снова односложно отвечает она, продолжая же-

вать.

Разговор кончен.

Люка наливает себе третий стакан вина. Как приятно с Володей. Пей сколько хочешь, не мешает. И на сладкое сливочный крем. Каждый бы день так обедать.

Люка встает:

– Спасибо, Володя.

– Теперь идите домой готовить уроки. Возьмите на дорогу апельсин.

– Спасибо, Володя. До свиданья...

На улице дождь, и это удивляет Люку. Должно быть, она слишком много выпила, если дождю удивляется. Да, она слишком много выпила, и оттого все кругом совсем особенное. От каждого предмета в голове какой-то отблеск, как будто второе отражение. Вот фонарь. Фонарь как фонарь, стоит себе и скупо светит. Старый, немного кривой и облезлый. Но Люка видит не его, а мечту о фонаре. Фонарь, как его впервые задумали. Ночное солнце на высоком шесте, разгоняющее убийц и темноту, ослепительный маяк, помогающий честным людям добраться до дому по черным, страшным дорогам.

Вот полосатая кошка выбежала на тротуар, встретилась с другой черной кошкой, минуту постояли рядом, морда к морде, и быстро шмыгнули в открытую дверь молочной. Люка знает, что они решили: пойдём купим молока и давай поселиться.

Она громко смеется. Капли дождя текут по ее берету, по щекам, по непромокаемому пальто. Она глубже засовывает руки в карманы. На тротуаре блестит лужа. Люка ступает прямо в нее. Брызги летят высоко на клетчатые чулки, на голые колени. Ну вот, теперь и ноги мокрые. Теперь все в порядке. Она снова смеется. И вдруг становится грустно. Она вздыхает. Чему она радуется? Чему смеется? Ей бы плакать, такая она несчастная, такая одинокая. Ей страшно жаль себя. «Бедная Люка, бедная, – шепчет она, – никто тебя не любит. А ты смеешься...»

«Арсений...» Всегда, когда грустно, Люка вспоминает о нем. «Арсений...» Сердце начинает слабо ныть, и во рту знакомый солоноватый вкус. Это тоже всегда, когда грустно.

«Арсений...» Она медленно идет, опустив голову. Дождь попадает за воротник, течет вниз по спине. Пусть, от этого еще грустней, еще безнадежней. Так грустно, что даже хорошо, и уже не хочется быть веселой.

«Арсений...» И все-таки у нее есть что вспомнить. Эта встреча... Еще совсем недавно, еще двух месяцев нет... Ведь она была, эта встреча...

В тот вечер она шла такая же грустная и ничего не предчувствовала. И так же, как сейчас, подходила к дому. И там, у того фонаря на углу, так же, как сейчас, стоял человек. Только у этого зонтик, но ведь зонтик оттого, что дождь... Так она шла, все ближе и ближе, совсем как сейчас. Она останавливается, колени начинают дрожать. А если это он, там под

фонарем?.. А если это он и ждет ее? Вздор, успокаивает она себя. Не может быть... Не бывает такого.

Человек уже не стоит под фонарем. Он идет к ней навстречу. Лучше не видеть его лица. Ведь это не он. Она отворачивается.

– Здравствуйте, Люка.

Люка вздрагивает. Не может быть. Что?.. Что?.. Что?..

Перед ней под зонтиком Арсений.

– Вы совсем промокли, Люка. Идите сюда, ко мне под зонтик. Вы простудитесь.

Он берет ее под руку. Она рядом с ним. Ее плечо прижимается к его рукаву.

– В такой дождь, – говорит он, – долго ли простудиться. А скажите, кстати... ваша сестра здорова?..

– Да... или нет, больна.

– Больна? – переспрашивает он. – Но чем?

– У нее... свинка, – вдруг решает Люка. Ну конечно, у Веры свинка.

Как она раньше не догадалась.

– Свинка? Она вам сама сказала?

– Нет, но я знаю. Она плакала, что безобразно, а мама утешала: «не опасно». Это свинка. Что же другое? И безобразно, и не опасно. У меня у самой была.

Она смотрит снизу вверх в его лицо. Какой он бледный. Или это тень от зонтика?

– Кланяйтесь Вере Алексеевне. Вы не забудете?

– Нет, нет.

– Идемте, я вас провожу до дверей, а то вы еще промокнете.

– Спасибо.

Его длинные ноги в коричневых башмаках ступают рядом с ее желтыми туфлями. Всю бы жизнь идти так, под зонтиком.

– Ну вот и ваш дом. Так не забудьте передать привет.

Он пожимает ей руку, смотрит на нее рассеянно.

– Вы говорите, она плакала?..

– Кто?

– Ваша сестра.

– Да. Вера плакала. Она кричала: «Я лучше умру...»

– Передайте ей привет и скажите... Нет, ничего не говорите... Только непременно передайте привет. А вы какая большая стали, совсем барышня. Много учитесь? До свиданья.

Он снимает шляпу и быстро уходит. Люка поднимается по лестнице, но на площадке поворачивает и бежит вниз назад на улицу.

– Арсений Николаевич, – кричит она, задыхаясь. – Арсений Николаевич!

Улица пуста. Прямо перед домом желтеет фонарь. Дождь звонко барабанит по тротуару.

– Арсений Николаевич!

Люка добегает до угла, смотрит налево, направо, все пусто. Куда он пошел? В ту сторону?.. Или туда? Нет, теперь

его не найти, не догнать...

Она снова возвращается, медленно всходит по лестнице, отпирает входную дверь и, не снимая пальто, садится прямо на пол в прихожей, прижимает голову к стене и плачет. Промокшая юбка тяжело прилипает к голым коленям, на полу холодно и твердо. Слезы быстро текут по щекам. Темно, холодно, безнадежно. Но так и надо, так и надо...

Наконец, наплакавшись, она встает, сбрасывает пальто, зажигает свет и, все еще вздрагивая от слез и холода, идет в столовую. Она сама виновата. Она не сумела. Надо было позвать его домой. И было бы так хорошо. Вдвоем, одни... Это, может быть, единственный случай. Единственный случай в ее жизни. И она не сумела. А было бы так хорошо.

Он сел бы здесь, рядом с ней, на диван. Она очистила бы для него апельсин.

– У вас волосы мокрые, – сказал бы он и вытер бы ей голову своим белым шелковым платком. – Какая вы стали большая, Люка. Совсем взрослая...

– Да. Мне на Рождество исполнилось пятнадцать лет.

– Неужели уже пятнадцать?..

Он бы посмотрел на нее внимательно и долго.

– Какая вы хорошенькая, Люка.

Она бы ничего не ответила и даже, может быть, немного покраснела бы.

– Вам пятнадцать лет, Люка. Теперь вы большая, и я могу вам сказать...

– Что? – спросила бы она тихо.

– Разве вы не понимаете?.. Разве вы не знаете, отчего я ждал вас тогда, отчего я ждал вас сегодня под дождем?..

Она покачала бы головой:

– Нет, я не знаю, – и ей стало бы страшно, еще страшнее, еще блаженней, чем только что под зонтиком.

– Люка. – Он взял бы ее руку и, повернув, поцеловал бы в ладонь. Непременно в ладонь. – Люка, я люблю вас. Я всегда любил вас, я только ждал, когда вам можно будет сказать. – Он наклонился бы к ней совсем близко. – Еще в Петербурге. Еще в Мондоре. Я всегда любил вас...

5

Приемная доктора.

– Не волнуйся, – шепчет Екатерина Львовна. – Уже скоро. Следующая твоя очередь.

Вера рассматривает гравюры на стенах. Голубой маркиз обнимает сиреневую маркизу, на другой пастух целует пастушку и у ног их лежат белые овцы. Вера брезгливо кривит губы – целуются, обнимаются, чтоб потом так мучиться, как она сейчас.

Вера смотрит на них, и ей кажется, что маркиза и пастушка на гравюрах меняются, тонкие талии распухают, под юбками вздымаются большие животы и губы вместо улыбки складываются в страдальческую гримасу. И овцы огромные,

с раздутыми боками, круглые как шары.

Вера отворачивается. У стены пузатый комод... Какой противный... Он тоже как будто...

Она брезгливо пожимает плечами. Все, все напоминает. Куда ни взглянуть. И поворачивается к матери.

– Что, Верочка?

В больших серых глазах Екатерины Львовны выражение любви и страха. И лицо совсем такое, как на старой карточке, снятой двадцать два года тому назад.

– Я была тогда беременна тобой, Верочка, – говорила Екатерина Львовна, показывая Вере карточку. – А платье это было прелестное. Лиф весь обшит кисточками. И шляпка палевая. Еще малозаметно было...

И вдруг Вера ясно видит мать, какой она была двадцать два года тому назад. В шляпке-лодочке, в лифе с кисточками, с челкой на лбу, с еще слабо округленным животом, хорошенькую, молодую. Беременную. Беременную Верой, ею самой. Верой – ею, которая смотрит на мать. Верой – ею, которая сидит здесь в розовом кресле и отражается в зеркале. Но как же это?... Ведь она еще не родилась. Она еще там, под полосатой юбкой и лифом с кисточками, в этом теплом круглом животе. Вере хочется крикнуть, но нет голоса, она продолжает смотреть в каком-то тяжелом оцепенении на беременную мать и на себя в зеркале.

Что-то липкое, мутное заливает кровь, поднимается все выше, и нельзя ни шевельнуться, ни вздохнуть, ни закрыть

глаза, и в висках тяжело стучит. Ей отвратительно видеть беременную мать, и отвратительней всего, что мать беременна именно ею, Верой. И видеть себя в зеркале тоже отвратительно, себя взрослую, себя беременную.

Липкая муть докатилась до сердца. О, как противно. Закричать бы, разбить вазу, но только прекратить это. Не видеть круглого живота, шляпки-лодочки, лифа с кисточками...

– Трудные были роды. Щипцами тебя вынимали... Щипцами...

И ее тело тоже будут рвать щипцами.

Судорога отвращения пробегает по спине. Вера встряхивает головой, ударяется о кресло затылком. И все сразу пропадает. Екатерина Львовна сидит в своей потертой котиковой шубке, немолодая и грустная. Вера делает еще усилие, встает, подходит к столу.

– Что? – спрашивает тревожно Екатерина Львовна.

На столе лежит книга. Вера хочет ее взять. Надо успокоиться, почитать. Но вдруг, как от жабы, отдергивает руку. На желтой обложке большими черными буквами напечатано: «Л'Этернель амур».

– Амур, – повторяет Вера, с отвращением кривя губы. – Амур... – И прижимает платок ко рту. – Мама, меня тошнит.

Но в ту же минуту широко распахивается дверь, и седой высокий старик в белом больничном халате, ласково и устало улыбаясь, приглашает:

– Пожалуйте.

И в открытую дверь за его спиной видно медицинское кресло и на столе блестящие никелированные страшные инструменты...

Вера едет с матерью домой.

– Радоваться надо, а не огорчаться, Верочка.

– Радоваться? Но отчего же ты плачешь?

– Ах, Верочка. Мне жаль тебя. Но иметь ребенка такое счастье...

Вера, не отвечая, смотрит в окно сухими глазами.

– Он будет такой маленький, теплый, беспомощный. Ты будешь обожать его. И такой хорошенький. Ведь вы с Люкой были прелесть какие, на улице на вас оборачивались. Скажи, ты хочешь мальчика или девочку?

– Никого не хочу...

– Но все-таки... все-таки. Мальчика или девочку?

– Лучше уж девочку.

– Ну вот, вот, – радостно торопится Екатерина Львовна. – Непременно будет девочка. Представь себе – волосики золотые, глаза светлые.

– Нет, – перебивает Вера, – черные глаза.

– Но откуда черные? Ведь у нас всех и у Володи серые.

– Нет, черные. У нее будут черные. Не спорь, я знаю. Непременно черные.

– Ну хорошо, хорошо. Пусть черные. Она так быстро вырастет. Она будет бегать по комнатам, будет обнимать тебя

за шею маленькими ручками и звать Мама-Киса.

– Мама-Киса, – тихо повторяет Вера и улыбается в первый раз за весь этот мучительный день.

– Ну вот, вот, – шепчет Екатерина Львовна, и слезы снова бегут по ее щекам. – Вот ты уже и любишь ее. А как мы ее одевать будем...

Владимир Иванович встречает их в прихожей.

– Что сказал доктор? – взволнованно спрашивает он.

– Да, да, да, – резко говорит Вера и, не взглянув даже на мужа, быстро проходит к себе в спальню.

– Но... Я не понимаю, – растерянно шепчет он. – Как же это могло случиться?

Вера поворачивает к нему бледное, злое лицо:

– Не понимаешь? Где тебе понять! – и захлопывает за собой дверь.

– Мама, – кричит она, сбрасывая пальто на пол. – Я не хочу. Нет, нет, нет, я не хочу. Я лучше умру, мама.

– Верочка, Верочка. Что ты?..

– Мама, это ужасно. Это отвратительно, безобразно. Я не хочу. За что? Мне жаль себя, жаль, жаль! – Она громко плачет, уткнувшись в материнское плечо.

– Это совсем не страшно, Верочка. Совсем не страшно. И зато потом такое счастье.

– Нет, нет, я не хочу. И ребенка не надо. На что мне? Нет, нет, я не хочу.

Екатерина Львовна гладит ее по голове:

– Ну успокойся, успокойся.

– Мама, – Вера поднимает заплаканное лицо. – А ведь можно? Еще можно избавиться? Еще можно...

– Да, конечно, – испуганно говорит Екатерина Львовна, – но это...

Но Вера кидается на кровать и зажимает уши:

– Нет, не говори, не говори. Это гадость. Это еще страшнее. Я боюсь, боюсь. Я не хочу. Нет, я лучше умру...

6

Надо идти завтракать к Вере. Екатерина Львовна уже с утра там.

В доме по-прежнему чувствуется переполох. И Вера по-прежнему в спальне, и к ней нельзя. Но Люка все-таки стучится:

– Верочка,пусти меня.

– Нельзя. Уходи.

– Пусти. Мне надо тебе передать...

Да, надо, необходимо передать привет от Арсения. Ведь она ему обещала. Но Вере, конечно, не до приветов. Она рассердится, выгонит Люку.

Ключ в замке щелкает. Вера, запахивая халатик, снова садится на кровати. Растрепанные волосы торчат во все стороны, лицо желто, глаза распухли.

– Верочка, что с тобой?

– Не приставай. Говори скорей и уходи.

Люка мнется:

– Мне надо тебе... Я... Вчера... Я вчера встретила Арсения, – говорит она вдруг быстро и краснеет. – Он просил передать тебе привет. – И отворачивается, чтобы Вера не заметила. Но Вера не видит ее. Вера смотрит на свои чулки, брошенные на ковре, и губы ее вздрагивают.

– Что он еще говорил?..

– Он сказал, что дождь... И что много больных, и спросил, здорова ли ты.

– А еще что?

– Больше ничего.

Он еще сказал: «Не простудитесь. Какая вы большая, Люка, совсем барышня. Много учитеесь?» И еще они шли под зонтиком. Но это уже ее, Люкино богатство, и делиться им Люка ни с кем не обязана.

– А какой он был? Грустный?

– Да, кажется, грустный. Или нет, скорее веселый.

– Ах, господи, какая ты, Люка, ничего толком сказать не можешь. Ведь не маленькая.

– А тебе не все равно, веселый или грустный?

– Ну конечно все равно. Я только так спрашиваю. Какая ты смешная. Пойди поцелуй меня. – Вера, смеясь, обнимает сестру, целует ее в затылок. – Ах, какая смешная, Люка. Вот и развеселила меня, а мне было так плохо...

Люка в восторге прыгает по комнате:

– Я еще вчера говорила, чтобы меня пустили к тебе. Я знала. Подожди, я тебе про моржей расскажу. Хохотать будешь.

– Ну, про моржей после. А сейчас пойди скажи на кухне, чтобы мне яичницу сделали. Мне даже есть захотелось, вот ты какая у меня.

За завтраком почти весело. Вера улыбается, Екатерина Львовна и Владимир влюбленно смотрят на нее.

– Это все Люка. Если бы не она, я сегодня не встала бы.

Люка надувается от гордости.

– Я так много плакала. – Вера смотрит на мужа. – Надо мне новое платье купить в утешение.

– Конечно, конечно.

Он поспешно достает из бумажника пятьсот франков:

– Не мало?

– Нет, хватит.

Вера кладет деньги под тарелку. У Люки сильно стучит сердце. А вдруг забудет? Но Вера встает и прячет деньги в сумку.

– Ты поедешь со мной, мама. Поможешь мне выбрать.

– И я, и я, – просит Люка.

– И тебя возьмем. А потом мороженым тебя угощу. Ну, идем, помоги мне одеться.

Владимир Иванович берет Люку за плечо:

– Спасибо, Люка, за Веру.

– Ну вот еще. – Люка скромно опускает глаза...

– Достань чулки, серые, те, с каемкой, знаешь, и платье

серое бархатное, – командует Вера из ванной. Вода шумно бежит из крана, и плохо слышно, но переспрашивать нельзя. Вера рассердится. – Рубашку с кружевом. И все надуши.

Вера выходит из ванной розовая и свежая, совсем не похожая на ту, что сидела здесь на кровати. Вера пудрит плечи, руки и грудь.

– Зачем это?

– А тебе что? Не тебя ведь пудрят.

Мелкая легкая пудра летит по комнате. Люка кашляет.

– И ноги тоже?

– И ноги, – насмешливо отвечает Вера. – Ну, давай скорей рубашку.

– Это все так стараются для портнихи?

– Все.

Люка обдергивает Верино платье:

– Какая ты красивая.

Вера печально качает головой. Маленькие серые перья на ее шляпе дрожат.

– Теперь уже недолго.

– Что недолго?..

Но Вера старательно мажет губы перед зеркалом.

– Мама, я готова. Идем. Скажи, сколько времени еще не будет видно?

– Месяцев пять, даже шесть.

Вера надевает шубу.

– Господи, как мало времени осталось. Ах, как мне надо

торопиться жить.

Владимир целует ее руку:

– До свидания, Верочка.

– Я, наверное, опоздаю к обеду. Знаешь, в магазинах, у портнихи...

– Ничего, Верочка. Я подожду.

Они втроем спускаются с лестницы. Но на улице Вера вдруг останавливается.

– Вот что, – говорит она смущенно, – я передумала. Я лучше поеду одна.

– Хорошо, хорошо, Верочка, – поспешно соглашается Екатерина Львовна. – Я тоже думаю, мы будем тебе только мешать.

– Приходи вечером, мама.

– Как же так, Вера, а мороженое?

Но Вера, не слушая, останавливает автомобиль. Люка подбегает к ней:

– Я скажу шоферу адрес, а ты садись.

Вера зло смотрит на нее.

– Что ты за мной шпионишь, змееныш? Поезжайте прямо, – говорит она шоферу и захлопывает дверцу.

Люка совсем сбита с толку:

– Отчего она опять рассердилась?

– Не обращай внимания, Люка. Вера очень нервна, это пройдет.

– А мороженое как же? Вера обещала...

Но Екатерина Львовна торопится:

– Тебе пора в лицей, Люка.

7

На столе две бутылки вина, финики, копченая селедка, плитка шоколада, учебники и тетрадки.

Жанна в гостях у Люки. Люка подливает ей вина, угощает ее финиками, Екатерина Львовна, как всегда, у Веры.

– ...Она жила одна в огромной квартире. Одной жить страшно. Она богатая была и все боялась, что ее убьют, никому не верила, – рассказывает Люка шепотом. – Боялась, и убили. Утром нашли в кухне с перерезанным горлом, и все стены в крови. Как раз в Марди-Гра, и маски приходили смотреть. А вечером в доме напротив нашли вторую старуху зарезанную. И думали, тот же убийца. Но это одна зарезала другую, понимаешь? А потом и себя. Вечером в Марди-Гра. Под окнами танцевали Пьеро, играли на бумажных дудках. А соседи видели, как старуха накануне стучалась. И пряталась под зонтик, чтобы ее не узнали. Под зонтик, хотя дождя не было. А та с балкона смотрела: «Это вы? Что давно у меня не были?» – и сама впустила... Зонтик, а дождя не было, – повторяет Люка. – Как приятно, даже в горле щекочет. Зонтик. Большой зонтик. Под ним вдвоем идти можно. – Люка на минуту задумывается. – А ее все-таки видели... И зонтик не помог. Сама зарезалась бритвой, а не то бы гильотина.

Жанна испуганно смотрит на нее:

– Ты это выдумала?

– Нет, я в газете читала. Хочешь, еще расскажу?

– Нет, нет, пожалуйста, не надо. Я боюсь. Мне ночью приснится.

Люка хохочет:

– Трусиха, – и серьезно прибавляет: – Я тоже иногда боюсь ночью, но только не убийц. Что же ты не пьешь?.. Не вкусно?

Жанна пьет, потом вдруг тяжело и беспомощно кладет голову на стол и плачет:

– Ах, Люка.

Люка трясет ее за плечо:

– Ну, Жанна, ну что с тобой? Хочешь воды? Съешь шоколаду, пройдет.

Но Жанна плачет все сильнее:

– Ах, я так несчастна.

– Ты?.. – удивляется Люка и с любопытством смотрит на подругу.

– Я, я... – всхлипывает Жанна, – я его так люблю... А он, а они...

– Кто он? Кто они?

– Поль. Поль и Ивонна...

– Ах вот оно что... – Люка трясет головой.

– Нет, ты не смейся. Я ужасно, ужасно, ужасно люблю его.

– А он?

– Он совсем не любит меня. Ему безразлично – я или

Ивонна.

Люка смотрит на хорошенькую плачущую Жанну, и ей жаль ее. От выпитого вина она как-то особенно ясно все понимает: и Жаннино горе, и звон часов в столовой, и всю жизнь.

– Послушай. – Она трясет Жанну за плечо. – Ты не плачь. Ты несчастна, но ведь и я тоже несчастна. Это всегда так. Так уж устроено. Сначала все несчастны, а потом выходят замуж, и богаты, и счастливы. Я знаю. Так и с Верой было. И с нами так будет. Надо только подождать. И я жду. Мы только еще немножко слишком молоды. Вот и все.

Жанна поднимает лицо:

– Правда, Люка?

– Ну конечно правда, раз я говорю.

– И Поль женится на мне?

Люка не понимает, как можно влюбиться в Поля. У него потные руки и зубы plombированные. Но раз Жанна плачет...

– Да, да, он женится, – убежденно шепчет Люка. – Я знаю.

Жанна вытирает глаза кулаком и улыбается блаженной и пьяной улыбкой:

– А что же будет с Ивонной?

– Ивонна лопнет от зависти.

– Как? Совсем лопнет? – уже смеется Жанна.

– Совсем. По всем швам. Придется куски собирать, чтобы в гроб класть. Я знаю. А мы будем счастливы...

Люка наливает себе и Жанне вина:

– Ну, выпьем за наше счастье. Мы будем счастливы. Я знаю... Только немножко еще подождать... И будем счастливы. Честное слово.

Четвертая часть

1

В начале июля перебрались на дачу. Люка была недовольна. Стоило тоже. Разве это дача? Час езды от Парижа, и ни моря, ни хотя бы гор. На такую дачу даже стыдно выезжать. Но Вере нужно в Париж к доктору, а Владимиру Ивановичу – на завод. Вот и сидят здесь.

В саду клумба с левкоями и два куста жасмина. Дорожки слишком белые, слишком чистые. Как будто на открытке. Все сделано для того, чтобы нравилось. А вот Люке не нравится. Совсем не нравится. Даже наоборот, противно. И беседка в углу сада такая ненужная. С кем и о чем в ней беседовать? Лучше бы уже в Париже остаться. Там все-таки Жанна, не так скучно. И от Верочки немного отдохнули бы...

Люка устраивается поудобнее на перилах, болтая ногами в сандалиях.

Жарко. Скучно. Только сегодня утром приехали, и уже скучно. А придется прожить здесь целых два месяца.

На террасу, осторожно ступая и чуть-чуть переваливаясь, выходит Вера. На ее легкое белое платье сверху накинута розовая шаль. Люка отворачивается. Люка давно знает, что у Веры не свинка, Вера пухнет с каждым днем, живот уже под самым носом.

Вера подходит совсем близко, обнимает Люку:

– Ты что тут сидишь, как воробей?

– Жарко...

Люка смотрит на Верины ноги в шелковых чулках. Какие красивые, стройные ноги. Странно даже, что они такие же красивые, как прежде, не изменились.

– Почему ты не бегаешь? Все уже осмотрела?

Люка зевает во весь рот:

– Скучно.

– Нечего киснуть. Пойдем-ка лучше гулять. Тут, говорят, чудесный лес.

– Ну и пусть себе лес...

– Пойдем, – уговаривает Вера. – Знаешь, тут, наверное, и кондитерские есть. И мороженое. А, как ты полагаешь?..

Люка встает:

– Ну, если мороженое. Только сначала мороженое, а потом лес.

В лес она совсем не пойдет, удерет из кондитерской. Очень ей нужен лес...

– Идем же.

Вера тяжело сходит в сад. Люка бежит за ней, глядя на ее

спину.

Как утка ковыляет. Нашла тоже время рядиться. Только еще безобразнее...

– Первым делом в кондитерскую. – Люка открывает калитку и останавливается.

У самого забора стоит Арсений.

– Арсений Николаевич, – вскрикивает Вера как-то особенно громко.

Люка молча прижимает руки к груди.

– Здравствуйте, Вера Алексеевна. Здравствуйте, Люка. Какими судьбами?

– Мы здесь живем.

– Неужели? И я тоже. Вот моя дача. Та розовая, на углу. Мы опять соседи, как в Мондоре.

Вера улыбается:

– Мы так давно не виделись. Мама будет очень рада. Зайдем к нам.

Люка бежит вперед предупредить, проносится через сад и, задыхаясь, вбегает в дом:

– Мама, мама! Да где же ты?

Екатерина Львовна выходит, держа в руках маленький вязаный чепчик:

– Что? Что такое?

– Мама, Арсений Николаевич. Он здесь. Он живет с нами рядом, – захлебывается Люка.

– Вот как?

Екатерина Львовна почти не удивлена.

– Мама, он идет сюда!

– Ну хорошо, пусть идет. Но ты-то чего так кричишь?

Люка смущается:

– Я... Я пойду руки вымыть, – и бежит наверх.

У себя Люка садится на пол и раскачивается из стороны в сторону:

– Он здесь, он здесь, он здесь...

Потом вскакивает, смотрит в окно.

Арсений и Вера идут по саду. И все кругом: жасмин, левкои, трава, деревья и небо – вдруг меняется. Все становится волшебным, звенящим, летящим. И даже Вера, тяжелая утка Вера кажется легкой белой бабочкой. Все кружится. Сад медленно плывет перед глазами. Люка глубоко вдыхает теплый воздух и снова садится на пол.

Снизу уже слышатся голоса:

– Вот и отлично, теперь мы вас не выпустим. А то за всю зиму ни разу не были у нас.

– ...Я тоже очень рад, поверьте...

Люка встает, моет лицо и руки – зачем? Она все равно не посмеет сойти. Причесывается, смотрит на себя в зеркало и трясет головой, чтобы снова растрепать волосы, а то будто корова языком прилизала. Нет, она все равно не сойдет...

Снизу голос Екатерины Львовны:

– Люка, где же ты? Иди чай пить...

– Сейчас, мама.

Люка остановилась красная, с бьющимся сердцем. Как она выйдет такая, все сейчас поймут.

Но никто не обращает на нее внимания. На пестрой ска-терти стоят голубые чашки. Большой шмель кружится над вазой с жасмином. Самовар блестит, все такое привычное, совсем как всегда...

2

Арсений Николаевич читает вслух только что полученную из России книгу. Вера шьет, склонив набок маленькую круг-лую голову. В пальцах Екатерины Львовны мелькают длин-ные желтые спицы. Клубок розовой шерсти мягко падает со стола и катится по полу.

Розовый – ведь непременно будет девочка. Для девочки всегда розовое.

Люка сидит в углу на соломенном стуле и пристально смотрит на Арсения. Она не слушает. Какое ей дело? Разве можно интересоваться чужой жизнью, когда своя собствен-ная жизнь громко стучит в груди, когда чувствуешь себя оглушенной, ослепленной ею и боишься только одного: как бы не задохнуться от счастья... Люка крепко сжимает худые руки на коленях.

Это он, это Арсений. Он тут, и вчера был, и завтра будет. «Хорошо тебе, Люка?» – спрашивает она себя, зажмуривая глаза. Солнце светит прямо на нее. Деревья шумят. Влажные

волосы прилипают ко лбу. «Чудные дни наступили для нас, сердце мое, – вспоминает она строчку какого-то стихотворения. – Чудные дни наступили для нас с тобой, Люка...»

– Помилуйте, товарищ...

Люка крепче зажмуривается. «При чем тут товарищ, какой товарищ? Арсений говорит: „Я люблю вас, Люка...“»

– Так что, товарищ, всю Гражданскую войну...

Но это значит: «Неужели вы не понимаете, Люка, что я люблю вас?..»

Пчелы громко жужжат в горячем воздухе. Как пахнет левкоями.

– Хватит. – Вера встает. – Я устала. Завтра кончим.

Арсений послушно кладет книгу на стол:

– Нравится вам?

– Очень интересно, – рассеянно говорит Вера. – Но мне пора идти гулять.

Арсений поворачивается к Люке:

– Вот кто внимательно слушал. Я даже удивился. Вам нравится, Люка?

– Ужасно нравится.

– Вам жаль Мейчика?

«Какой такой Мейчик? При чем тут Мейчик?» Люка краснеет и опускает глаза.

– Очень, очень жаль.

– Люка, да ты никак плакала? Вот это слушательница. Не то что я. Я даже толком не разобрала, в чем дело.

Вера берет шляпу:

– Идемте, Арсений Николаевич, в лес. Там не так жарко.

Люка вскакивает:

– И я, и я с вами.

– Нет, – останавливает Екатерина Львовна. – Ты останешься дома.

– Но почему?

– Вера устала. Ты все болтаешь, прыгаешь, от тебя голова болит.

– Пусть идет, если хочет, мне не мешает, – говорит Вера, но Люка по глазам видит, что она недовольна.

– Нет, Люка мне нужна. – Екатерина Львовна берет дочь за руку. – Ты останешься со мной.

Арсений молчит. Хотя бы он заступился за Люку. Но он уходит вслед за Верой с пледом на руке, если Верочке в лесу сесть захочется, и зонтиком, если Верочке солнце надоест...

Люка смотрит им вслед. Ушли...

– Мама, я тебе нужна?

Екатерина Львовна продолжает вязать.

– Четырнадцать, пятнадцать, – считает она петли. – Не мешай.

– Ведь ты сказала, что я тебе нужна?

– Иди играть в сад.

– Но ты сказала...

Екатерина Львовна поднимает глаза от работы:

– Ну и сказала... Что же ты со мной за это сделаешь? Боль-

шая, кажется, можешь понять, что Верочку теперь раздражать нельзя. Дай ей хоть немного от тебя отдохнуть.

– Отдохнуть?..

Екатерина Львовна снова накидывает петли.

– Иди играть, Люка. Не приставай.

Люка спускается в сад.

Вере надо от нее отдохнуть. И ему, Арсению, тоже. Конечно, она надоедает им. Они рады от нее отделаться. Вот оставили дома. Хуже собаки – собаку бы повели гулять, хуже зонтика – зонтик взяли с собой. А ее, Люку, оставили. На что она нужна?

Люке обидно, Люке грустно. Она шагает взад и вперед по белой дорожке, подходит к забору, открывает калитку. Улица длинная, с узкими тротуарами, с двух сторон заборы и деревья. Воздух пыльный, солнце жжет, и ни одного автомобиля, ни одного прохожего. Господи, какая жара. Господи, какая тоска...

Люка идет вдоль заборов. Вот и дача Арсения. Маленькая, одноэтажная, густо-розовая, как земляничный пирог. И сад маленький, весь в цветах. Ни дерева, ни куста. Только зеленая трава и цветы, белые, красные, розовые, лиловые. И дача, и сад – все совсем особенное, такое, как нигде.

Над цветами кружатся бабочки и пчелы. Солнечный, тающий воздух звенит от жужжания. Цветы глубоко и бесстыдно раскрываются, и пчелы влюбленно прячутся в них. Бабочка садится на красную гвоздику, стебель нежно и покорно

склоняется под ней. От разогретой земли, от цветов поднимается тяжелый, раздражающий запах.

Люка смотрит на цветы и вдруг краснеет. Да, все здесь совсем особенное, влюбленное, бесстыдное. И сердце стучит совсем особенно, влюбленно и бесстыдно.

Люка толкает калитку. Сколько раз по этой дорожке ступали его ноги. Сквозь тонкую подошву чувствуется горячая земля. И вместе с ощущением тепла поднимается по ногам и заливаает все тело горячая нежность, еще никогда не испытанная, влюбленная и бесстыдная. Ладони становятся влажными, колени слабеют.

Люка медленно обходит розовый дом. Двери на балкон заперты, и окна все закрыты. Нет, не все. Люка берется за розовую ставню, за ней окно только притворено. Люка смотрит на него. Темно... Но как же? Она так и уйдет, ничего не узнав? Окно низкое. Вот взяться покрепче за подоконник и... Вот так. Люка спрыгивает на пол. Это столовая. Буфет с пестрыми тарелками. У стульев высокие спинки. На стене заяц из папье-маше. Неинтересно. Люка толкает дверь. Она в большой темной комнате. Свет пыльной полосой падает в открытую дверь. Тихо, так тихо, как бывает только в совсем пустом доме. И вдруг становится страшно. Кажется, что кто-то там, за спиной, шевелится в углу. Люка оборачивается. В углу, в глубине узкого зеркала, слабо желтеет ее платье. Ее светлые волосы и испуганное лицо расплываются мутным пятном. Люка вскрикивает и толкает ставни. Комната полна

солнца, и в зеркале отчетливо отражается розовая Люка, вся, такая как есть. Даже дырка на юбке. Чего же бояться?..

У стены письменный стол, и на нем четыре десятифранковых бумажки. Люка смотрит на них, протягивает руку, трогает их. «Новенькие, хрустят... На сорок франков можно много сделать».

Люка выдвигает ящик стола. На самом верху недописанное письмо. Она берет его и читает.

«Моя маленькая девочка, я сегодня опять провел весь день у вас и не мог тебе сказать, как я люблю тебя. Меня это мучает. Твоя мать, твоя сестра...»

Люка держит листок в руке, рука дрожит, и ноги подкашиваются. Она садится в кресло, закрывает глаза, прижимает письмо к груди.

«Моя маленькая девочка, я люблю тебя». Наконец. Наконец. Сколько времени она ждала. «Моя маленькая девочка». Ведь она знала, знала. Еще зимой под зонтиком, еще в Мондоре...

«Моя маленькая девочка, я люблю тебя...» Люка крепче прижимает письмо к груди. И как раз под письмом сердце. Оно бьется так счастливо, так спокойно. Совсем легко, совсем тихо, не громче, чем часы на стене. Вот оно, вот оно, счастье...

Люка целует письмо, кладет его обратно в ящик, медленно встает, улыбаясь, трясет головой: ах, как я счастлива. Потом подбегает к окну, выпрыгивает в сад, притворяет розо-

вые ставни. Но рука ее снова просовывается в комнату, и четыре скомканные десятифранковые бумажки шурша падают на пол.

3

Люка сидит за ужином перед тарелкой с варениками. Слева Вера, напротив Владимир Иванович и Арсений, справа Екатерина Львовна. Вареники с вишнями, очень вкусные, но глотать трудно, горло сжато, оно такое узкое, что вареник не пройдет. И пробовать не стоит – подавишься.

– Люка, отчего ты не ешь?

Люка проводит рукой по лбу:

– Не хочется. Голова болит.

– Опять ты по солнцу без шляпы бегала. Как ты бледна, синяки под глазами, – беспокоится Екатерина Львовна.

Люка отодвигает стул и встает:

– Я лучше пойду лягу. Спокойной ночи.

Мать и Вера целуют ее. Арсений протягивает руку:

– Чтобы завтра молодцом быть, Люка.

Ладонь у него сухая и немного жесткая. Глаза смотрят холодно. Как он может так притворяться? Но она знает: «Моя маленькая девочка, я люблю тебя».

– Спокойной ночи, Арсений Николаевич. Спокойной ночи, Володя.

Люка поднимается по лестнице, но вместо того, чтобы

пройти к себе, быстро входит в Верину комнату. Темно, зажигать света нельзя – могут снизу увидеть. И не так уже темно, в окно светит луна. Люка подходит к шкафу. Дверцы шкафа скрипят, в темной глубине его печально и беспомощно висят платья, как семь повешенных жен Синеи Бороды. Люка дергает за кушак белое платье, и оно с жалобным шелковым вздохом падает на пол. Люка поднимает его. Теперь чулки. Но ящик комода не поддается. Заперто. От каких воров, подумаешь, и как же без длинных чулок? Ничего, ведь платье длинное. Она берет с туалета пудру, духи, коробочку с тушью для ресниц, красный карандаш. Все. Теперь к себе.

Ключ щелкает в замке. Люка зажигает свет, снимает платье, душит грудь, плечи и колени. Так делает Вера, так надо. Потом перед зеркалом подводит глаза, мажет губы. Неужели это она, Люка? Эта женщина с большими светлыми глазами, с голыми плечами, в широком длинном платье? И лицо совсем новое, возбужденное и счастливое.

– Какая красивая. Прелесть, – громко говорит Люка. Понятно, что в нее влюблен Арсений. Как в такую не влюбиться?

Она медленно проходит по комнате. Пусть на нее посмотрят стулья, кровать, книги и цветы на обоях. Они никогда еще не видели такой красивой, такой счастливой. Разве есть на свете кто-нибудь красивее и счастливее ее? Она снова смотрится в зеркало. Все хорошо. Теперь остается только ждать...

Она тушит свет, садится в кресло перед открытым окном. В саду тихо раскачиваются черные деревья. Звезды в разорванных облаках блестят, как маленькие серебряные рыбки в рыбачьих сетях.

Из-за беседки медленно поднимается большая, круглая, зеленая луна.

Снизу с террасы доносятся голоса:

– Сыграем еще партию, Арсений Николаевич.

– Не довольно ли? Уже поздно.

Стук шахмат, падающих в ящик.

– Вера, спой что-нибудь.

– Я устала, Володя.

– Вера Алексеевна, спойте, прошу вас...

Слышно, как Вера садится за рояль.

Люка недовольно двигается в кресле: «Ну, завели шарманку, теперь надолго. А я жди тут...»

Вера поет. Ее легкий голос летит по саду. Такой нежный, такой трогательный. Люка слушает, прижав руки к груди, и вдруг все забывает: свое ожидание, и свое волнение, и то, что ей предстоит этой ночью. Как хорошо поет Вера. Как хорошо...

Верин голос летит все выше и выше над черными деревьями, под зеленой луной. Нет, это не Верин голос, это она, Люка, летит. Как легко, как блаженно, как страшно. Все выше и выше, мимо облаков, мимо звезд в сверкающем воздухе, и уже нельзя дышать, и глаза уже ничего не видят, кроме

огромной, зеленой, прозрачной луны.

Пение обрывается.

– Я устала, – жалобно говорит Вера.

Крышка рояля хлопает.

Люка вздыхает, опускает руки. Что это было?.. Она плакала. Она быстро вытирает щеки. Нет, краска с ресниц не потекла.

Внизу двигают стулья. Прощаются. Сейчас, сейчас.

От волнения Люка зажимает уши руками. Кровь шумно стучит в висках. Сейчас, сейчас. Все лягут, и тогда...

Вера тяжело поднимается по лестнице:

– Тише, Володя. Разбудишь Люку.

Верина комната рядом, и через стенку слышно:

– Ты завтра едешь в Париж?

– Да, придется. Я вечером вернусь.

– Посиди со мной, Володя, пока я не засну. Мне грустно.

– Но, Верочка, почему тебе грустно?.. Не надо...

– Ах, я не знаю. Я боюсь. Мне так грустно, так страшно.

Знаешь... – Дальше шепот.

Люка нетерпеливо болтает ногами.

Скоро ли угомонятся? Наконец все тихо. Дом спит.

Люка осторожно отпирает дверь, останавливается, ждет...

Но все по-прежнему тихо. Она на носках сбегает с лестницы, держась за перила. Темно, если упасть – грохот, весь дом разбудишь. Но по лестнице еще просто, а в темной комнате как найти окно? Люка, будто слепая, шарит вытянутыми ру-

ками, только не наткнуться бы на стул. Окно должно быть тут направо. Куда же оно делось? Так вся ночь пройдет. Но рука дотрагивается до холодного стекла. Вот оно, вот оно.

Люка толкает ставни и, подобрав длинное платье, прыгает в сад. Окно высоко, она падает на землю. Ничего, ничего... Люка бежит. Кусты цепляются за длинное платье. Черные тени дрожат на дорожке, черные ветки шумят над головой. Страшно. А что дальше будет? Может быть, вернуться?.. Нет... Ни за что.

Люка бежит по пустой улице. Вот его дача. Неужели калитка заперта и придется через забор? Но калитка открыта. Вот сейчас, сейчас. Надо успокоиться. Что она скажет?.. Как бьется сердце... Он еще не спит, в окне свет. Люка стучит в ставню, и окно распахивается.

– Кто тут? – спрашивает Арсений, всматриваясь в темноту.

Он без пиджака, и воротник расстегнут.

– Это я... – тихо говорит Люка.

– Ты?.. – Его голос вздрагивает от радости. – Я не ждал тебя. Я сейчас открою...

Люка бежит к балкону. Конечно, он не ждал. Но он рад...

Гремит замок. Со стуком соскакивает крюк. Дверь открывается.

Он стоит в освещенном четырехугольнике. Он протягивает ей руки:

– Как же ты смогла выбраться? – И вдруг испуганно от-

стучит назад.

– Люка? Вы? Что случилось? Вера?..

Люка трясет головой:

– Ничего не случилось.

И сразу все становится непонятным и смутным, как во сне. Что такое говорит Арсений?

– Зачем вы здесь, Люка?

– Я пришла к вам.

Ведь он только что так обрадовался...

– Но зачем?

– Я пришла к вам... – Голова начинает кружиться, лучше опереться о стенку, чтобы не упасть. – Я уже была у вас днем.

– Были у меня?

– Да, и... я прочла письмо, то, в ящике, – говорит она тихо.

– Вы прочли? Значит, вы знаете.

Она кивает:

– Да, знаю...

Так тяжело, так смутно. И о чем он спрашивает, разве не ясно? А может быть, всего этого нет, все это только снится. Этот полутемный балкон, и открытая дверь, и лампа на столе.

– Люка, – Арсений берет ее за руку, – ведь вы славная девочка, вы хорошая девочка, не правда ли? И вы никому не скажете, дайте честное слово, что не скажете?

Зачем он это? И кому она может сказать?

– Ну дайте же слово.

– Честное слово, – говорит она тихо.

Все непонятно. Совсем, совсем не этого она ждала.

– Помните, Люка, если вы проговоритесь, будет страшное несчастье. Я вам верю. Никому, слышите. Ни даже самой Вере.

– Ну конечно. Раз никому, так и не Вере.

Он выпускает ее руку:

– Так помните, никому, – и улыбается, успокоенный. – А читать чужие письма стыдно, Люка. В особенности такой милой девочке, как вы. Но вы больше не будете, не правда ли? А теперь бегите домой.

Как домой?.. Он посылает ее домой?..

– Я пришла, – говорит она хрипло, собрав последние силы, – оттого, что я тоже люблю вас. Я бы не сказала, если бы не прочла письма.

– Вы меня любите? – Глаза его становятся большими и удивленными. – И при чем тут мое письмо?

– Ах, зачем вы притворяетесь? – Люка топает ногой. – Зачем? Ведь я знаю. Я прочла письмо, вы меня любите.

Он внимательно и удивленно смотрит на нее.

– Вот оно что, – говорит он задумчиво. И только теперь замечает ее длинное платье, ее намазанные губы и подведенные глаза. – Вот оно что. – И снова берет ее за руку. – Так вот оно что. Вы любите меня, маленькая Люка. И вы из письма поняли, что я тоже люблю вас?

– Ну да, да. – Люка чуть не плачет.

– И вы пришли ко мне?

– Ну да...

– И чтобы понравиться мне, так нарядились?..

Люка молча кивает. Ее пальцы дрожат в его руке.

– Вы дрожите? Вам холодно?

Она качает головой:

– Нет.

Луна освещает балкон, лунный свет падает прямо на Люку, на ее белое шелковое платье, на ее светлые волосы, на ее встревоженное лицо.

– А вы прехорошенькая, Люка. Как я раньше не замечал? Но все-таки зачем вы пришли?

– Чтобы вы знали, что я люблю вас, – грустно говорит Люка.

– Ночью?..

– Я думала, когда любят, всегда хотят быть вместе ночью...

Он смеется:

– О, да вы, я вижу, опытная, – и ведет ее в комнату. – Не бойтесь. Я ничего вам не сделаю.

– Я не боюсь...

Он подводит ее к дивану:

– Садитесь, Люка.

Она покорно садится. Дверь в сад открыта, там темно и цветы. Диван широкий, много подушек. Арсений с любопытством рассматривает ее:

– Какая смешная, какая хорошенькая. И губы намазаны.

Так вы любите меня?

– Люблю, – грустно и устало отвечает Люка.

– Давно?

– Всегда.

– А вы никому не скажете, Люка?

– Я ведь дала уже честное слово.

– Нет, поклянитесь, Люка, что не скажете. Если кто-нибудь узнает, главное Вера. Клянетесь?

– Зачем же Вере рассказывать? Ей неинтересно...

– Клянетесь, что не скажете ей?

– Клянусь. Никому...

– А теперь...

Он наклоняется к ней. Черные блестящие волосы, черные блестящие глаза, и губы его так близко. Эту минуту она ждала всю жизнь.

– Так вы любите меня, Люка?..

– Люблю, – вздыхает она.

Он обнимает ее голые плечи, притягивает к себе:

– Любите? – и целует ее в губы.

Люка порывисто вздыхает. Она, как испуганная птица, сидит на самом краю дивана. Из-под бального платья смешно выглядывают ноги в коротких детских чулках. Он целует ее голые, надушенные колени. Губы у него холодные. Шелковое платье шуршит. Она тихо вскрикивает, закрывает глаза и беспомощно опрокидывается на спину, в мягкие подушки...

Тихо, слышно только, как стучит сердце, как шуршит шелк под ее пальцами. Тихо, мучительно, блаженно...

Но ведь это уже было... И эти ледяные губы, и нежные руки, и мучительный, блаженный страх. Только где? Когда? Люка открывает влажные глаза. Слезы текут по щекам. От чего она плачет? Ведь ей так хорошо... Это уже было. И эта слабость... И этот лунный свет... Но где? Когда?..

– Азраил, – вдруг вспоминает она, – Азраил...

Черные глаза наклоняются над ней.

– Что? Что ты говоришь, Люка?

– Азраил, – повторяет она. – Нет. Не Азраил. Ты – Арсений.

4

Вера проснулась от стука в ухе. Это сердце. Надо лечь на правый бок, чтобы не мешало. Она осторожно поворачивается. Нет, все равно стучит. И на правом боку лежать еще неудобнее, еще тяжелее. Так устала, а не заснуть больше...

– Вам страшно? – спрашивает скрипучий голос над самым ухом.

– Еще бы, – отвечает другой. – Здесь стены в пять сантиметров и крысы без зубов...

– Да, скверный дом...

Вера вздрагивает и открывает глаза. Никого нет. Все тихо...

Сквозь неплотно задернутые шторы слабо светит луна. В темноте вещи кажутся громадными и угловатыми.

Вера приподнимается на локте, оглядывается. Куда она попала?.. Где она?.. Она ощупывает свое лицо, волосы, подушку и садится, сбросив одеяло. Зеленоватый свет луны падает прямо на ее свесившиеся с кровати белые ноги. И, как всегда ночью в темноте, она вспоминает о смерти.

«Я умру. Я скоро умру...»

Она вытягивает ноги вперед, шевелит пальцами. Зеленоватый лунный свет падает прямо на них.

«Мои ножки. Мои бедные ножки. Я буду лежать в земле, и черви будут есть мои белые ножки».

Она нежно гладит свои колени.

Ей так грустно. Так жаль себя.

«Я умру. Может быть, я уже умерла?..»

Но сердце громко и гулко стучит. И ладони теплые, и колени тоже теплые и гладкие.

«Нет, я жива. Я еще жива...»

Она ложится, закрывает глаза.

«Я еще жива. Но как грустно, как тяжело, как страшно жить...»

5

Арсений провожает Люку до калитки. Темно, и луна на небе бледная, усталая, изнемогающая. Такая же усталая, из-

немогающая, как Люка.

Арсений в последний раз целует ее:

– Беги. Я завтра с утра приду.

– Ах, – вздыхает Люка, цепляясь за его рукав. – Я не могу, не хочу. Как я теперь буду одна? Без вас, без тебя? Как?..

И все-таки, не оглядываясь, бежит. Окна никто не закрыл. Люка дома. Она быстро поднимается по темной лестнице, входит к себе. Ставни распахнуты. Усталая, изнемогающая луна слабо освещает комнату. Люка осматривается. Вот здесь жила прежняя Люка. Как это было давно. Неужели она только сегодня слушала Верино пение?.. А теперь вернулась совсем другая, новая Люка.

Она тихо кружится по комнате, длинное широкое платье надувается кринолином. Вместе с ней кружатся стулья, цветы на обоях и бледная луна. Люка останавливается, держась за кровать.

– Ах, я устала, устала, устала, – вздыхает она. – Ах, я счастлива, счастлива, счастлива...

И, сбросив платье и туфли, кидается в кровать. И голова тяжелым камнем сейчас же идет на самое дно сна...

6

Вера просыпается одна в своей белой спальне. Совсем девическая комната, Люке больше подходила бы, чем ей. Все такое свежее, наивное. И на ночном столике маргаритки и

плюшевый медведь.

Екатерина Львовна на носках входит к дочери, целует ее:

– Проснулась, Верочка? Хорошо спала? Ты полежи минутку. Я тебе кофе в кровать принесу.

Вера качает головой:

– Нельзя валяться. Ему вредно.

Она зевает, высвобождает из-под одеяла ногу и ставит ее на ковер.

– Правой, – говорит она, улыбаясь, – чтобы целый день быть веселой, а то встанешь с левой ноги...

Екатерина Львовна помогает ей одеваться.

– Мама, мне кажется, что я со вчерашнего дня еще потолка.

– Ты очень хорошо выглядишь, Верочка. Почти не заметно.

Вера, смеясь, отмахивается:

– Брось, мама, ведь я в зеркало вижу.

Она идет в ванную. Вода, журча, бежит из никелированного крана. В широкое окно видны клумбы с левкоями, высокие серебристые ели и в глубине сада белая беседка. Воздух свежий и прозрачный. Вера намыливает губку. Холодная вода струйками течет по спине. Она вздрагивает и улыбается. Как хорошо, как приятно. Все: и нежная, мыльная пена, и вода, и вид в окне.

Вера вздыхает. Как легко. Вот, кажется, взмахнуть руками, и полетишь над садом прямо в небо. Может быть, даже

запоешь, как жаворонок. Как легко...

В стене над умывальником зеркало. Вера смотрится в него: «Куда тебе лететь... Тяжелая, неуклюжая, огромная. Стыдись! Но пусть, пусть. А все-таки...» И снова улыбается...

А все-таки... а все-таки ей хорошо, ей легко, она счастлива. И совсем не так, как все люди на земле. Она ведь уже не живет на земле. А где-то вне жизни, в стороне, может быть, над ней, в облаках. И все так хорошо, легко, ясно. Ни страха, ни злобы, ни грусти. Чем дальше, чем ближе «то», тем легче.

Она долго моется, потом надевает белое платье. Надо быть нарядной. Теперь каждый день праздник, каждый день в счет. Разве можно знать, сколько их осталось?.. Но не страшно. Совсем не страшно, только ночью. Днем она храбрая, днем хорошо. Надо достать кушак. Она открывает шкаф. Из него падает газета. Вера поднимает ее: «Матэн», 12 июня 23-го года. Какая старая. Вера тогда еще девчонкой была. И никого не знала, ни Арсения, ни Владимира. Она разворачивает газету. Как забавно.

– Верочка, ветчины хочешь?..

Екатерина Львовна вносит кофе. За ней бежит Люка с тарелкой клубники.

Вера плачет, положив голову на стол. Екатерина Львовна с трудом удерживает поднос.

– Ради бога, что?..

Вера показывает рукой на газету.

– Мамочка, – всхлипывает она. – Я не могу. Ах, я не могу. Мне так жаль... Я прочла сейчас тут... Одного араба к смерти приговорили, а он отдал честь, и поблагодарил судей, и... и сказал... – Она сильнее всхлипывает. – «Я всегда был несчастен. В детстве я ел траву. Вкусные козьи сыры были не для меня. Я ел траву». Ах, мама, мне так жаль...

Екатерина Львовна ставит поднос на стол, обнимает дочь:

– Перестань, перестань. Тебе вредно волноваться. И ведь это так давно было...

– А за что казнили его? – интересуется Люка.

– Ах, мама, – плачет Вера. – Я не могу. Какая жестокая жизнь, как несчастны люди. Мне жаль, жаль. Всех жаль. И тебя, и Арсения, и Володю, и Люку, и ее, мою будущую дочку. Мне всех жаль. Ах, я не могу...

– Вера, – Люка дергает сестру за руку, – не плачь. И пожалуйста, не будь ты такая добрая, а то как масло на солнце растаешь. Я серьезно. Так нельзя. Будешь плакать, всех любить, жалеть и вся добротой изойдешь...

Вера обнимает Люку:

– Что же мне делать, Люкочка? Милая моя Люкочка. Ну поцелуй меня.

Люка слегка касается Вериной щеки, ей неприятно, что Вера прижимается к ней, она сквозь платье чувствует ее большой живот. Ей противно.

– Я назову ее Людмилой, – уже успокоившись, мечтательно говорит Вера. – В честь тебя. Чтобы она была такая же

веселая и хорошенькая, как моя Люка.

Люка осторожно высвобождается.

– Ну, иди играть в сад. Тебе теперь нравится? А помнишь, когда приехали, капризничала. Ведь хорошо здесь, Люка?

– Ужасно хорошо. Я думаю, лучше не бывает...

Вера еще раз целует ее, и Люка убегает. Вера, конечно, бедная, но уж очень с ней скучно.

У себя Люка садится за стол. Надо с кем-нибудь поделиться. Лучше всего написать Жанне письмо.

«Дорогая моя Жанна, – крупным неровным почерком выводит она, – вот я тебе говорила, а ты не верила. Надо только немного подождать, и будешь счастлива. Я уже дождалась и счастлива. Теперь очередь за тобой. И это тоже скоро будет. Я знаю. Я очень счастлива. Вчера ночью...»

Люка задумывается, как описать то, что было вчера ночью, и можно ли описывать... и ведь, в сущности, ничего не было... Это не то, о чем говорила Вера, это другое... Она задумчиво смотрит в окно. По улице идет Арсений, он открывает калитку, входит в сад. Она вскакивает со стула, бежит вниз навстречу ему. Письмо так и остается недописанным.

Вера в кресле у окна шьет маленькую кофточку. В комнате прохладно и тихо, а в саду теперь уже жарко. От жары Вере нехорошо. Она вдевает белую нитку в иголку и шьет маленькими стежками. Надо, чтобы швы совсем не чувствовались, не жали.

В саду между деревьями мелькает Люкино желтое платье и рядом Арсений, Вера улыбается. Ей приятно, что он здесь, в саду, совсем близко, приятно сидеть так одной и шить маленькую кофточку. Совсем не надо, чтобы он непременно всегда был рядом, приятно помолчать и подумать о нем. Пусть он поболтает с Люкой. С нею не соскучится.

Вера, улыбаясь, шьет.

Белая бабочка залетела в окно. Воробьи скачут по дорожке. Теплый ветер шуршит в жасминовом кусте, пробегает по волосам и вниз по голой шее. Теперь уже скоро. А потом... Они будут так же жить на даче. И в таком же саду, может быть в этом самом саду, она, ее дочка, будет играть. Вера сонно закрывает глаза. Вот она, ее маленькая Людмила, сидит на горке песку и блестящей лопаткой сыплет песок в красное ведрышко. У нее светлые волосы, как у Люки, но глаза черные. В саду шумит ветер. Нет, это не ветер, это маленькие ножки ее дочки бегут по дорожке.

– Мама-Киса, – зовет тонкий голосок.

Вера открывает глаза. И вдруг в ту же минуту чувствует, как что-то шевельнулось в ней. Это ее дочка подала ей знак, постучалась к ней: «Я здесь. Я здесь».

Вера кладет руку на живот и взволнованно прислушивается к легкому стуку – это она, ее Людмилочка, ее дочка...

Вера встает и, тяжело ступая, осторожно спускается в сад. Надо рассказать Арсению. Но где же они?

Сад пуст. Только деревья, голубое небо и солнце. От жары

Вере томно, хочется сесть на скамейку, отдохнуть. Но надо найти Арсения, надо ему рассказать.

– Люка! – зовет она. – Арсений Николаевич!

Ответа нет... Вера стоит под деревом. Так хочется его сейчас увидеть. Она поворачивает к дому, идет мимо беседки. Может быть, спрятались туда от солнца? Держась за перила, она взбирается на лесенку. Всего пять ступенек, но она устала. Она, улыбаясь, толкает дверь. Темно. После солнечного света сразу ничего нельзя разобрать. Но они тут, она слышит шорох. И пристально всматривается...

И вдруг видит: Люка лежит на коротком диване, голые ноги свешиваются на пол. Арсений на коленях, и голова его у Люкиных голых ног. Что?.. Что это?.. Вера не понимает. Не может, не хочет понять.

– Арсений! – вскрикивает она.

Арсений быстро поворачивается к ней, глаза у него шальные и подлые. И уже нельзя сомневаться.

Вера поднимает руку, словно отталкивая от себя этот взгляд, делает шаг назад, туда, к лестнице, и всей тяжестью опирается о перила. Тонкие перила трещат. И последнее, что она видит, – нестерпимо синее, стеклянное небо над головой. И вдруг стеклянное небо трескается. Большие куски синего стекла со звоном и грохотом летят вниз, прямо на землю, прямо на Веру...

Веру перенесли в дом. Она лежит на диване в той самой комнате, где только что шила, и на столе у окна все еще белеет маленькая кофточка, а в спинке кресла вколота иголка с длинной извивающейся ниткой.

Люка стоит на пороге и смотрит на сестру. Верины открытые глаза бессмысленно устремлены прямо вверх, в потолок, лицо бледно и неподвижно, запекшиеся губы полуоткрыты. «А-а-а», – ни на минуту не прерывается крик. Неужели это кричит Вера? Разве нельзя ее унять?

Екатерина Львовна и горничная суетятся. Арсений побежал за доктором.

Вера все кричит.

– Сейчас, сейчас, Верочка, подожди. Сейчас, ради бога. – Екатерина Львовна расстегивает Верино платье, мочит ей лоб холодной водой. – Сейчас, Верочка. Как это случилось, Люка? Отчего?..

– Я не знаю, – растерянно говорит Люка. – Она, кажется, хотела зайти в беседку и оступилась... Я не знаю.

– Верочка, господи, Верочка, не кричи так...

Наконец доктор. Дверь в гостиную закрывается. Туда нельзя. Люка садится на диван и ждет. Арсений с перекошенным бледным лицом шагает из угла в угол. Люка прижимает руки к груди:

– Арсений, что это было?

Но он только молча отмахивается от нее. А крик все продолжается. Пробегает прислуга с полотенцами.

– Арсений, – спрашивает Люка, – Арсений, я не понимаю. Вера...

Арсений останавливается перед ней, смотрит на нее с ненавистью.

– Отстаньте, – говорит он сквозь зубы, – это из-за вас, из-за вас...

Опять пробегает горничная, неся подушки и простыни. И вдруг становится тихо. Люка вытягивает шею. Слышны только слабые стоны.

Люка осторожно открывает дверь. На полу миска с водой, полотенца, на докторе белый халат, и на белых подушках Верино бледное лицо. Лихорадочные горящие глаза останавливаются на Люке.

– Будь ты проклята! – Верин голос звучит хрипло. – Будь проклята! Будьте вы прокляты!

– Верочка, – ужасается Екатерина Львовна.

– Прокляты, прокляты! – злобно и настойчиво повторяет Вера.

– Верочка...

– Прогони ее, мама! – вдруг вскрикивает Вера. – Не пускай! И к гробу не пускай! Она мне мертвой глаза выткнет! Будь она проклята!

– Уходи, уходи. – Екатерина Львовна испуганно выталки-

вает Люку и захлопывает дверь.

– Мама, – кричит Вера, – это они убили меня! Она и он! Будь они прокляты! Прогони, прогони его!

– Сейчас, сейчас, Верочка. Не волнуйся. Доктор, скажите, что ей вредно волноваться.

Дверь снова отворяется.

– Я прошу вас. – Губы Екатерины Львовны дрожат и дергаются. – Уходите сейчас. И никогда... никогда... – Она ловит воздух ртом, как рыба на песке, и не может кончить.

– Слушаюсь. – Арсений низко кланяется ей и выходит на террасу.

– Мама...

Но Екатерина Львовна даже не поворачивает головы, как будто Люки вовсе нет.

– Будьте вы прокляты, прокляты! – несется надрывающий хриплый шепот. – Прокляты, прокляты!..

Автомобиль останавливается перед калиткой. Из Парижа приехал доктор. Снова открывают и закрывают дверь, снова горничная пробегает мимо Люки с бельем и горячей водой.

Стоны совсем стихли, и Вериного голоса больше не слышно. Из-под двери тянет неприятный сладковатый запах. От него во рту медный вкус, язык как-то странно распухает, и нёбо, ставшее тоже медным, уходит далеко вверх. «Хлороформ», – догадывается Люка и с отвращением закрывает рот и нос платком.

И снова автомобиль. Это Володя. Он бежит, спотыкаясь,

по саду.

Екатерина Львовна выходит к нему навстречу.

– Вера... – Он задыхается. – Вера... жива?

И дверь за ними закрывается.

Люка сидит на диване. Ноги затекли, и голова болит от хлороформа. Но она боится встать, боится двинуться. Она смотрит не отрываясь на белую дверь. Это необходимо. Она должна. И нельзя ни на минуту закрыть глаза. Который теперь час? Наверное, уже поздно. Хочется есть, но разве можно думать о еде?

Там, у Веры, зажгли свет, из-под двери желтеет узкая полоска. Люка сидит в темноте на диване. Направо чуть светлеет окно. И за ним, прижавшись к стеклу, чье-то лицо. Люка вздрагивает. Ей страшно. И успокаивает себя: это только кажется. Нет. Черные блестящие глаза смотрят прямо в комнату, прямо на нее, и губы шевелятся, словно зовут: «Люка». Это Арсений. Но Люка делает вид, что не замечает его. Он поднимает руку, тихо стучит в стекло. Какое у него бледное страшное лицо. Люка отворачивается, чтобы не видеть.

Входит Владимир:

– Люка, Люка, вы здесь...

Люка встает, затекшие ноги плохо слушаются, и спина ноет.

– Володя, я здесь. Дайте мне руку.

– Люка, – шепчет он в темноте, сжимая ее пальцы. – Люка, надо молиться. Будем молиться. Вы еще ребенок, у вас

чистая душа. Бог вас услышит. Будем молиться, Люка, и она не умрет.

Люка становится рядом с ним на колени.

– Читайте молитвы, Люка. Все, что знаете. Я не умею.

– Отче наш... – читает Люка и, кончив, останавливается.

– Еще, еще. Не так. От всего сердца, Люка. Вы еще ребенок. Бог вас услышит, молитесь.

– Богородица Дева, радуйся. – Люкин голос дрожит. Темно. Владимир плачет, прижимая голову к полу, а если повернуться, за стеклом страшные, блестящие глаза. – Благодатная Мария, Господь с Тобой.

– Господь с Тобой, – тихо повторяет Владимир.

– Я больше не знаю молитв...

– Читайте еще раз. Еще раз. Вас услышит Бог. Только от всего сердца, Люка. От всего сердца, и она не умрет.

– Володя, – зовет Екатерина Львовна, – Вера пришла в себя.

Владимир быстро встает. Люка опять одна в темноте, и только бледное страшное лицо за окном. И вдруг Верин голос, слабый и звенящий:

– Дайте мне ее. Дайте. Ведь это девочка? Да? Я знала, что девочка. Дайте мне ее.

– Сейчас, Верочка. Ее только запеленают, сейчас.

– А глаза у нее светлые? Светлые, как у тебя, Володя? Моя дочка. Где же она? Ах, дайте ее мне, – жалобно просит Вера.

– Сейчас, сейчас. Подожди, Верочка. Ее сейчас принесут.

– Володя, мы уедем втроем к морю. Хорошо? – быстро говорит Вера. – Ты, я и она. Мы с тобой будем плавать. Ты знаешь, я чудно плаваю. А она будет лежат на солнце, на песке. Мама, отчего ты плачешь? Ведь ты теперь бабушка. Как смешно – ты бабушка. Ах, дайте же мне ее. Пусть ее здесь пеленают. Это моя дочка. Мама, мама, какая ты злая. Принеси ее, принеси.

– Сейчас, Верочка, сейчас.

– Куда вы спрятали ее? Ах, дайте ее мне, дайте, – всхлипывает Вера, и опять ее голос, но слов уже нельзя разобрать. Только шепот, быстрый и хриплый.

Люка прислоняется к спинке дивана, закрывает глаза. Тихо. Совсем тихо. Даже шепота не слышно. Люка спит...

...Люстра над головой ярко горит. Люка испуганно трет глаза кулаками. Высокий седой старик снимает белый балахон.

– *Votre sœur est morte*⁵, – говорит он.

Люка смотрит на него. Это сон... Это сон. Надо проснуться.

Входит Владимир. Из-под очков струйками бегут слезы, и он не вытирает их.

– Люка... идите проститься.

Люка встает. Значит, правда. Это не сон. В дверях стоит Екатерина Львовна:

– Люке нельзя туда. Потом. Завтра.

---

⁵ Ваша сестра умерла (фр.).

Люка боится взглянуть на мать. Ведь Вера сказала: «Не пускай ее прощаться ко мне. Она мне мертвой глаза выткнет».

– Да, нельзя, надо раньше убрать, – соглашается Владимир и вдруг садится на диван, и плечи его дергаются.

Люка идет к себе наверх, входит в свою комнату. Уже совсем светло. Окно открыто: холодно. Надо закрыть. Она подходит к окну, высовывается в него. Арсений все еще стоит внизу.

– Слушайте, вы, – кричит ему Люка. Он поднимает голову. – Вера умерла.

– Умерла? – растерянно повторяет он. Но она уже закрывает окно. – А ребенок? Ребенок?..

Люка не отвечает. Ребенок?.. Никакого ребенка нет.

Теперь лечь. Она задевает рукой и смахивает со стола лист. Он, тихо кружась, слетает на пол. И почему-то она наклоняется за ним. Это ее письмо к Жанне. Большие черные буквы бросаются ей в глаза: «Я очень счастлива».

8

В зеркалах как-то немного скошенно отражаются свечи, цветы, гроб и синий дым, плывущий под потолком. Над цветами видны только высоко сложенные тонкие, мертвые руки.

Панихида... Екатерина Львовна в черном платье стоит у самого гроба. Свеча дрожит в ее руках, воск каплями падает

на пол. Она плачет, лицо отекает и желтое. Люка смотрит на нее. Неужели эта старуха – ее мама? И рядом Володя. Он тоже в черном, и он тоже плачет. А Люка стоит далеко. Позади всех. В своем желтом платье. Никто не позаботился о ее трауре. Никто даже не вспомнил о ней за эти два дня. Екатерина Львовна не замечает ее, Владимир ничего не видит.

Сейчас пойдут прощаться. Потом закроют крышку, увезут гроб на кладбище в Париж. Сейчас пойдут прощаться... Люка еще ни разу не подходила к Вере, Люка боится.

«И к гробу не пускай, она мне мертвой глаза выткнет».

Люка не молится. Не смеет молиться. И плакать не смеет. Вот сейчас, сейчас.

Екатерина Львовна первая подходит к гробу. Владимир поддерживает ее.

– Верочка, – вскрикивает она. – Вера.

Потом кладет голову на плечо Владимира и затихает.

Теперь Люкина очередь, но Люка прячется за чужие спины.

– Идите, – говорит ей какая-то дама. – Так надо. Раньше семья.

Люка медленно подходит. Сердце не бьется, и дышать нельзя. Свечи... Лиловые хризантемы... И между ними мертвое, злое лицо Веры. Бледные губы словно шепчут еще: «Будь ты проклята...»

Люка останавливается. Нет, она не посмеет. И вдруг сзади шепот:

– Кто его пустил?.. Какая наглость.

Люка поворачивает голову.

Пламя свечей слабо колышется в синем воздухе. В открытых дверях стоит Арсений. Черные блестящие глаза его смотрят прямо на Веру. В руках розы. И за плечами огромные черные крылья.

1927

Изольда

Часть первая

1

«Вот по такому морю плыла Изольда. – Кромуюэль закрыл книгу и посмотрел вдаль. – Вот по такому морю плыла Изольда навстречу Тристану».

Небо розовело от близкого заката. Волна набегала на волну. Ветер трепал мохнатые простыни на берегу. Круглые раковины тускло блестели на сером песке. И совсем далеко, на голубом шелковом горизонте, белел парус.

«Вот по такому морю».

Чайка с криком пролетела над головой Кромуюэля, почти задев его узким крылом. Он вздрогнул.

«До чего дошло, – подумал он сердито, краснея от стыда. – Вздрагиваю, как девчонка. Скоро буду мышей бояться».

Он отбросил книгу и повернулся на спину.

Всему виной Франция. Да, всему виной Франция. Разве он был таким дома?

Он вспомнил зеленые луга Шотландии, замок с большими, квадратными, торжественными комнатами, Итон, где он

учился зимой. Там он не вздрагивал. А тут, в Биаррице, какая-то сумасшедшая, веселая и неприличная жизнь. Он так и подумал: неприличная. И вечный шум океана. И раздражающий воздух. И глупые книги. И вечное ожидание, вечное предчувствие любви. Он снова посмотрел вдаль.

Огромное солнце медленно опускалось в розоватые волны. И небо, будто освобождаясь от его тяжести, становилось все легче, все прозрачнее, все бледнее. И кругом все как будто выцвело, стало воздушнее, легче. Высокие башенки купальни расплывались в туманном воздухе, голые скалы поросли тенью, как синим нежным мхом, серый песок мягко блестел. И даже купающиеся в этом закатном свете в своих блестящих, мокрых трико казались особенными, серебряными людьми, неизвестно откуда пришедшими, неизвестно куда уплывающими.

Песок слабо зашуршал за спиной Кромуюэля. Он обернулся. Прямо к нему шла Изольда. Ее широкий белый плащ развеялся по ветру. Светлые волосы падали ей на плечи. Большие, светлые, прозрачные глаза внимательно смотрели на море, будто ожидая чего-то. Она шла легко и быстро, высоко держа маленькую голову, не шла, а плыла в туманном воздухе.

– Изольда, – прошептал он растерянно, – Изольда.

Она, казалось, услышала и, проходя мимо него, повернула голову и взглянула на него. Кромуюэль почувствовал теплый свет на своем лице, словно утреннее солнце ударило ему в

глаза, и, вздохнув, закрыл веки. Теплый свет скользнул по его лицу, по плечам и пропал. Он открыл глаза. Изольды уже не было. Кругом все было пусто. Он лежал один на влажном, твердом песке. Ему было холодно. Где же Изольда? Куда она исчезла? Он встал и оглянулся.

В волнах мелькали головы купающихся, но Изольды не было между ними, он узнал бы ее по светлым волосам. Он быстро зашагал по берегу, всматриваясь во встречных, но ее нигде не было. Может быть, ее и вовсе не было, ему только показалось. Да, конечно, ее не было. Откуда такая могла взяться? Не бывает таких. Он слишком долго мечтал об Изольде, слишком долго лежал на солнце. Ему показалось.

Нет, она была, живая. Он еще чувствует ее горячий взгляд, и песок шуршал под ее ногами. Нет, ему не показалось. Неужели он увидел ее, чтобы сейчас же потерять?..

Он шел по берегу широкого пустынного пляжа. Сердце тяжело и глухо стучало.

«Вздор, – успокаивал он себя. – Не могла же она пропасть. Если не найду ее сегодня, так увижу завтра. Чего я волнуюсь? И какое мне до нее дело?»

Он пожал плечами.

«Какая-то девчонка. – Он засунул руки глубоко в карманы и, насвистывая, повернул обратно. – Вздор».

Но в эту минуту кто-то отчаянно крикнул, крик пронесся по берегу, и в ответ на него послышались испуганные голоса: – Утонула? Кто, кто утонул?

– Девочка утонула.

Люди бежали со всех сторон к тому месту, где только что лежал Кромгуэль. И он тоже побежал, еще не понимая ясно, но уже чувствуя тяжесть непоправимого несчастья.

Утонула. Утонула девочка. Она, Изольда, утонула. Он бежал, спотыкаясь, обгоняя бежавших рядом.

– Изольда, Изольда утонула, – повторял он бессмысленно.

Он, задыхаясь, подбежал к толпе, стоявшей кругом, протиснулся, сильно толкнул кого-то и с ужасом наклонился над лежавшей на мокром песке девочкой. Но это была не Изольда. Черные, короткие, мокрые волосы падали ей на лоб, маленький нос странно побелел, лицо было спокойно, как-то особенно спокойно, и даже открытый посиневший рот не нарушал выражения покоя и какой-то особенной ясности и чистоты. Ее черное трико еще не успело просохнуть, и вода стекала с него на песок. Худые детские ноги были стыдливо сжаты, руки широко раскинулись.

Не Изольда. Кромгуэль поднял голову, взглянул на небо, вздохнул и вдруг, чувствуя какое-то радостное освобождение, громко засмеялся. И сейчас же растерянно оглянулся, но никто не слышал его смеха.

– Доктор, доктор, вот доктор!

Господин в сером костюме встал на колени около девочки и прижал ухо к ее мокрой груди. Все смотрели на него. Может быть, еще спасут? Но господин в сером костюме покачал головой и встал, счищая песок с колен:

– Ничего не поможет. Разрыв сердца.

– Умерла? – Из-за чьего-то плеча совсем близко вынырнула голова в зеленой резиновой шапке, натянутой на уши.

Большие светлые глаза сузились от любопытства и ужаса.

– Умерла?

Изольда. Это она. Он нашел ее. Он пододвинулся к ней и взял ее за локоть. Она посмотрела на него все с тем же любопытством и ужасом.

– Умерла? – снова спросила она.

Рука ее дрожала. Она стояла рядом с ним, совсем близко, в ярко-зеленом, еще влажном трико, от волнения поджимая то одну, то другую ногу.

По пляжу со стороны скал бежала женщина. Она бежала быстро и неровно, ее белое платье поднялось на коленях, из-под него были видны розовые подвязки с металлическими пряжками. Туфли на высоких каблуках увязали в песке. Она бежала, выбиваясь из сил, прижимая к груди клубок шерсти с длинными блестящими спицами, словно в этой шерсти и спицах было все ее спасение.

Толпа расступилась перед ней.

Кромуэль взял Изольду за локоть:

– Пойдемте. Вам не надо этого видеть.

Она покорно дала себя увести.

Около купальни он сел на песок. Она села рядом с ним:

– Ее должны были спасти! Как же ее не спасли? – Губы ее дрожали. – Это ужасно.

– Да, это ужасно. А вы осторожно купаетесь? Обещайте мне быть осторожной.

Она не удивилась, что этот незнакомый мальчик просит ее что-то обещать ему.

– Обещаю вам, но ее должны были спасти, – сказала она быстро. – Ей было только двенадцать лет. Она отлично плавала. Отец ее вчера вечером приехал из Парижа.

Она обхватила колени руками. Ногти ее маленьких загорелых ног были ярко налакированы.

«Зачем это?» – подумал он смутно.

Она все еще смотрела в ту сторону, где лежала мертвая девочка. Он видел только ее голову, обтянутую зеленой шапочкой, и кусок загорелой щеки.

– Это ужасно, – снова заговорила она, но голос ее звучал уже спокойно. – Вы англичанин? – Она обернулась к нему. – А я русская. Как вас зовут?

– Кромгуэль.

– Кромгуэль? Это в честь того? – спросила она, вспоминая что-то, и показала рукой назад, будто там, за ее плечами, стояли прошедшие века.

– Да, в честь того.

– Ваши родители, должно быть, хорошо знали историю?

– Должно быть. – Он улыбнулся. – А вас как зовут?

– Меня – Лиза.

Он покачал головой:

– Нет, вас зовут Изольда.

– Изольда? Кто это такая?

Он протянул ей книгу:

– Вот тут про вас написано. Возьмите прочитайте.

– Про меня? – Она открыла книгу и прочла заглавие:

«Тристан и Изольда».

– Нет, – сказала она тихо. – Это не про меня. Изольда была королева. Но я все-таки прочту. Спасибо.

Они сидели рядом на песке. Солнце уже совсем зашло.

– Дайте мне папиросу, пожалуйста, – попросила она.

– Вы разве курите?

– Конечно.

Она опрокинулась на спину и скрестила тонкие ноги. Дым от ее папиросы поднимался прямо в небо. Теперь она не была похожа на Изольду. Она скорее походила в своем ярко-зеленом трико на кузнечика.

– Нет, я совсем не королева, – повторила она. – И я очень современная. Что вы так смотрите на меня?

– Пойдите оденьтесь. Уже холодно. Вы простудитесь.

Она сейчас же встала.

– Хорошо, – послушно сказала она.

Но ему стало страшно, что он снова потеряет ее.

– Я подожду вас. Что вы делаете вечером? Вас ждут?

– Нет. Но я пойду домой обедать. Я очень голодна.

– Но раз вас не ждут, вы можете поехать обедать со мной.

Поедьте. Мой автомобиль тут.

– Автомобиль? Собственный?

– Да. Мне весной подарили за экзамены.

– Какой марки?

– «Бьюик».

– «Бьюик», – повторила она и рассмеялась от удовольствия. – Собственный «бьюик». Я сейчас.

Она побежала по лестнице купальни, перепрыгивая через ступеньку.

Он остался ждать ее. Мимо медленно пронесли на носилках мертвую девочку.

Кромуэль рассеянно смотрел на носилки, на плачущую женщину. Ведь это его не касается. Это чужое горе, а он нашел Изольду.

Он отвернулся. Конечно жалко. Ужасно жалко. Но сейчас у него нет жалости. Сейчас он задавлен, оглушен, ослеплен счастьем.

Дверь купальни хлопнула. Из кабинки вышла Лиза. Кромуэль пристально смотрел на ее ноги в шелковых чулках, на ее накрашенные губы и распущенные волосы.

– Нет, вы не Изольда. И напрасно у вас распущенные волосы, раз вы мажетесь.

Она покраснела:

– Я вам не нравлюсь? Дайте мне ваш платок. – Она быстро вытерла рот. На платке осталось красное пятно. – Ведь вы англичанин, пуританин, квакер. – Она рассмеялась. – Но пусть. Я хочу вам нравиться. Так лучше?

Белое разорванное облако медленно летело по пустому темному небу. Лиза подняла голову.

– Смотрите, оно совсем будто ангел. – Она помолчала немного. – «По небу полуночи ангел летел», – прочла она нараспев. – Вы не понимаете?

Он внимательно смотрел на дорогу, стараясь обогнать автомобили.

– Нет, не понимаю. Это по-русски? Да?

– Вам не интересно, что это значит? Это русские стихи, но автор их по происхождению был шотландец, как вы.

– Отчего же не интересно? Но я стихов, даже английских, не люблю.

Лиза сидела рядом с ним. Ветер трепал ее длинные волосы.

– Как пахнут ваши волосы. Они закрывают мне глаза. Я не вижу дороги. Мы ломаем себе шею из-за ваших волос. Не убирайте их, прошу вас. Как они пахнут.

Лиза тихо смеялась:

– Они пахнут морской водой. Мне весело. Я не боюсь.

Они опять замолчали, ее колено касалось его колена. Она прислонилась плечом к его плечу.

– Вот и Биарриц. Неужели мы сейчас расстанемся? Хотите, поедem в Шато-Баск?

– Нет, – испугалась она. – Туда нельзя.

– Почему?

– Нельзя. Там поет... – Она остановилась. – Там поет моя родственница, – прибавила она смущенно.

Но он был англичанин и не стал расспрашивать.

– Так куда же мы поедем?

– Не знаю. Не в рестораны. Послушайте, хотите на маяк? Влюбленные всегда ездят на маяк. А ведь вы влюблены в меня?

Он серьезно посмотрел на нее:

– Да, я влюблен в вас, Изольда.

– Правда?

Теперь автомобиль медленно ехал по окраинной темной улице. Было тихо и пусто, и фонари не горели, и дома с закрытыми ставнями казались спящими.

– Вы правда влюблены в меня? Как хорошо, как я рада.

Лицо ее стало задумчивым, почти грустным.

– Но знаете, если вы влюблены в меня, я должна вам сказать. У меня уже есть друг. Он сейчас в Париже.

Кромгуэль отодвинулся:

– Ах вот как.

Но Лиза быстро взяла его за руку:

– Нет, вы меня не поняли. Это ничего не значит. Вы можете быть влюблены в меня. Вы мне очень нравитесь. – Она робко взглянула на него. – Поцелуйте меня.

Он покачал головой.

– Но ведь это ничего не значит. Какой вы глупый. Целоваться так приятно.

Она обняла его шею рукой:

– Поцелуйте меня, пожалуйста.

Автомобиль остановился.

– Вот и маяк.

Он помог ей выйти.

Она пошла рядом с ним, стараясь заглянуть ему в глаза:

– Вы сердитесь? Не сердитесь на меня.

Свет маяка скользнул по ее светлым волосам и бледному лицу, осветил кусок скамейки, чье-то колено и чьи-то губы.

Кромгуэль и Лиза молча шли. Она остановилась на краю. Ветер трепал ее широкую юбку, ее распущенные волосы. Она, немного приоткрыв рот, смотрела на волны печальным, покорным, ожидающим взглядом.

– Вот теперь вы опять похожи на Изольду.

Она не повернулась к нему, как будто не слышала. Ее юбка, как флаг, шумно билась по ветру. Она протянула руки вперед. Ему показалось, что она сейчас взмахнет руками и ветер унесет ее. Но она беспомощно опустила руки, будто сложила крылья.

– Чем я виновата? – сказала она грустно. – Я ничего не сделала. Пожалуйста, не сердитесь.

– Я не сержусь на вас.

Она протянула ему руку. Он пожал ее холодные пальцы.

– Поцелуйте меня, – жалобно попросила она.

Он нагнулся и поцеловал ее холодные губы. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Я только хотела, чтобы вы знали, что я уже не ребенок, – смущенно сказала она.

3

Лиза открыла дверь в комнату Николая:

– Коля, Коля, иди кофе пить.

Николай завязывал перед зеркалом галстук. Он недовольно обернулся к сестре:

– Ты когда вчера вернулась?

– Совсем не поздно. И тебе похвалить меня следует, а не дуться. Поздравь меня – у меня собственный автомобиль.

– Откуда?

– В меня влюблен англичанин, у него «бьюик». Если у него, значит у меня. Он богатый. Ты бы видел, сколько у него денег в бумажнике.

– Ты не врешь, Лиза?

– Нет. Я тебя сегодня познакомлю с ним, если будешь милый. – Ну идем. – Она побежала вперед, перепрыгивая через ступеньки.

Перед белой дверью они остановились.

– Слушай, Коля, не проговорись у нее.

– Ну вот еще!

Лиза постучала и сейчас же, не дожидаясь ответа, вбежала

в комнату и прыгнула на кровать.

– Здравствуй, здравствуй, Наташа.

Наталия Владимировна освободила руки из-под кружевных простынь и обняла Лизу:

– Здравствуй, моя птичка. Здравствуй, Коля.

Она нежно поцеловала их обоих. Лиза взмахнула в воздухе ногами и, откинув одеяло, легла в постель рядом с Наталией Владимировной.

– Я хочу спать, спать, – по-детски капризно проговорила она, целуя Наталию Владимировну. – Я хочу спать с мамочкой.

Наталия Владимировна испуганно обернулась. Но дверь была закрыта.

– Можно? Никто, никто не услышит, – крикнул Коля. – И я хочу к тебе, мамочка. – Он тоже взобрался на кровать и обхватил мать руками за шею. – Все для Лизы. А мне что останется?

Наталия Владимировна, смеясь, отбивалась от них:

– Тише, тише. Ну, милые, ну, маленькие мои, тише.

Но они, не слушая, целовали и тормошили ее. Горничная внесла кофе. Лиза и Коля уселись на краю постели. Наталия Владимировна налила им кофе.

– Мама, пенки, – капризничала Лиза, и Наталия Владимировна с довольной улыбкой выловила пенку.

– Ну, теперь пей, птичка.

– Мама, дай твой сухарик. Твой вкуснее.

Наталья Владимировна, смеясь, отдала сухарь.

– Ну как, мои маленькие. – Она погладила Колю по голове. – Хорошо тебе тут? Много бегаешь? Крабов ловишь?

– Угу, ловлю, – ответил он с полным ртом.

Конечно, следовало бы объяснить маме, что в Биаррице крабов нельзя ловить, оттого что их нет, но мама никогда не бывает на пляже, и в ее представление о том, как ее маленькие дети проводят время на море, непременно входила ловля крабов. Ее маленькие дети, которые ложатся в девять часов вечера и читают сказки Андерсена перед сном. Они все-таки были ужасно большие, ее дети, они ужасно старили ее, и она никогда ни за что не призналась бы, что она их мать. Она их кузина, они сироты. Потому она их и воспитывает.

Лиза потянулась к сахарнице и ударилась о стол.

– Я ушибла локоток, мамочка, больно.

Наталья Владимировна погладила ее руку, подула на нее, поцеловала:

– Не больно, Лизочка, локотку не больно. А гадкий стол мы сейчас стукнем, чтобы он не смел обижать мою Лизочку.

На кресле, возле постели, лежала розовая шелковая рубашка. Лиза взяла ее и, проводя пальцами по нежному, скрипящему шелку, задумалась. Глаза ее сузились от удовольствия.

– Мама, подари, – вдруг нерешительно попросила она.

– Подарить рубашку? Но зачем тебе?

Лиза покраснела:

– Пожалуйста, мне так хочется.

– Но на что? – удивилась Наталия Владимировна. – Кукле платье шить?

– Да-да, – обрадованно подхватила Лиза. – Кукле платье. Такое, в оборочках.

– Бери, если хочешь.

В дверь постучали.

– Можно к тебе, Наташа?

Наталия Владимировна быстро, по-заговорщически взглянула на детей и прижала палец к губам.

– Входи, Таня, – крикнула она.

Вошла Солнцева, подруга Наталии Владимировны.

– Ты не забыла, Наташа, что мы сегодня завтракаем с Грюнфельдом и будет Борис. Он просил передать...

– Потом, – прервала Наталия Владимировна, показывая глазами на Лизу.

– Ах, твоя кузиночка. – Солнцева погладила Лизу по голове. – Какая грациозная, как козочка. Я на твоём месте непременно отдала бы её в балетную школу. С такой мордочкой.

– Вздор, перестань. – Наталия Владимировна недовольно поморщилась. – Лиза кончит лицей и выйдет замуж. Никаких балетов.

– Как хочешь, строгая кузина. Пусть выходит замуж. – Солнцева села в кресло, высоко положив ногу на ногу, и закурила. – Кстати, Лиза, как поживает ваш приятель, тот хорошенький, который на ястребенка похож?

Лиза покраснела:

– Андрей? Он в Париже.

– Жаль. Он прелестный. Да вы, должно быть, сами знаете и влюблены в него.

Наталья Владимировна дернула подругу за рукав:

– Таня, что ты говоришь, ведь Лиза ребенок.

– Ах, оставь, пожалуйста. Посмотри, какие у этого ребенка глаза.

Лиза, будто действительно можно было что-то прочесть в ее глазах, быстро опустила ресницы и стала рассматривать узор ковра.

– Он премилый, ваш ястребенок, такой хищный и грустный. Жаль, что молод немного. Сколько ему лет?

– Шестнадцать.

– Да, молод. Вот года через два, – Солнцева рассмеялась и встала, – через два года я непременно постараюсь его отбить у вас. Но к тому времени вы сами его давно бросите. – Она поцеловала Наталию Владимировну. – Мне пора. До свидания, Лизочка. До свидания, Коля.

Наталья Владимировна вздохнула:

– Слава богу, ушла. Ты не слушай, Лизочка, что она говорит. Она сумасшедшая. Как это глупо, только утром я вас какой-нибудь час и вижу, и то всегда мешают.

Внизу затрубил автомобиль. Лиза подбежала к окну:

– Наташа, это Кролик.

– Кролик? Дай мне зеркало, Лизочка. – Наталья Влади-

мировна быстро напудрилась, поправила волосы. – Его только не доставало. С самого утра. Открой ему, Коля. Терпеть не могу, когда он скребется в дверь.

Абрам Викентьевич Рохлин, по прозвищу Кролик, уже шел по саду. Он был очень маленького роста. Его короткие ноги в желтых сапожках неуверенно и осторожно ступали по песку аллеи. Круглые, светлые, выпуклые глаза растерянно и лукаво поблескивали из-под пенсне.

– Можно? Не спит? Не сердится? – спросил он робко.

– Здравствуйте, Кроличек. – Лиза протянула ему руку. – Наташа уже проснулась.

Он вошел как-то боком, держа в руке шляпу и сигару.

– С добрым утром, Наталия Владимировна. Как вы спали?

Наталия Владимировна поудобнее села, опираясь на подушки.

– Ах, это вы! – насмешливо и зло проговорила она. – А вчера почему не были? Принесли?

– Принес, принес. – Он осторожно стал доставать бумажник. Сигара упала на пол.

– Не пачкать тут. – Наталия Владимировна нахмурилась. – Сигару выбросьте в окно. Давайте бумажник. Идите, дети, играть.

– Тут не все. – Кролик вытер лоб платком. Его круглое, бритое лицо трусливо сморщилось. – Кажется, сердится. Пронеси, Господи, – прошептал он.

– Идите, дети.

Коля и Лиза вышли. Лиза, громко топая, выбежала на террасу, но, постояв с минуту, повернула обратно и уже на носках вернулась к двери. В замке торчал ключ и ничего не было видно. Лиза приложила ухо к замочной скважине. Наталия Владимировна что-то быстро и сердито говорила. Вдруг что-то хлопнуло. Что это – бумажник полетел в стену или пощечина?

– Ты, ты, ты сама! – пронзительно взвизгнул Кролик высоким бабьим голосом.

Лиза, зажимая рот рукой, чтобы не расхохотаться, выбежала в сад.

– Кролику влетает, – крикнула она, захлебываясь от смеха.

Николай сидел на качелях рядом с Лизиной подругой Одэт. Одэт подняла голову и подозрительно взглянула на Лизу:

– Что это Коля рассказывает? С кем это ты вчера?

Лиза пожала плечами:

– А тебе что? Завидуешь?

– Ничуть не завидую. Только что это за англичанин такой?

Откуда взялся?

Лиза подпрыгнула и повернулась на одной ноге:

– Много знать будешь, скоро состаришься.

Одэт обиженно прикусила губу. Лиза дернула ее за рукав:

– Не дуйся. Мы сегодня кутить будем. Я возьму тебя с собой. Сама его и расспросишь. Хочешь?

Одэт кивнула. Брови ее все еще хмурились.

– Ну улыбнись. Поцелуй ее, Коля, ведь она влюблена в тебя.

– Глупости. Ты все выдумываешь.

– Кромуюэль уже ждет нас. Надо снять эту амуницию. – Лиза подняла ногу в коротком чулке и сандалиии. – Идем, Одэт, помоги мне одеться.

– Только не очень мажься, а то с твоими волосами у тебя вид глупый и неприличный, – крикнул им Николай вдогонку.

– Не твое дело, смотри за собой, – огрызнулась Лиза.

Николай остался в саду. Как всегда, когда он оставался один, он думал все о том же: где и как раздобыть деньги. Деньги были нужны, чтобы веселиться. Без денег не стоило жить.

Веселиться – ездить по ресторанам, покупать галстуки, играть в карты. Веселиться – значило жить. Без денег не стоило жить.

Но денег не было. Не считать же деньгами пятьдесят франков, которые он получал на «свои» расходы. Вот Лиза нашла этого англичанина. Надо посмотреть.

Николай оттолкнулся ногой и медленно закачался.

«Возьмется тоже!» – раздраженно подумал он.

4

Кромуюэль ждал их на пляже.

– Это мой брат, а это Одэт, – познакомила Лиза.

Кромуюэль сердечно потряс руку Николая, показывая белые зубы:

– Очень рад с вами познакомиться. Прекрасное было купанье сегодня.

– Да, – ответил Николай.

– Я утром играл в теннис.

– Вот как.

– Выиграл шесть – два.

Николай старался казаться заинтересованным.

– Завтра поло, – продолжал Кромуюэль. – Вы играете?

– Нет.

– А в крикет?

– Нет.

– А в баскетбол?

– Тоже нет.

– Но в футбол, по крайней мере?

– Нет, и в футбол не играю.

На лице Кромуюэля ясно отразилось разочарование.

Но только на одну минуту. Ведь Николай был братом Изольды. Конечно, если бы он был англичанином, но он был братом Изольды, почти таким же загадочным и волшебным существом, как она. Он мог себе позволить не играть в футбол.

Вчетвером поехали в казино. Но Лизу не пустили в игровой зал.

– Детям нельзя.

– Вот с тобой всегда так, – сердился Николай. – Ничего не удастся.

Лиза чувствовала себя виноватой.

– Ты можешь идти один или с Одэт. Мы подождем.

– Идти один? – по-русски насмешливо переспросил он. – На какие деньги? И все из-за твоих волос. А я бы непременно выиграл сегодня. Из ресторана тебя тоже выведут. Дождешься.

Они сели на террасу казино. Лакей подошел к ним.

– Мне коктейль, – сказала Лиза. – Какой? Все равно. Только чтобы были соломинки.

Одэт кивнула:

– И мне такой же.

Кромуюэль пил виски.

– Очень хорошая погода сегодня, не так ли? Только жарко немного. Русские, говорят, прекрасные наездники. – Ему непременно хотелось сказать что-нибудь приятное Николаю.

Николай рассмеялся:

– Может быть. Но я ни разу в жизни не сидел на лошади.

– Неужели?

Лиза нагнулась к Кромуюэлю:

– Вдвоем гораздо лучше все-таки.

– Да, завтра мы поедем одни.

– Завтра? – Лиза мечтательно оглядела соседний столик. –

Кром, очень долго ждать до завтра.

Николай толкнул ее локтем:

– Видишь, опять все на тебя пялятся. Все из-за твоих волос.

Лиза дернула плечом:

– Отстань, – и снова нагнулась к Кромуюэлю. – Кром, вы ни разу не поцеловали меня сегодня.

Потом вчетвером обедали в большом ресторане. Одэт застенчиво исподлобья рассматривала белые негнущиеся ска-терти, цветы и слишком яркие люстры. Лиза спокойно улы-балась. Ей все нравилось. В особенности женщины в вечер-них платьях и музыка. Она была довольна и горда. В сущно-сти, ведь это она угощает брата и подругу.

– Ты не стесняйся, – по-русски говорила она Николаю. – Заказывай что хочешь.

– Нам непременно надо выпить за нашу дружбу. Хотите? – Кромуюэль налил всем шампанского. – Только за настоящую дружбу, за дружбу навсегда, на жизнь и на смерть.

Первой чокнулась Лиза:

– Я только на жизнь. – Она рассмеялась. – Но на всю жизнь.

Кромуюэль протянул стакан к Николаю:

– Тогда мы с вами на смерть.

Николай тоже рассмеялся:

– Шампанское я пью на что угодно. – Он чокнулся и вы-пил. – Весело вам сегодня, друг мой Кромуюэль?

– Очень весело, – кивнул Кромуюэль.

– Страшно весело. – Лиза забила в ладони.

– Тише, тише. На тебя и так все смотрят.

Лиза потрясла головой:

– Это оттого, что я ни на кого не похожа. Оттого, что я Изольда.

Домой возвращались поздно. Кромуэль правил, сзади сидели Коля и Одэт. На крутом повороте Лиза повернулась к ним:

– Слушайте, вы.

Но они не слышали, они целовались, и Лизе почему-то стало неприятно.

Когда подъехали к дому Одэт, из автомобиля вместе с ней вышел Николай.

– Я провожу ее по саду и приду пешком. Ведь два шага до дому.

– Спокойной ночи. – Кромуэль потряс ему руку. – До завтра. И не забудьте за ночь, что мы друзья.

– Конечно не забуду. Спокойной ночи.

Автомобиль тронулся.

– Еще пять минут, – просил Кромуэль. – Ну до того дома, видите. А потом до трамвая.

Лиза устало и счастливо соглашалась. Так они ездили, пока не рассвело. Лиза вздохнула:

– Как грустно прощаться. Но я совсем сплю. Спокойной ночи, Кром.

Она открыла калитку и вошла в сад. Длинная черная тень метнулась по дорожке.

– Кто там? – испуганно крикнула Лиза.

– Это я, я.

– Вы? Кролик! Что вы тут делаете?

– Я жду. – Кролик сел на скамью. – Я жду Наталию Владимировну.

– Но она теперь, должно быть, поет в Шато-Баск. поезжайте туда.

– Мне нельзя.

– Почему?

– Она запретила. Посиди со мной, Лизочка.

Лиза села рядом с ним:

– Вам не холодно, Кроличек?

– Конечно холодно. Но пусть, пусть. Простужусь, схвачу воспаление легких, умру, и ей стыдно будет.

Лиза тихо засмеялась:

– Вы не Кролик, а институтка.

Но он не слушал.

– Нет, и стыдно ей не будет. Бесстыжая она. Бесстыжая, жестокая, подлая. Да, подлая. Как она меня измучила. – Он вдруг всхлипнул. – Подлая. Она там с любовником, с Борисом этим. А я тут жду. Ах, Лизочка, если бы ты знала. – Он громко заплакал, беспомощно вздрагивая.

– Ну, Кроличек, Кроличек, не надо.

Он положил голову на ее плечо, все еще всхлипывая.

Лиза смотрела на его круглое, обвисшее, жалкое лицо. Она знала: ей следовало обидеться за мать. Но он был такой

бедный. Он плакал, а Наташа сейчас поет, все слушают ее, любят ее. Он тут, а она далеко.

Лиза обняла его за шею.

– Не надо плакать, – уговаривала она, глядя его редкие волосы, – мой маленький, кругленький, беленький Кроличек. Мой красивый, мой удивительный Кролик.

– Подлая она, подлая, – всхлипывал он.

Лиза вытерла ему щеки своей кружевной юбкой, носового платка, как всегда, не оказалось в кармане. Он постепенно успокаивался. Теперь он только вздыхал жалобно. Голова его тяжело лежала на Лизином плече.

– Кроличек, я хочу спать. И вам тоже пора.

– Нет, нет, – вдруг быстро заговорил он. – Она не подлая, нет. Она чудная, она добрая, она благородная. Она все смеет. Она гордая. Она царица Савская. Ей молиться надо. Молиться. – Он выпрямился, тараща круглые, заплаканные, шальные глаза. – Она святая. Да, святая. Люби ее, Лиза. Чти ее. Я недостойн ее. Разве я смею ее осуждать? Хочется ей любовника иметь, и пусть.

Лизе стало скучно.

– Кроличек, идите домой.

– Домой? Хорошо. – Он встал и, не прощаясь, быстро, как шар, покатился по дорожке.

– Ничего не говори ей, – крикнул он, открывая калитку, и покатился дальше.

Лиза взглянула на качающийся легкий месяц, на верхуш-

ки сосен, глубоко вздохнула, не то от усталости, не то от грусти, и вошла в дом.

«Спать, скорее спать. Уже, наверное, шесть, а Коля еще у Одэт».

Она разделась, легла. В открытое окно тянуло сыростью. Шум деревьев смешивался с глухим шумом океана.

Лиза положила голову на подушку, и ей показалось, что звезды, как большие белые, светящиеся бабочки, кружатся в прозрачном небе.

– Кромгуэль, – прошептала она и улыбнулась, засыпая.

Дверь открылась. Кто-то вошел в сон. В сон и в спальную.

Лиза подняла веки и уставилась на него светлыми отсутствующими глазами.

– Ты не спишь? – спросил неизвестно чей, но очень знакомый голос.

Лиза хотела ответить, но не было сил.

– Что ты так на меня смотришь? Не знаешь, кто я такой?

– Знаю, – прошептала Лиза, сонно шевеля губами.

– Кто же я?.. Андрей?

– Нет. Ты другой.

Сон тяжело давил на лоб, и ничего нельзя было понять.

– Кто же я? Кто? Скажи.

Лиза подняла голову, медленно соображая что-то.

– Ты Николай Николаевич Кофейник, – с трудом проговорила она.

– Кофейник? Прекрасно. Теперь моя фамилия Кофейник.

И твоя тоже. Здравствуйте, Елизавета Николаевна Кофейник. – Николай сильно потряс ее руку.

Лиза еще шире открыла глаза. Николай наклонился над ней:

– Проснись, Кофейник.

Какой Кофейник? Что ему нужно от нее? Отчего он смеется?

Лиза протерла глаза. Теперь она совсем очнулась.

– Перестань, Коля. Чему ты?

Но Николай продолжал смеяться:

– Счастье твое, что ты живешь не в Средние века. Тебя бы непременно сожгли на костре как ведьму. И правильно сделали бы, ведьма зеленоглазая.

– Я ведьма, а ты кофейник. – Она приподнялась и села. – Жили были брат и сестра, кофейник и ведьма. Вот однажды говорит кофейник ведьме: вскипяти меня, – начала она рассказывать и вдруг громко рассмеялась. – Ты прав, я ведьма. Посмотри, какое у меня родимое пятно. – Она расстегнула ночную рубашку. Под нежной, детской, едва округленной грудью темнело треугольное коричневое пятно. – Видишь, у ведьм, говорят, всегда отметины были. – Она снова легла и натянула одеяло. – А ты где так долго пропадал?

Николай пожал плечами:

– Одэт не отпускала. Надоело.

– Она влюблена в тебя. И понятно. Ты такой хорошенький.

– Это тебе кажется оттого, что я похож на тебя.

– Нет, не оттого. Я влюбилась бы в тебя, если бы ты не был моим братом.

– Ну конечно, ты во всех влюбляешься. Давно ли по Андрею умирала, а теперь этот Кромуэль.

Лиза покраснела:

– Ты ничего не понимаешь.

– Что уж тут понимать! Влюбилась в англичанина.

Лиза трясла головой:

– Нет, нет. Я люблю Андрея. А Кромуэль... Он красивый, веселый. У него автомобиль. Он мне нравится. Но... – Она прижала руки к груди. – Ах, я не умею тебе объяснить.

Николай насмешливо улыбнулся:

– Да ты не волнуйся. Мне-то что? Влюбляйся в кого хочешь. Уже шесть часов. Я иду спать – и тебе советую.

Он вышел из комнаты и закрыл за собою дверь.

5

Лиза почувствовала что-то холодное на шее и с криком открыла глаза:

– Что? Что такое?

Было уже совсем светло. Солнце светило в окно. Николай в пижаме стоял возле постели, держа блестящие ножницы в руке.

– Что? – снова спросила Лиза.

– Что? Посмотри на себя в зеркало.

Лиза села на постели, протирая глаза кулаками, и вдруг увидела свои длинные светлые волосы на подушке. Они лежали как-то особенно, сами по себе. Они казались живыми, блестящими змеями, свернувшимися кольцом на солнце. Лиза смотрела на них, еще не понимая, потом подняла руку, потрогала свой затылок.

– Коля, – крикнула она, – как ты мог? Коля, что ты сделал? – Слезы потекли по ее щекам.

Он обнял ее:

– Ну, Лизочка, перестань. Так гораздо красивее. Ведь это смешно – длинные волосы.

Она прижалась к его плечу, продолжая плакать:

– Я так гордилась, так любила их. Как ты мог?

– Тебе все равно пришлось бы обстричь. Ты все не хотела, а теперь уже сделано. Скоро будешь взрослой...

– Я никогда не буду взрослой, – сказала она.

Он рассмеялся:

– Не будешь взрослой? Как так?

Но она уткнулась в подушку и громко всхлипывала:

– Зачем? Как ты мог? Зачем ты это сделал?..

Через три дня Лиза писала в Париж: «Милый, милый Андрей, со мной случилось большое несчастье. Коля обрезал мне волосы. Я плакала, хотя мне очень идет. Но мне так жаль. С волосами я была Изольдой. Так меня зовет Кромуэль, английский мальчик, с которым мы познакомились. Это

книжка про Изольду, я тебе привезу, ты сам прочтешь. Кромуэль богатый. Мы каждый день кутим и очень веселимся, но мне грустно без тебя. Когда я купаюсь и соленая вода попадает мне в рот, я всегда вспоминаю, как мы целовались. Я лежу на песке, закрыв глаза, и думаю, что ты – рядом. И так уверена, что протягиваю тебе руку. Тебя нет, и я плачу. Здесь недавно потонула девочка...»

6

Мать Кромуэля только что вернулась домой.

«Уже три часа. Он давно уже спит», – подумала она, тихо открывая дверь в спальню сына.

Но комната была пуста, и кровать не тронута.

«Где же он так поздно?»

Она зажгла свет, села в кресло и взяла журнал.

Она не беспокоилась, мысль о том, что что-нибудь дурное могло случиться с ее сыном, даже не пришла ей в голову.

Она рассеянно перелистывала журнал. Она не читала, она думала. Она думала о своей жизни, о своем муже, убитом на войне. Он был такой большой, белозубый, веселый. Она улыбнулась своим воспоминаниям совсем так же, как улыбалась когда-то мужу. Кром становится удивительно похож на отца. И она с тем же удовольствием, с каким вспоминала сейчас мужа, стала думать о сыне.

Дверь бесшумно открылась, и вошел Кромуэль.

– Как вы поздно, Кром. – Она, улыбаясь, отложила журнал. – Хорошо веселились?

Он покраснел:

– Отлично, спасибо.

– Я хотела только дождаться вас, чтобы сказать вам спокойной ночи. Спите спокойно, Кром. Я рада, что вам весело тут.

Она встала и поцеловала сына.

– У меня к вам просьба, мама. – Он еще гуще покраснел. – Здесь очень хорошо, но чертовски дорого. – Он сделал ударение на «чертовски». – И мне...

– Разве так уж чертовски? – рассмеялась она. – Вам нужны деньги? Пятьсот франков хватит? – Она еще раз поцеловала его и пошла к двери, но на пороге остановилась. – Вы не играете ли в баккара, Кром?

– Нет.

– Пожалуйста, не играйте. Так я вам завтра утром дам деньги.

Он сделал шаг к ней:

– У меня еще просьба. Я хотел бы поехать в Париж в этот вторник, один.

Она покачала головой:

– Нет, милый Кром, вы ведь знаете, что мы едем в Париж через две недели, первого октября. И раньше вы не поедете. Вы уж как-нибудь устройтесь.

И она, кивнув на прощанье, вышла из комнаты.

Было двенадцать часов. Горячее розовое солнце высоко стояло на блестящем небе. Белые волны вздымались и падали. Купающиеся прыгали, держась за веревку. Из казино заглушенно и взволнованно доносилась музыка.

Лиза лежала рядом с Кромуэлем на горячем песке.

– Кром, дайте руку. Вам не грустно?

– Грустно? – удивился он.

– Но ведь я уезжаю.

– Да. Но через две недели я буду в Париже.

Она вздохнула и задумалась.

– В две недели может столько случиться. Может быть, через две недели ни Парижа, ни Биаррица не будет. И дороги в Париж не будет. И нас.

Он рассмеялся:

– Ну куда же все денется?

– Исчезнет, рассыплется, улетит. А если все и останется, то ведь так, как сейчас, никогда не будет. Может быть, даже лучше будет, но не так, как сейчас. – Она покачала головой. – Нет, и лучше не будет, а хуже. Ведь всегда чем дальше, тем хуже. Разве вы не замечали?

Он ничего не ответил.

Она повернулась на бок и придвинулась к нему, поджимая голые ноги. От ветра ее короткие светлые волосы поднима-

лись вокруг лица, как сияние.

– Ах, Кром, – вздохнула она, – я не хочу уезжать от вас.

Она встала, кутаясь в мохнатый халат, и подошла к самой воде.

– Знаете, я хотела бы уплыть далеко-далеко, выбиться из сил, утонуть. Как, помните, та девочка.

Она смотрела в море.

– Изольда, – тихо позвал он, подходя к ней сзади. – Вы плачете, Изольда?

Она ничего не ответила.

– Я так люблю вас, – сказал он, задыхаясь от волнения. – Не плачьте, Изольда.

Она повернула к нему веселое, улыбающееся лицо:

– Пожалуйста, не раскисайте. Все это вздор. – Она сбросила халат на песок. – Ну, кто скорее доплывет до скалы? Раз, два, три. – И, взмахнув руками, смеясь вбежала в море, разбрасывая брызги вокруг себя.

8

Лиза уезжала в тот же вечер. Кромуэль принес ей на вокзал розы. Одэт – большую плитку шоколада. Лиза прижимала к себе цветы и улыбалась рассеянно, совсем как Наталия Владимировна. Но Наталия Владимировна только казалась рассеянной, ее руки в белых перчатках слегка дрожали, и уголки губ дергались.

– Послушай, – говорила она тихо стоявшей рядом Солнцевой. – Где же он? Уже поздно.

– Он сейчас придет. Ведь он обещал ехать с тобой. Не волнуйся. Заметят.

Наталья Владимировна поправила шляпу и снова рассеянно улыбалась провожающим.

– Да, всегда грустно уезжать, – говорила она, как на сцене. – Здесь было так хорошо, – она замолчала на минуту, – и я боюсь железнодорожных катастроф.

Лицо ее вдруг стало испуганным. Длинные ресницы замигали, будто она готова заплакать. И сейчас же все стали успокаивать и уговаривать ее.

Она стояла у окна, не слушая, обрывая лепестки цветов.

– Теперь уже он не успеет. Скажи ему, Таня... Лиза, Лиза, садись скорей, – перебила она себя, – сейчас поезд тронется.

– Прощайте, Кром. – Лиза протянула Кромуэлю руку.

– Нет-нет, не прощайте, до свидания. – Он поцеловал ее руку. – Ведь только десять дней.

Поезд тронулся. Лиза стояла на площадке рядом с Николаем и, смеясь, махала платком. Наталья Владимировна отвернулась от окна. По щеке ее текла слеза. Лиза испуганно вскрикнула:

– Наташа!

Она уже давно не видела, как плакала мать. Наталья Владимировна нетерпеливо дернула плечом:

– Отстань, – и вошла в купе.

Лиза растерянно посмотрела на брата:

– Отчего она плачет?

– Борис не поехал с ней. Место в ее купе заказано. Кролик нарочно с утренним поездом отправлен. – Николай равнодушно высунулся в окно. – Старалась, а он надул. Ей и обидно. – Он рассмеялся. – Ну, идем к себе во второй класс. Достаточно отъехали. Не увидят ее поклонники, как мы с тобой перелезем из спального вагона. Идем.

Но дверь на площадку снова отворилась.

– Лиза, – позвала Наталия Владимировна. – Останься со мной. Ты ляжешь наверху. Место свободно. Я доплачу, ничего. Мне не хочется оставаться одной. А ты, Коля, иди. Спокойной ночи.

Лиза вошла в купе, прижимая к груди цветы. Наталия Владимировна уже сняла шляпу и пальто. Лицо ее было бледно и расстроено.

«Совсем уж она не такая красивая, – неожиданно подумала Лиза. – Я лучше».

– Ложись скорей. И не болтай. У меня голова болит. – Наталия Владимировна поцеловала дочь. – Полезай наверх, птичка.

Лиза разделась и легла на холодные простыни. Как бы только не слететь отсюда вниз. Вот тогда настоящей птичкой будешь. Она придвинулась к стене, положила рядом с собой розы. Молодец этот Борис, что не поехал. Теперь бы она тряслась во втором классе, клевала бы носом, и Нико-

лай непременно бы еще толкал ее. А здесь так удобно. Она с удовольствием вытянулась.

– Ну спи, я тушу. И не шурши, пожалуйста.

Стало почти темно. Только под потолком горел маленький синий фонарик.

Лиза уткнулась лицом в цветы, потом вспомнила о плитке шоколада, засунутой под подушку, достала ее, осторожно разорвала обертку.

«С орехами, самый любимый».

Розы пахли душно и нежно. От сладости шоколада защекотало в горле.

Вагон легко качало. Лиза прислушалась к стуку колес. «Вы куда? Вы куда?» – серьезно и внушительно спрашивали колеса, и рычаги, спеша и перебивая друг друга, отвечали тонкими голосами: «Едем, едем – не доедем; едем, едем – не доедем».

Лиза вздохнула. Вот она едет. И Кромуэль все дальше и дальше с каждой минутой. Она поцеловала цветы. «Кромуэль, – вздохнула она, – Кром».

Снизу донеслось тихое всхлипывание, заглушенное стуком колес.

Это Наташа плачет. Лиза осторожно свесила голову, посмотрела на мать. Наталия Владимировна лежала, повернувшись к стене. Лица ее не было видно. Только ее белые плечи чуть-чуть вздрагивали.

Лиза снова легла и прижалась щекой к подушке. Цветы

все так же душно пахли, и шоколад был такой же вкусный, но Лизины плечи стали чуть-чуть вздрагивать, совсем как плечи Наталии Владимировны.

«Бедная Наташа... – Но жалость к матери сейчас же заменилась жалостью к Крому. – Он теперь уже дома. Ему грустно. Он думает обо мне. Бедный Кром, – вздохнула она, кладя новый кусок шоколада в рот. – Милый, милый Кром. Всегда чем дальше, тем хуже, – вспомнила она свои слова. – Да, правда, чем дальше, тем хуже».

И вдруг сердце ее сжалось от предчувствия чего-то неизбежного, ужасного, ноги похолодели, и стало трудно дышать.

Но колеса стучали все ровнее и ровнее, и веки тяжело опускались на сонные глаза.

9

Лиза проснулась от сильного толчка. Вагон качало и подбрасывало. Паровоз пронзительно и гулко свистел. Лиза приподнялась и огляделась. Где она? И сонно улыбнулась. Она в поезде. Она едет в Париж, к Андрею. Она подтянула теплые колени, подсунула руку под голову. Что-то защекотало ей щеку. Ах да, это цветы. Она оттолкнула их, и они с тихим шелестом упали вниз.

«Ну и пусть. Скоро Париж. А в Париже ее ждет Андрей». Она лежала, улыбаясь. Влажная подушка неприятно прилипла к щеке. Лиза ошупала ее. Отчего подушка мокрая?

Неужели она, Лиза, плакала? Неужели это ей только что было грустно и страшно? О чем ей грустить, чего ей бояться? Ведь она едет в Париж и Андрей ждет ее.

Наталья Владимировна тронула ее за плечо:

– Вставай, Лизочка. Подъезжаем.

Лиза села на край дивана, свесив голые ноги вниз.

– Вот мы и доехали без крушения.

Веки Натальи Владимировны припухли.

– Ты плохо спала, Наташа?

– Да, у меня мигрень.

Когда любовник обманывает – это называется мигрень.

Надо будет сказать Коле. Лиза поболтала ногами в воздухе.

– А я чудно, чудно спала. И я так рада, что мы вернулись в Париж. Ты тоже рада?

Наталья Владимировна пудрилась перед зеркалом.

– Одевайся скорей, Лиза.

Лиза смотрела в окно. Скоро ли? Скоро ли? Вот стена с огромными черными буквами: Paris.

Лиза забила в ладоши:

– Мама, Париж.

Наталья Владимировна недовольно обернулась:

– Сколько раз говорила тебе, чтобы не называть меня мамой. Возьми зонтики и свои цветы.

Лиза наклонилась над цветами Кромуэля: не стоит брать, они уже завяли – и, оттолкнув их ногой, вышла в коридор.

Поезд остановился. Лиза первая спрыгнула на перрон.

Андрей, где Андрей?

Но Андрея не было. Она напрасно осматривала встречающих. Из второго класса вылез Николай, хмурый и заспанный. Он насмешливо поклонился Лизе:

– Хорошо изволили спать, принцесса?

– Отстань.

Втроем сели в такси. В окна бил косой, редкий дождь и блестели зонтики прохожих. Николай поежился:

– Невесело нас встречает Париж. А ты чего раскисла, Лиза? Кажется, могла выспаться.

– У меня голова болит. И у Наташи тоже. Не трещи.

В Отее, в маленьком розовом доме с садом и большими окнами, уже ждали горничная и Кролик.

– Телеграммы нет? – спросила Наталия Владимировна, входя в прихожую.

– Нет.

Наталия Владимировна, не снимая шляпы, молча прошла к себе. Кролик боязливо топтался в гостиной.

– Что же вы? – крикнула она ему. – Звать вас надо.

Лиза переделалась и помылась. Господи, как все это долго!

– Коля, как ты думаешь, отчего он не пришел?

Николай распаковывал чемодан.

– Кто? Кромгуэль?

– Какой ты бестолковый – Андрей.

Николай пожал плечами:

– Проспал, должно быть, твой Андрей.

– Проспал? Не мог он проспать.

– Ну тогда под трамвай попал.

Лиза топнула ногой:

– Молчи, слышишь?

Николай рассмеялся:

– Испугала. Ах ты, кошка злая! Ну-ка, пофыркай еще.

Лиза, не слушая его, быстро надела пальто и перчатки.

– Если «она» спросит, скажи, я пошла к Одэт.

– Хорошо, хорошо. Иди, она не спросит. Не до того ей.

Она сейчас с Кроликом воюет, а потом или истерику устроит, или к портнихе поедет.

Лиза выбежала на улицу и, не останавливаясь, бегом добежала до угла.

«А вдруг он разлюбил меня? Или умер? – думала она, взбираясь по лестнице. – А вдруг его нет дома?»

Дверь открыла тетка Андрея:

– Лизочка. Вы уже вернулись?

Лиза чинно присела:

– Да, сегодня утром. Коля просил меня взять у Андрея учебник алгебры.

– Входите, входите. Андрюша болен. У него горло болит. Андрюша, к тебе.

Она толкнула дверь, и Лиза увидела Андрея. Он лежал в кровати, покрытый красным одеялом, растрепанные волосы торчали во все стороны, вокруг шеи был завязан клетчатый носок.

«С левой ноги, должно быть», – мелькнуло в Лизиной голове.

Он повернул к ней осунувшееся лицо и густо покраснел:

– Ты, Лиза? Нельзя, нельзя. Уходи. Я приведу себя в порядок.

Лиза протянула ему руку:

– Здравствуй. Я так рада. Я думала...

Он отстранился:

– Подожди. Я встану.

– Ничего, ничего.

– Ну, вы тут разговаривайте, а мне по делам надо.

И тетка вышла.

Лиза смотрела на Андрея, на его взволнованное лицо, на одеяло, свисающее с кровати, на беспорядок в комнате. И от всего этого, оттого, что он болен и встревожен, оттого, что на нем смятая рубашка и все так бедно кругом, сердце ее сжалось от нежности.

Она положила шляпу на стул.

– Андрей, милый, бедный.

– Вот ты какая стриженная. Правда, очень хорошо.

Она села к нему на постель.

– Мы еще не поздоровались.

– Нет, подожди, выйди на минуту. Я оденусь. А то так мне стыдно.

Она обняла его.

– Похудел. И глаза такие грустные. Скучно тебе без меня

было?

– Очень.

– И мне. Ах, Андрей, я так хотела поскорей вернуться. А ты такой грустный. – Она вздохнула и сказала тихо: – Et <alors,> parce qu'il était toujours triste on l'appela Tristan⁶. Знаешь, это из той книжки, как будто про тебя и про меня. Ты Тристан, а я Изольда.

Андрей сдвинул брови:

– А англичанин?

Лиза покачала головой:

– Никакого англичанина больше нет. Кончено.

– Правда?

Она кивнула:

– Ей-богу.

Из прихожей раздался голос тетки:

– Я ухожу. Если будут звонить, откройте, Лизочка.

Дверь захлопнулась. Андрей рассмеялся:

– Так мы и откроем, жди. Ну, выйди, Лизочка, я сейчас встану.

Она положила ему руки на плечи:

– Не смей. Ты болен, ты должен лежать в кровати. А чтоб тебе не было стыдно, я сейчас лягу к тебе. Подожди. – Она быстро сняла пальто и сбросила туфли. – Ну вот, теперь тебе нечего стыдиться. – Она откинула одеяло и легла рядом с ним. – Знаешь, Тристан умирал. Он звал Изольду, она не

---

⁶ И потом, поскольку он всегда был грустен, его называли Тристаном (*фр.*).

успела приехать. Она плыла на корабле. А он уже лежал мертвый. И она легла рядом с ним и обняла его и умерла тоже. Закрой глаза. Прижмись ко мне. Молчи. Вот так. Вот так они лежали, мертвые.

Часть вторая

1

Кролик быстро вышел из подъезда. У него был какой-то испуганный, шалый вид. Котелок боком сидел на голове, по щекам текли слезы.

– Пятьдесят франков. Пятьдесят, – повторял он растерянно и удивленно. – Мне. Мне.

Он протянул короткую руку, будто отталкивая от себя что-то, и, не вытирая слез, побежал по тротуару. На углу он вдруг остановился, вспомнил, что ждет такси, и повернул обратно.

– В «Клэридж», – сказал он шоферу.

В голове закопошились привычные мысли: «Окно с левой стороны открыто. Надо закрыть. Дурная примета». Но он не закрыл окна. Он только беспомощно дернул головой. Какие уж тут дурные приметы, когда все дурно. Все, все.

– Пятьдесят франков мне. Мне, которого покойный Витте уважал. Сам Витте.

Кролик выпрямился. Голубые круглые глаза блеснули из-за пенсне. Витте. Да и не один Витте. Еще в прошлом году в Лондоне... А теперь – пятьдесят франков.

Он трусливо скосил глаза. «Кем ты был, и кем стал, и что есть у тебя, – прошептал он плаксиво и насмешливо. – Тысячу франков в долг не поверили. Пятьдесят. Без отдачи. Как попрошайке. И что дальше будет? Что будет?» Он втянул шею, словно ожидая удара. Вот и началось. Только этого он и боялся. Притворялся, что все хорошо, что все в порядке. А порядок давно нарушен. С того самого дня, с того самого часа, когда на скачках в Довиле он познакомился с Наталией Владимировной. И уже нет спокойной, стройной жизни, нет твердой почвы под ногами. Под ногами бездны и хляби.

– Бездны и хляби, – повторил он громко и испуганно поднял маленькую ногу в лакированном башмаке, как будто она стояла не на сером коврикe, покрывавшем пол автомобиля, а была занесена над отчаянием и смертью, над страшными безднами и хлябями. Над теми безднами, теми хлябями, которых он боялся всю жизнь и которые с грохотом вдруг разверзлись под его ногами.

Автомобиль остановился. Кролик вздрогнул, поправил съехавший набок котелок, обдернул пиджак и почему-то быстро стал натягивать ярко-желтые перчатки. Потом, стараясь равнодушно и презрительно скривить губы, смело и спокойно вошел в холл «Клэриджа». С тем спокойствием, с той смелостью, с которой укротитель входит в клетку тигра.

– Заплатите шоферу, – небрежно приказал он швейцару.

И швейцар, как тигр, готовый прыгнуть на укротителя, минуту смотрел на него злыми, понимающими глазами, и подстриженные усы его кровожадно топорщились. Потом покорно склонил голову и, приподняв шапку с золотым галуном, пошел исполнять приказание.

А Кролик уже поднимался в широком лифте.

– Проскочило, – прошептал он. Но это было еще не все. Самое мучительное было впереди.

Он поморщился: «Ах, я люблю добро, а всю жизнь хожу по дорогам зла. Ведь я, в сущности, не злой человек. Я шестидесятник. Но как же это? – От жалости к жене защеко- тало в горле. – Но что же мне делать? А вдруг она не даст, откажет? Не посмеет. Заставлю. – Он сжал короткие пальцы в кулак. – Заставлю. Хоть в котлетную машинку пущу ее, но заставлю. Хоть в котлетную машинку».

И он громко постучал в дверь.

– Войдите, – крикнул голос жены.

Он остановился на пороге. Жена играла на рояле. Она не повернула головы, но он знал, что она видит его в зеркале.

– Фанни, – начал он, – я хотел попросить вас...

Она продолжала играть, будто его не было в комнате.

– Фанни, послушайте. – Он дернул за воротничок, словно воротничок вдруг стал ему узок. – Да перестаньте же хоть на минуту. Я не могу кричать.

Игра сразу оборвалась. Жена обернулась к нему и взгля-

нула на него так же, как только что смотрела на ноты. Выражение ее больших, добрых, выпуклых, как у телки, глаз не изменилось. Они были так же испуганны. Они стали испуганными, как только Кролик вошел.

– Что? – спросила она тихо.

– Я хотел вас просить. Не можете ли вы...

Ее полное лицо побледнело, ее полные плечи задрожали под черным шерстяным платьем.

– Я хотел вас просить. – Он снова дернул за воротник. – Только на три дня, на три дня... – Он запнулся. – Дайте мне ваши серьги, – вдруг жалобно попросил он высоким, бабьим голосом.

Она быстро подняла руки к ушам.

– Только на три дня. Я запутался в делах. Пока придут деньги из Берлина. Вы не беспокойтесь, – уже спокойнее говорил он.

Она старалась снять серьги, но пальцы дрожали. Седые пряди волос цеплялись за бриллианты.

– Сейчас, сейчас, – растерянно повторяла она.

– Только на три дня... Вы не волнуйтесь так, Фанни.

Она наконец вынула серьги из ушей и протянула их ему на дрожащей ладони.

Он взял серьги, поцеловал дрожащую руку:

– Спасибо, Фанни. Вы выручили меня. Обедайте без меня.

Я вернусь поздно.

И, кивнув на прощание, вышел. В коридоре он остановил-

ся.

«Ограбил. Последнее отнял. Что она делает там за дверью? Плачет?»

Ему вдруг захотелось вернуться, встать перед ней на колени, спрятать лицо в ее черной жесткой юбке и умолять простить его.

Он зажмурился. «Отдам ей серьги. Отдам». Он уже взялся за ручку двери, но в эту минуту за дверью заиграли. Игра была уверенная, спокойная, старательная. Нет, несчастная женщина не могла бы так играть.

Он надел котелок и быстро, как шарик, скатился по лестнице вниз. В такси он с удовольствием закурил сигару. «Хорошо, что хоть Фанни не догадывается, не страдает. Как Наташа обрадуется! А еще минута – и я бы отдал серьги. Размазня. Шестидесятник тоже». И он насмешливо улыбнулся.

2

Домой Кролик вернулся поздно, когда его жена уже спала в их общей широкой кровати. Он прошел на носках в ванную и зажег электричество. В большом зеркале на стене отразилась его короткая фигура в котелке, с сигарой в руке, с галстуком, немного съехавшим набок.

Обыкновенно он очень вежливо раскланивался с собой.
– Здравствуйте, Абрам Викентьевич. Как живется вам, как можетея? – спрашивал он себя и отвечал, улыбаясь и

шаркая ножкой: – Спасибо. Отлично. Всё прыгаем.

Но сегодня он, будто стыдясь себя, быстро отвел глаза и стал открывать никелированные краны.

– Скверно, скверно. Ах, скверно.

Вода шумно бежала в белую ванну. Этот шум, шум бегущей воды, всегда вызывал в нем воспоминание Иматры. И сейчас он ясно увидел водопад, с грохотом летящий вниз, сияющий, серебряный, ледяной. Увидел серые сосны, и камни, и себя в студенческой фуражке.

Он разделся, сел в теплую душистую ванну. На минуту стало совсем спокойно – ни забот, ни стыда, ни страха. Как будто заботы, стыд и страх растворились в этой теплой, душистой воде, отошли куда-то за эти белые кафельные стены. Тревогу и напряжение сменила блаженная слабость, голова, вдруг ставшая пустой и легкой, склонилась набок, и веки закрылись.

Сидеть бы так долго, долго, всегда. И чтобы ничего больше не было.

Если вскрыть бритвой вены в ванне? Говорят, это самая приятная смерть. Ничего не почувствуешь, только слабость, только легкость, как сейчас, и умрешь спокойно. И всему конец. Он вздрогнул. «Нет, нет. Я не могу. Это совсем невозможно. У меня нет бритвы», – вспомнил он с облегчением. Он всегда брился в парикмахерской, и дома у него даже безопасной бритвы нет. И слава богу, что нет.

Вода остыла, стало холодно и тревожно. Он закутался в

купальный халат.

«Неправда, – подумал он, – роковые женщины совсем не смуглые, с блестящими, как угли, глазами и адскими планами. Такой женщине он не попался бы, с такой справился бы. Нет, роковая женщина светловолосая, сероглазая и беспомощная. Она ничего не любит, ничего не хочет. Она даже не злая. Она безразличная. Разве она обрадовалась сегодня серьгам?» А он так надеялся на эти серьги.

Он приподнял одеяло и лег рядом с женой. В темноте смутно белело ее лицо. Длинные пряди волос извивались по подушке, как мокрая морская трава. Он отодвинулся от нее на самый край кровати. Одеяло тяжело легло ему на грудь.

Вот и опять ночь. Ах, как скверно.

Он зажмурился и повернулся на спину. Завтра... Нет, о том, что будет завтра, лучше не думать. Все так запутанно, тяжело и скверно.

Он вдруг вспомнил слова своей старой бабушки-еврейки, маленькой, сутулой, вечно кутавшейся в большой клетчатый платок: «Не дай тебе Бог, Абрамчик, перенести все страдания, которые может вынести человек».

Не дай тебе Бог. А вот Бог дал. Не послушался старой бабушки в клетчатом платке. Разве он не перенес уже почти все страдания, которые может вынести человек?

Сквозь неплотно задернутые шторы тонкий лунный луч падал на ковер. Кресло у окна тяжело темнело.

Рояль поблескивал в углу. Было тепло и тихо. Фанни ды-

шала почти неслышно.

Ему стало страшно. Он снова зажмурился. Что впереди? Что еще осталось перенести? Неужели позор, суд, тюрьма? Не думать, не думать. Лежать так на спине и стараться представить себе что-нибудь успокоительное. Звезды. Да, это очень успокоительно. Звездный свет доходит до земли в двести лет. Или вот еще об Египте. Нет, лучше уж о звездах. Но только надо сосредоточиться, чтобы ясно их видеть. Большая Медведица, Кассиопея, Сатурн. Сатурн? Сколько у него колец? Девять, кажется. Они медленно вращаются. Что значит моя жизнь, мое горе? Что вообще значит человеческая жизнь? Сатурн, Венера.

Рядом что-то тихо зашевелилось. Он повернул голову, с удивлением вглядываясь в темноту. Что это? Разве он не один? Не один, под огромным звездным небом, со своей тоской?

– Фанни, вы не спите?

Шорох перешел в шепот:

– Нет, я не сплю, Абрам Викентьевич.

– Что с вами? Вам приснился дурной сон?

– Нет, я не спала. Я, – всхлипнула она, – я знаю. Это вы для нее серьги взяли. – Она громко заплакала, как-то по-детски ловя воздух старыми, мокрыми губами. – Я все знаю. Я давно знаю. Еще весной. Я не хотела вам говорить. Но я больше не могу, не могу, не могу.

Он наклонился к ней, протянул руку и коснулся ее голого,

горячего плеча. И от этого давно забытого прикосновения сердце его вздрогнуло от нежности и жалости.

– Фанни, Фанни, – в отчаянии зашептал он. – Простите меня. Я негодяй. Я разорил, ограбил вас, Фанни, слушайте. Это еще не самое страшное. Может быть, завтра нас выгонят отсюда на улицу. Как мы будем жить? Я даже не знаю, смогу ли я вас прокормить. И ваша музыка. У вас не будет рояля, Фанни.

Слезы потекли по его дряблым щекам. Он прижался к ее плечу, ища у нее спасения.

– Фанни, я так несчастен. Простите меня, простите.

Но она, не слушая его, всхлипывала:

– Я еще весной знала. И когда вы в Биарриц уехали. Я все молчала, все молчала.

Их слезы, смешиваясь, текли по подушке. Фаннина теплая рука обняла его шею.

– За что? За что? Разве я не была вам верной женой? Разве я не любила вас все эти двадцать лет?

– Я даже не знаю, может быть, вам придется работать. Поймите, у меня ничего не осталось.

– Так любила. Так люблю. За что? И на кого променяли?

Он не слушал. От ее плеча, от ее мягкой руки шло с детства знакомое тепло.

Опухшие от слез веки тихо закрывались, опухшие от слез губы тихо шептали:

– Простите, Фанни, простите.

Уже не было отчаяния и не было боли. Стало тихо, спокойно, легко. Ему казалось, что он лежит рядом уже не с Фанни, не с женой, а с бабушкой, накрывшись ее клетчатым платком, пахнущим корицей и луком. И не Фанни вздыхает и всхлипывает над его ухом, а бабушка поучает его монотонным голосом:

– Человеку врать нельзя. У человека голова маленькая. Он соврет и забудет. Вот лошадь, у нее голова большая. Ей врать можно.

3

Кромгуэль спрыгнул с трамвая и завернул за угол. И сразу увидел среди золотых осенних лип розовый дом. Он был маленький, двухэтажный, с широкими окнами и террасой.

Сердце Кромгуэля сжалось, будто в этом розовом доме его ждало несчастье.

«Не ходить? Вернуться?» – смутно мелькнуло в его голове.

Но это продолжалось только минуту. Он взялся за калитку и взволнованно и радостно взглянул на окно во втором этаже, на ее окно. За этим окном она ждет его. Он позвонил. Прислуга открыла дверь.

– Барышня дома? – спросил он.

Она показала рукой на лестницу:

– Там, наверху.

– Пожалуйста, предупредите барышню.

Но прислуга уже повернулась к нему спиной:

– Некогда мне предупреждать. Идите сами.

Кромюэль остался один в большой полутемной прихожей.

В зеркале отражался букет мохнатых, увядших хризантем. Серое шелковое пальто свешивалось с соломенного кресла. Слабо и пыльно пахло духами. На столе около вазы лежала белая перчатка, казавшаяся белой отрезанной рукой. Пустые пальцы жалобно поднимались вверх, будто отталкивая или заклиная.

Кромюэль посмотрел на нее. Может быть, эта белая рука отталкивает его, запрещает ему войти. Он улыбнулся, поправил волосы и пошел вглубь к круглой лестнице. Узкое скошенное окно освещало белые перила и красную дорожку. На одной из ступенек лежала маленькая парчовая туфля. «Как туфелька Сандрильоны, – подумал он. – Кто ее потерял, возвращаясь сегодня ночью с бала? Та красивая дама, которую он видел на вокзале в Биаррице? Или Изольда?»

Из-за двери послышался смех. Кромюэль постучал.

– Войдите, – крикнула Лиза.

Он толкнул дверь. Комната была низкая, с голубым бобриком на полу. Вечернее солнце заливало ее широкой волной. Лиза сидела на краю низкого дивана.

– Кром! – Она вскочила, ее голубое платье метнулось, как бабочка в солнечном воздухе. – Кром, здравствуйте. Ах, как мне весело. – Она держала в руке стакан, ее светлые глаза

блестели. От ее растрепанных светлых волос как будто шло сияние. – Ах, Кром, как хорошо, что вы пришли. – Она расмеялась и, взмахнув ногами, опрокинулась на спину на диван.

Николай похлопал Кромуюэля по плечу. Андрей поздоровался с ним вежливо, но сухо.

На столе стояла бутылка портвейна. Одэт налила Кромуюэлю вина.

– Пейте, пейте, догоняйте нас.

Лиза лежала на диване, раскинув руки.

– Весело, ах как весело, – повторяла она.

Кромуюэль сел рядом с ней. Ему было, как всегда, немного неловко среди этих слишком веселых, слишком шумных иностранцев. Он считал иностранцами всех, исключая Изольду. Изольда была своя. С моря. Такая же, как и он. Лиза подняла голову:

– Ну а обедать куда поедем?

– В русский ресторан, – крикнула Одэт.

– Я хочу с музыкой. – Лиза села на диван. – Едем сейчас.

Я только чулки переодену. Эти вот лопнули. – Она показала дырку выше колена. – Достань, Одэт, там, в комод.

Лиза сняла чулки. Кромуюэль смотрел на ее маленькие ноги с розовыми налакированными ногтями. Золотистая от загара кожа казалась теплой и нежно блестела на коленях. Кромуюэль покраснел.

Лиза болтала босыми ногами.

– Я очень люблю бегать босиком.

– Да, в Биаррице... – начал Кромуэль.

Лиза посмотрела на него:

– В Биаррице? Знаете, мне кажется, что это было ужасно давно, что я никогда там не была. Я почти ничего не помню. Только море. Как жаль, что тебя не было с нами, Андрей. Но в будущем году...

Она натянула чулки, застегнула подвязки.

– Теперь туфли, и готово.

На голубом бобрике двумя шелковыми, еще теплыми комочками лежали чулки, как только что застреленные маленькие птицы.

– Хоть вы и квакер, Кром, а губы я все-таки накрашу. Ведь здесь Париж.

Одэт суетилась около зеркала.

– Я уже выпила. Видите, у меня блестит нос, и никак его не запудрить. Как же я буду еще обедать?

Николай допил бутылку.

– Ну, теперь можно и ехать.

Кромуэль смотрел на все кругом: на бегающую по комнате Лизу, на ее брата, на Одэт, на Андрея – с каким-то странным чувством смущения, радости и беспокойства. Как будто он уже не имел права сидеть здесь, как будто уже не смел слушать Лизин смех. И оттого что он здесь, наверно, в последний раз и завтра его не позовут сюда, эта комната и эти люди казались ему необычайными и прелестными. Он смот-

рел на Лизу, и сердце его тоскливо холодело. Он смотрел на нее не так, будто он сидел тут рядом с ней, а так, будто он уже давно ушел от нее, умер и уже не он сам смотрит, а его душа, улетевшая из его тела, смотрит с неба сквозь потолок, смотрит с отчаянием и страстью, стараясь все увидеть, все запомнить. Только одну минуту. А там – вечность. И уже никогда не увидишь Изольду.

Лиза надела Наташину шляпу и шубку с большим горностаевым воротником:

– Я готова.

Она открыла дверь и выбежала. Кромуэль догнал ее на круглой лестнице. Она стояла у полутемного окна.

– Что же они так долго? – шепотом спросила она.

Он не удивился ее тихому голосу.

– Изольда, я вас люблю, – сказал он так же тихо.

Она вздохнула. Лицо ее стало грустным.

– Ах, зачем это? Не надо больше. – И покачала головой.

Одэт и Андрей шумно спускались с лестницы.

– Что ты, Лиза? То час возишься, а то не можешь минуту подождать.

Они вышли в сад.

– А где же ваш автомобиль? – удивилась Лиза.

Кромуэль покраснел:

– Он в гараже. Мотор испортился.

Лиза поморщилась:

– Как досадно. Терпеть не могу такси. Его скоро починят?

– Да, завтра. Непременно.

...На белой скатерти ваза с гвоздиками и рядом стакан с длинными соломинками. Какой веселый и таинственный свет. Откуда он идет? Из-под зеркал, из-за края потолка и еще откуда-то, неизвестно откуда.

– Жарко. – Лиза сдвигает шляпу на затылок, и от этого у нее сразу совсем детское лицо, как у девочки, набегавшейся в саду. – Весело. – Она улыбается.

Одэт пьет шампанское маленькими глотками, запрокинув коротко остриженную голову.

– Да, весело.

Лиза ставит локти на стол.

– Нам очень весело всем вместе. И очень хорошо. Вот кругом все эти люди. Им, наверное, не так весело. Ну, выпьем за нас.

Она чокается с Одэт. Андрей протягивает стакан Кромую-элю, стараясь улыбнуться.

Одэт показывает на него вилкой.

– Ревность, – говорит она по-русски.

Лиза толкает ее:

– Молчи.

Николай что-то подробно рассказывает, но никто не слушает.

Лиза чувствует себя счастливой. Она полужакрывает глаза. Все приятно – и этот таинственный свет, и эта резкая музыка. Лиза прислушивается. Вот он какой, этот джаз. Весело.

лый, шумный, трещащий – кажется, сейчас лопнет от радости. А где-то там, внизу, горечь, а где-то там печаль. И она слышна. Она пробивается. Вот он какой. Но так и надо. И от этого еще веселее. Голова легко кружилась, и от этого все особенно ясно и понятно. Как будто все чувства, и зрение и слух, вдруг обострились. Она слышит то, что за три столика дама в белом платье говорит своему спутнику:

– Это невозможно. Мы не можем расстаться.

И его ответ:

– Ах, оставь. Я должен ехать.

У дамы в белом такой грустный вид и ресницы дрожат. Слышит ли Одэт? Спросить лень.

А если подумать о прошлом, мысль вдруг уходит треугольником через этот зал, и стену дома, и улицу. И в этом треугольнике все, что нужно, все, о чем думаешь, именно то, о чем вспоминаешь. Вот если о маме. Сразу и испуганный Кролик, и Борис, и мамин голос. И вот тут мама смеется, тут она плачет. И вот она поет «Очи черные». И надевает новые серьги. И все так ясно, и так жаль ее. Только не стоит об этом думать, а то расстроишься. И все ясно. И жизнь. И любовь. И автомобили, подъезжающие к ресторану там, на улице. И эти две женщины в парчовых накидках, входящие грациозно и небрежно. Бедные. Они думают, что они красивы, что ими все любят. А они смешны. Лизе трудно удержаться, чтобы не рассмеяться им прямо в лицо. Она отворачивается и чувствует, как под столом чья-то рука пожимает ее коле-

но. Чья? Андрей сидит рядом, Кромгуэль напротив. Она не старается понять, чья это рука. Ей безразлично. Ей просто приятно. Она улыбается и смотрит вверх на слабо освещенный потолок:

– Как весело, как хорошо.

Она снимает шляпу. Светлые волосы, как сетка, падают ей на глаза. Теперь все как будто в тумане. И еще приятнее.

Как много говорит Николай, и Одэт тоже. Слишком много они говорят. Она уже не чувствует руки на колене. Зачем ушла эта рука? Было так хорошо.

Лиза поднимает голову:

– Я хочу танцевать.

Андрей и Кромгуэль оба встают. Глаза их встречаются.

Одэт бьет в ладоши:

– Вот вы и соперники. Теперь вам надо драться на дуэли.

Лиза тоже встает:

– С вами, Кром.

Она осторожно выходит из-за столика. Голова кружится, так легко оступиться, упасть.

Вот она в середине зала. Паркет блестит, и кругом все кружится. И Лиза тоже кружится. Как легко танцевать. Ее короткое голубое платье разлетается веером. Ничего, пускай.

Как легко танцевать, как весело, какая прелестная, веселая, грустная музыка. Голова кружится.

– Держите меня крепче. Я упаду. Ах, зачем и кончили? Я хочу еще танцевать.

Они снова усаживаются за столик.

– Теперь с тобой, Андрей. – Лиза улыбается. – Сегодня ужасно весело. Я хочу каждый день так обедать.

В ресторан входит высокий англичанин во фраке. На минуту он останавливается, удивленно и холодно смотрит на Кромуэля, потом идет дальше к свободному столику у окна. Кромуэль краснеет и быстро встает.

– Кром, куда вы? – Лиза берет его за руку.

– Это... это Лесли, мой двоюродный брат. Мне надо с ним поговорить.

Он быстро пробирается к англичанину. Даже уши его краснеют от волнения. Лиза вытягивает шею, хочет услышать, что они говорят. Но музыка оглушительно гремит. И не все ли равно, что скажет этот надутый англичанин.

– Пойдем танцевать, Андрей.

И опять все кружится, и платье развевается веером, и сердце замирает и падает.

Кромуэль уже сидит за их столиком, все такой же красный, и на тарелке сложенный счет. У Одэт капризное и злое лицо.

– Уже уходить? – Лиза садится на диван. – А я не хочу.

– Надо; Лесли сказал, что пожалуется моей матери и... – Кромуэль еще больше краснеет.

Лиза пожимает плечами:

– Ну и пусть жалуется.

– Тогда меня пошлют обратно в Лондон.

Лиза вздыхает:

– Как глупо. Было так весело. Надо же было этому английскому черту...

Она встает. Андрей подает ей шубку с горностаевым воротником. Лиза кутается в нее, смотрится в зеркало, качает головой:

– Было так весело.

Она медленно идет к выходу. На нее смотрят. «Какая хорошенькая!» – доносится до нее. У выхода она останавливается, поджидая других, и, повернув голову, смотрит на англичанина во фраке.

Он тоже смотрит на нее холодно и возмущенно. Он держит в руке меню, лакей стоит перед ним, почтительно нагнувшись, но англичанин ничего не заказывает, он ждет, чтобы Кромуэль ушел.

Лиза насмешливо кивает ему, потом вдруг открывает рот и показывает ему язык. Все это произошло так быстро. Она уже идет по холлу. Она успела только услышать, как кто-то в зале захохотал, кто-то заплодировал ей.

– Ты с ума сошла, – шепчет Одэт.

Андрей берет ее под руку:

– Молодец, Лиза, постояла за нас.

Кромуэль молчит.

– Куда же мы теперь? – спрашивает Николай.

Одэт размахивает шляпой:

– Дальше, дальше.

На улице холодно. Проезжают автомобили.

– Ну, куда же мы?

Они стоят на улице и смотрят друг на друга. Одэт смеется:

– Куда же мы?

– К сожалению... я... мы... – Кромгуэль путается. – Мы

никуда не можем ехать.

– Как? Почему?

Кромгуэль не сразу отвечает, словно он что-то обдумывает.

– У меня нет денег, – говорит он тихо.

– Нет денег? – переспрашивает Николай. – Но...

– У меня нет денег, – повторяет Кромгуэль. – Я сейчас истратил последние. Сегодня я заложил автомобиль, и больше взять негде. И теперь меня еще встретил Лесли.

Николай подходит к нему совсем близко:

– А твоя мать?

– Она не даст мне ни франка до Рождества.

– До Рождества? – Николай насмешливо свистит и разводит руками. – До Рождества.

Лиза кутается в шубку, прячет руки в широкие рукава. Она как будто не слышит, это ее не касается.

– Как холодно, – рассеянно говорит она.

Никто ей не отвечает. Они все еще стоят на тротуаре.

Николай поднимает воротник пальто.

– Что ж? Надо все-таки домой добраться. Надеюсь, ты нас довезешь?

Кромуюэль кивает:

– Да-да. Конечно. – Он останавливает такси. – Нас пять человек. Я лучше сяду с шофером.

Андрей подталкивает его:

– Влезайте. Все поместимся.

Они ехали по темным пустынным улицам. Все молчали.

Кромуюэль смотрит на Лизу.

Сейчас, сейчас ее дом. Она не пригласит его. Даже пяти минут ему не осталось побыть возле нее. Даже пяти минут. Она не пригласит его к себе. Как бы холодно она ни сказала: «Может быть, вы зайдете?», даже если она приставит: «Уже поздно», он все-таки пойдет. Только бы еще раз войти в ее дом, в ее комнату. Увидеть ее глаза при свете, сесть рядом с ней на диван.

Она сидела, отвернувшись к окну. Шляпа из белых перышек соскользнула на пол. Кромуюэль поднял ее и положил Лизе на колени. Она даже не повернула головы.

– Тебя тошнит? – спросила Одэт.

Лиза скривила губы:

– Мне отвратительно.

Такси остановилось. Лиза вышла первая. Лицо ее было бледно. Она протянула руку Кромуюэлю:

– До свидания. Вы, наверно, поедете прямо домой. Мы все так устали. Спокойной ночи.

Одэт тоже простилась с Кромуюэлем.

– Спасибо, – сказала она.

– За что? – растерялся он.

– За веселый вечер. – Одэт, улыбаясь, кивнула ему и побежала за Лизой.

Лиза уже поднималась по лестнице. Пола слишком длинной шубы волочилась по ступенькам. Ее светлые волосы тускло блестели. У нее был одновременно и несчастный, и царственный вид.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Андрей и Николай вошли в дом. Дверь хлопнула. Кромуэль остался один, отпустил такси. Лучше пойти пешком. Может не хватить денег.

Кромуэль стоял один посреди улицы. Что теперь делать? Ах да. Надо идти домой. Нельзя стоять ночью у чужого забора. Со шляпой в руках. Как нищий. Он надел шляпу. Надо идти домой. Ведь он знал, что все так будет. Разве не этого он ждал? И все-таки. Она даже не взглянула на него, будто его уже не было. Да, его уже нет. Он уже не существует. Раз он не может развлекать ее и ее друзей. Он шел по тихим, незнакомым улицам. Деревья в садах осторожно шумели. Небо понемногу светлело.

Он вспомнил, как в первый раз увидел Изольду. Какой он был счастливый, пока не знал ее. Какой счастливый, и не понимал.

Он вспомнил песок, и волны, и заход солнца. И вдруг ясно увидел девочку, утонувшую в тот день, ее черное мокрое

трико, тонкие ноги и белое мертвое лицо с закрытыми глазами.

Ему стало жаль ее. В первый раз. Тогда от волнения, от страха за Изольду ему было некогда подумать о ней.

«Бедная, бедная».

У нее было такое милое, такое правдивое и спокойное лицо. Она бы не поступила так, как Изольда. Нет, она была дру-
гая.

От жалости его собственное горе вдруг на минуту поблед-
нело. Но только на минуту.

– Изольда, – сказал он громко и заплакал.

«Что же это? – с отчаянием подумал он. – Плачу. Скоро мышей пугаться буду».

Он вытер глаза ладонью. Небо стало уже совсем светлое. Серые, легкие облака просвечивали розовым.

Кромгуэль вздохнул, поднял голову и взглянул на небо. Мертвое, бледное, прозрачное лицо утонувшей девочки смотрело на него. Оно было тут, совсем близко. Оно свети-
лось перед ним на рассветном, холодеющем парижском небе. Прозрачное, ясное, почти счастливое. От него веяло молча-
ливым утешением. Бледные губы улыбались ему, и от этой улыбки шло сияние.

Становилось все светлее. Облака таяли в рассветном небе. Лицо стало смутным, неясным. Уже нельзя было разгля-
деть ни закрытых глаз, ни тонких бровей. Все расплывалось. Осталась только одна улыбка. И вот даже улыбка исчезла. Но

на розоватом небе, там, где было лицо мертвой девочки, еще долго дрожало какое-то легкое сияние.

4

Урок кончился. Лиза сняла черный передник. Рядом с ней Одэт, бледная, с кругами у глаз, укладывала книги в портфель. Лиза толкнула ее локтем:

– Ты что такая кислая?

– Скверно. Голова болит.

– На воздухе пройдет. И ты, как придешь домой, съешь соленый огурец.

– Огурец?

– Ну да. Коля всегда ест после кутежа. Сразу пройдет.

Подошла учительница и потрогала лоб Одэт:

– Нет ли у вас жара? Теперь эпидемия гриппа. Вы, наверное, опять играли без пальто. Вы такая неосторожная.

Лиза тихо рассмеялась.

Ученицы, крича и толкаясь, выбежали из класса. В прихожей долго одевались. Лиза натянула синее детское пальто с золотыми пуговицами, не глядя в зеркало, надела круглую детскую шапочку. Тут она девочка, ученица и так и должна себя вести.

Она низко присела перед классной дамой:

– До свидания.

И классная дама благосклонно улыбнулась:

– Если бы все ученицы были такие, как эта маленькая русская.

На улице Лиза взяла Одэт под руку:

– Ну как? Легче?

– Немножко.

– Ты только не забудь. Кислый огурец, а если не поможет, десять капель нашатырного спирта.

– Вы домой? – крикнула черная, худая Анжель. – Мы с Жаклин хотим пойти в рыбий музей.

– Рыбий музей? Что это такое?

– А вот увидите.

Жаклин взяла Лизу за плечо.

– Пойдем с нами, – вкрадчиво попросила она. – С тобой всегда весело. Пойдем, Лиза. Ведь совсем близко тут. У Трокадеро.

Лиза кивнула:

– Ну хорошо, если тебе очень хочется.

Жоржет просунула руку под Лизин локоть:

– Я вчера ходила в зоологический сад смотреть орангутангов. Они такие огромные, грустные, совсем как люди. Мне их очень жаль. А львы смешные. И жирафы есть. А ты, Лиза?

– Мы с Одэт были в кинематографе.

Одэт удивленно подняла брови и глубоко вдохнула сырой осенний воздух.

– Мы видели замечательную картину. Показывали рестораны и дансинг. И все напились и целовались. Очень интерес-

но и неприлично. А потом у одного не было денег, и все вернулись домой, а его оставили перед дверью. Актрисы были прелестные, и актеры тоже. – Лиза улыбнулась. – В особенности один, такой черный, немножко похожий на птицу.

У Жаклин заблестели глаза.

– Неприлично. А в кровать ложились?

– Нет, кровати не было. Но под столом брали за колено.

– Да? В каком это кинематографе?

– На Ламотт-Пикэ. Только вчера эта картина шла в последний раз.

– А кончилось хорошо? – вмешалась Анжель.

– Ну конечно. Одна вышла замуж за черного, а вторая за ее брата, и все были счастливы.

Одэт захлопала в ладоши:

– Ах, какая ты милая, Лиза!

– Что это с ней? – удивилась Анжель.

Лиза пожала плечами:

– Жар, должно быть. Она жаловалась, что у нее голова болит.

Одэт запрыгала перед ними:

– Ну да, жар. У меня грипп начинается.

Лиза поймала ее за воротник пальто:

– Перестань. Ты похожа на лягушку, когда прыгаешь.

– А ты на ножницы, когда бегаешь.

– Вот тут направо. – Анжель завернула на узкую дорожку, ведущую в грот.

В гроте было сыро и холодно. С каменных неровных стен капала вода.

– Теперь встаньте гуськом, возьмитесь за руки и закройте глаза. Дай мне руку, Одэт. Я поведу вас. Только не открывайте глаз, пока я не скажу «можно», и молчите. Ну, идем.

Они нестройно двинулись, наступая друг другу на ноги и толкаясь как слепые.

– Мне страшно, – прошептала Жаклин.

Анжель сжала ее пальцы:

– Молчи. Теперь направо. Осторожней, здесь выступ.

Анжель остановилась.

– Смотрите, – сказала она громко.

Они открыли глаза. Они стояли в узком, светлом коридоре. С обеих сторон поднимались стеклянные стены, и в зеленоватой прозрачной воде медленно плавали большие рыбы. Электрический свет, проходивший сквозь воду, казался бледным лунным светом.

– Там змеи! – Одэт вцепилась в Лизин рукав.

– Глупая, это угри.

Черные, блестящие, живые ленты медленно извивались среди зеленых водорослей.

– У-у, противные. Пойдем дальше.

Они были совсем одни. Шаги их звучали гулко и глухо.

– Как странно. Будто мы идем по дну моря, – тихо сказала Лиза. – Как евреи по дну Красного моря, и с обеих сторон вода.

Лиза стояла рядом с Анжель и смотрела на водяную стену. Вода казалась зеленой и холодной и тихо журчала. Большие рыбы тяжело проплывали, медленно шевеля плавниками, их рты широко раскрывались, круглые плоские стеклянные глаза смотрели прямо перед собой невидящим взглядом. Лизе казалось, что стекло сейчас со звоном треснет, из-за него хлынет вода и большие, холодные, скользкие рыбы поплывут по ней, по ее лицу, по ее груди.

Она вздрогнула.

– Смотри, какое лицо у этого, – смеялась Жаклин. – Вот тот, который лежит на дне с красными жабрами. Совсем наш учитель истории. Ему бы только очки.

Лиза смотрела на рыб не отрываясь. От журчащей зеленоватой воды, от бледного света, от вида этих чудовищных морд и блестящей чешуи, влажного, натопленного воздуха шла какая-то томительная, лунная тяжесть.

Смех Жаклин раздавался словно где-то далеко. Колени стали слабыми. Прислониться бы к стеклянной стене, за которой рыбы. Стоять бы так, но чтобы рядом была не Жаклин, а Андрей. Чтобы он стоял здесь рядом и целовал ее в губы, а она смотрела бы на этих огромных рыб и чтобы рыбы видели. Стоять так долго, долго и целоваться, пока не закружится голова, и тогда вместе лечь на земляной влажный пол.

Лиза повернула голову к Одэт:

– Должно быть очень приятно целоваться здесь перед рыбами.

– Целоваться? – переспросила Жоржет. – Разве ты целуешься?

Лиза покачала головой:

– Нет. Но я бы хотела с тем черным, из вчерашней картины.

Жаклин покраснела.

– Мне было бы противно целоваться с мужчиной. Вот с тобой или с Анжель, – она мечтательно улыбнулась. – Я летом жила в Бретани у дяди и спала в одной кровати с моей двоюродной сестрой Симон. Это было очень приятно. В лунные ночи мы всегда целовались.

– Почему в лунные? – удивилась Анжель.

– В лунные ночи мы обе не могли уснуть. И от луны Симон становилась такой бледной и нежной. Мы иногда целовались до самого рассвета.

– А в саду пел соловей? – насмешливо спросила Жоржет.

– Нет, в саду пели лягушки. Они чудно поют летом. – Она замолчала на минуту. – Но с мужчиной я не могла бы. Мне противно.

Лиза покачала головой:

– Я не понимаю. Мы тоже часто спали с Одэт в одной кровати, но никогда ничего.

Жаклин еще больше покраснела:

– Мужчины всегда грубы. И они плохо бреются. У них на щеке колючки.

– Это не заметно, когда целуешься, – быстро сказала Одэт.

– А ты почему знаешь?

Одэт застенчиво опустила веки:

– Мне так кажется. А то бы никто не целовался. Ну, идем.

Пора домой.

Они вышли на улицу.

Анжель отогнула перчатку и взглянула на часы:

– Целых двадцать пять минут на рыб потратили. Я в прошлый четверг весь Лувр в сорок минут осмотрела. А если бы на мне были туфли на гвоздях, я бы и в полчаса покончила бы с ним.

Лиза кивнула подругам:

– Прощайте. Я на трамвай, – и, подхватив портфель с книгами, побежала к остановке.

5

Лиза открыла своим ключом входную дверь. В большой прихожей было тихо и темно. Она сняла пальто и осторожно, на носках вошла в гостиную. Дверь из спальни Наталии Владимировны стояла широко распахнутой с каким-то сиротливым и пустым видом.

– Наташи нет? – Лиза осторожно заглянула в спальную. С еще не убранной постели свешивались простыни, на кресле лежала смятая шелковая рубашка.

Знакомо и душно пахло духами.

– Ушла. – Лиза разочарованно поморщилась и зевнула во

весь рот. – Ужасно хочется спать. И скучно ужасно.

Она поднялась к себе, разложила книги и тетради на столе.

Из соседней комнаты слышался голос Николая:

– Какой идиот. Какой идиот этот Кромуэль.

– Черт с ним, – раздраженно ответил Андрей.

«Андрей здесь». Лиза поправила перед зеркалом волосы, обернула короткое клетчатое платье и вошла к брату.

– Вы так тихо сидите. Я не знала, что вы дома.

Николай сердито курил.

– Дома. Где же нам теперь быть? Теперь успеем насидеться дома. По милости твоего Кромуэля.

Лиза села в кресло у окна.

– Ну, Коля. Что же ты злишься? Он не виноват, что у него нет больше денег. Ведь он нас два месяца возил.

– Вот я и привык за два месяца. Мне тошно сидеть дома.

Андрей пожал плечами:

– Я даже рад. По крайней мере, не будет он вечно торчать здесь.

– Ах, оставь, пожалуйста. – Николай бросил папиросу на пол.

Лизе стало скучно.

– Я пойду готовить уроки.

– И куда торопиться? – Николай посмотрел насмешливо на сестру. – Кажется, ведь никуда вечером не пойдешь.

Лиза села к столу, открыла учебник алгебры. Задача не

выходила. Лиза долго билась над ней и наконец решила ее.

– Вот и справилась с тобой, глупая задача. Напрасно ты брыкалась. Сказала, что решу, и решила.

– Обедать! – позвал снизу Николай.

Лиза побежала вниз.

Большая лампа низко спускалась над столом. Тарелки и стаканы криво стояли на помятой скатерти. Вилки и ножи лежали кучей.

– Да, сервировка, – насмешливо сказал Николай. – Это тебе не ресторан.

Лиза села к столу, развернула салфетку. Прислуга толкнула дверь ногой и вошла, неся миску. Лиза разлила суп, потом попробовала его:

– Невкусно.

– А ты ешь, не рассуждай, – посоветовал Николай. – Вкусного здесь все равно ничего не получишь.

Лиза отложила ложку. Андрей молча ел, опустив голову.

– Даже пива в этом доме нет, – ворчал Николай.

Мясо оказалось пережаренным.

– Да, это тебе не «Кафе де Пари», – повторил Николай. –

Проклятый Кромуэль.

– А на сладкое что?

Прислуга покачала головой:

– Сладкого нет. Барыня сегодня десять франков оставила.

И так не знаю, как обед сделала. А вы еще сладкое требуете.

Лиза нетерпеливо дернула плечом:

– Идите на кухню, Даша.

– Может, чаю хотите? Это можно.

– Дайте хоть чаю.

Лиза пересела на диван.

– Что же мы теперь делать будем?

– Что? А ничего. – Николай пожал плечами. – Сиди себе как китайский болван и качай головой. Если хочешь, можешь петь для развлечения:

Голова моя качается, качается, качается,

И язык мой извивается, вивается, вивается.

Больше делать нечего.

Андрей размешал сахар в чашке.

– Конечно, не очень забавно.

Лиза подняла голову:

– Но почему? Разве мы не можем сами развлечься? Если надоело сидеть дома, поедем на бульвары, в кафе.

– За семь верст киселя хлебать. А стоить это будет франков пятнадцать с метро. У тебя найдутся пятнадцать франков, Лиза?

Лиза покачала головой:

– Нет.

– Ну так сиди и не двигайся. – Он промолчал. – Проклятый Кромгуэль. Денег нет. Автомобиль заложил, а сам мне рассказывал: мать держит деньги в незапертом шкафу и да-

же не знает, сколько у нее бриллиантов.

Лиза взглянула на брата:

– Ну и что же из этого?

Николай ничего не ответил. Лиза смотрела на неубранный стол, на тарелки с остатками еды, на злое и печальное лицо Андрея. Дверь в темную гостиную осталась открытой. За окном глухо шумели темные деревья.

Андрей зевнул:

– Скучно.

Лиза тоже зевнула:

– Да, скучно. У меня даже переносица начинается болеть от скуки. Спокойной ночи. Я пойду спать.

Она встала.

– Проводи меня наверх, Андрей.

Андрей подложил подушку под голову:

– Лень. Я так удобно лежу.

– Как хочешь. Спокойной ночи.

Она прошла в прихожую и, не зажигая света, стала медленно подниматься по лестнице. Сквозь длинное скошенное окно слабо светила луна. Черные тени качающихся ветвей скользили вверх и вниз по белым ступенькам. Лиза, держась за перила, посмотрела вниз, в прихожую. Было темно и тихо. Из-под двери гостиной пробивалась узкая желтая полоса света. Большое зеркало на стене тускло блестело. Будто это не зеркало, а вода. И в ней, в этой темной, тихой, лунной воде, плавают не тени, а огромные сонные рыбы. Как там,

в рыбьем музее. Лизе вдруг снова захотелось, чтобы рядом был Андрей и целовал ее в губы. Долго, долго, пока не закружится голова.

– Андрей, – громко позвала она, – Андрей!

– А, что тебе? – лениво отозвался Андрей из столовой.

– Ничего, ничего, – крикнула Лиза. – Спокойной ночи. – И прислушалась, не идет ли он. Но все было тихо. Тогда она вздохнула и, чувствуя, как вдруг стало неудобно дышать от боли в горле, медленно вошла к себе.

– Неужели это любовь? – подумала она, запирая дверь на ключ. – Стоит ли жить, если это любовь?

Она разделась, сняла голубую бархатную покрывалку с дивана, легла и натянула одеяло.

Скорей бы заснуть.

Диван показался слишком широким, шире, чем всегда. Тяжелые, холодные простыни давили грудь. Лечь бы поперек: может быть, удобнее будет. Но двинуться было трудно. Она лежала, прижавшись щекой к холодной подушке.

Отчего так грустно? Ведь ничего особенного не случилось. Андрей? Но завтра он будет опять влюбленным и нежным. Что же тогда?

Все хорошо, все отлично. Но тревога росла. Что же это?

Разве ей не хорошо? Разве она не весело живет? Такая хорошенькая, все влюблены, и в школе первая ученица. Чего же еще? Сегодня было скучно оттого, что вчера слишком много выпили. А завтра опять будет весело. И все, все хоро-

шо.

Но сердце билось громко и тяжело. Что же это? Что? Кровь медленно и тяжело струилась по телу, и горло сжималось от тревоги и страха. Она открыла глаза. Сквозь шторы тускло светила луна. Она взглянула на стол, на учебники, на свое платье, висевшее на стуле. Все было такое обыкновенное, как всегда. Прочное, знакомое. «Завтра пойду в лицей, могут вызвать по географии, – нарочно думала она об успокоительных, детских вещах. – Пойдем играть в теннис с Одэт».

Но тревога все росла, от страха холодели ноги. Что же это такое?

Страх все рос. Он стоял тут, около кровати, он наваливался на грудь, и уже почти нельзя было дышать. И вдруг чей-то тонкий, вкрадчивый, колючий голос пропел, точно комар, над самым ухом:

– Бедная, бедная, бедная. Что с нею будет? Что ее ждет? А она спит, а она не знает.

Лиза с трудом отбросила одеяло, пошарила рукой по стене и зажгла свет.

– Что с нею будет? – повторила она. – Все будет хорошо. Кончу лицей, выйду замуж за Андрея. А теперь надо спать.

Она щелкнула выключателем и снова положила голову на подушку. Но тревога и страх не проходили.

– Уснуть, уснуть и завтра проснуться веселой, – прошептала она.

Ей показалось, что диван медленно поднялся и снова опустился. «Как на американских горах, – подумала она. – Засыпаю. Скорей бы, скорей». И чтобы вызвать сон, стала представлять себе стадо баранов на берегу реки. «Вот я беру одного за рога и веду его через мост, вот я беру второго за рога...»

Стало неприятно, душно, рука неудобно давила щеку. Только не двигаться. «Сейчас пройдет, сейчас засну». Река вдруг поднялась кверху, выросла, как гора, белые рогатые бараны быстро заплывали в зеленой воде. «Рыбы, – с трудом подумала Лиза и с блаженством и освобождением прошептала: – Сплю».

6

Кролик сидел в ресторане за столиком и ждал Наталию Владимировну. Была уже половина второго, она обещала приехать в час, и Кролик волновался. Он был все такой же, не изменился, только теперь в зубах торчала не сигара, а трубка, котелок был запылен, и вместо шубы с бобровым воротником на нем было летнее короткое пальто.

В кармане у Кролика лежали триста франков, доставшиеся с таким трудом.

– Сто франков – завтрак, двести – ей.

Все из-за нее. Из-за Наташи. И хотя бы она чувствовала. О, тогда все было бы совсем, совсем другое. Но она бессер-

дечная. Ей все равно. Она даже не замечает. Он с ненавистью смотрел на клетчатую скатерть, на низкие четырехугольные окошки, на стены, разрисованные овечками и поросятами, на весь этот фальшиво-нормандский стиль. В сущности, ему не за что было ненавидеть этот ресторан. Ненависть его относилась к Наташе. Ее он ненавидел. Ее и себя. Ее – за то, что она довела его до позора и нищеты, он так и думал: «Позора и нищеты». Себя – за то, что позволил довести себя до этого.

Лакей во второй раз подошел с карточкой. Кролик раздраженно махнул на него рукой:

– Я жду даму, – и отвернулся.

Но лакей почтительно нагнулся к нему:

– Господин Рохлин, вас просят к телефону.

– Меня?

Кролик вскочил:

– Где у вас телефон? Где?

Голос Наташи громко и резко проговорил в трубку:

– Это вы? Я не могу приехать завтракать.

– Но... Но почему?

– Не могу. – В трубке что-то щелкнуло.

– Наталия Владимировна, Наташа! – визгливо крикнул

Кролик.

Ответа не было. Он еще подождал, потом вызвал ее номер.

– Барыни нет дома, – ответила прислуга. – Барыня уехала час тому назад.

Он бросил трубку и почти подбежал к своему столику,

рванул с вешалки пальто, надел боком пыльный котелок и, ничего не говоря, покатился к выходу мимо удивленного и осуждающего лакея.

«Найти ее, найти», – несло в его голове.

7

В этот день Лиза рано вернулась из лица. Дома никого не было – ни Наташи, ни Коли, ни даже прислуги.

Лиза прошла к себе, села на голубой диван. За окном мокрые рыжие листья тихо кружились и падали, как мертвые мокрые бабочки. Тонкие черные ветви деревьев жалобно дрожали. Косой дождь длинными струйками сбегал по окну. Сквозь мокрое блестящее стекло этот знакомый вид казался каким-то особенным, жестоким и безнадежным.

Лиза вздохнула. Как грустно сидеть совсем одной в пустом доме. И даже на улице нет никого. Совсем одна. Как на необитаемом острове.

Она протянула руку, взяла книгу с полки. «Бесы». Читала уже. Ну, все равно.

Она подтянула под себя ноги и наклонилась над книгой. – «Путешественница», – прочла она название главы. – Это когда к Шатову возвращается жена, – вспомнила она. – Кажется интересно.

Она читала долго. Потом вдруг подняла голову.

– Николай Ставрогин – подлец, – сказала она громко, и

слезы потекли из ее глаз. – Господи, как хорошо! Как можно так писать! Как я раньше не понимала!

Она прижала руки к груди.

Все сразу изменилось. Вся жизнь и сама она, Лиза. Жизнь была прекрасной и страшной, душераздирающей и пронзительной, и сама она, Лиза, была взрослой женщиной, а не девочкой, как только что. Взрослой женщиной, впервые плававшей от жалости, восторга и доброты.

– Ах, как хорошо!

Лиза встала на колени и еще сильнее заплакала, прижимаясь лицом к шелковой ручке кресла.

Сердце разрывалось от благодарности, от избытка любви. В голове неслись путанные, не совсем понятные мысли, и руки дрожали.

«Надо, необходимо сделать что-то. Но что? Не для себя, для других. Вот, броситься под поезд, войти в клетку к тигру, пожертвовать собой, погибнуть. Погибнуть».

Она сжала руки. «Да, да. Не для себя, для других. Ей ничего не надо, только бы другие были счастливы». Она подняла книгу с пола и поцеловала ее.

– Спасибо вам, Достоевский, спасибо вам, – сказала она громко и вытерла глаза, чтобы слезы не мешали читать.

В тишине щелкнул замок, прозвучали чьи-то быстрые шаги.

Лиза прислушалась.

«Наташа вернулась».

Она положила книгу на стол, сбежала вниз и постучала в запертую дверь спальни:

– Пусти меня, Наташа.

– Потом, Лизочка. Я занята, – ответила Наталия Владимировна каким-то задыхающимся, охрипшим голосом.

Что с ней? Лиза на носках прошла в шкафную. Стеклянная дверь, ведущая в спальную, была завешена густой кисеей. Лиза осторожно отодвинула кисею.

Наталия Владимировна сидела на кровати. Черно-бурая лисица свисала с ее плеча. Шляпа, туфли и перчатки лежали тут же на ковре.

Лица ее не было видно. Но ей, должно быть, было очень грустно. Она, должно быть, плакала.

Стеклянные глаза лисицы смотрели прямо на свою хозяйку. И с каждой секундой у лисицы становилась все более грустная, все более унылая морда. Вот-вот она жалобно заскулит.

Наталия Владимировна повернула голову. Свет упал на ее бледное, несчастное лицо. Из больших подведенных глаз медленно текли слезы.

Лиза испуганно смотрела на нее. Никогда еще она не казалась ей такой жалкой, такой близкой.

– Мама, – с отчаянием прошептала она, будто только впервые поняв, что эта красивая, несчастная женщина – ее мать. – Мама.

Ей захотелось войти, броситься к матери, утешить ее.

Она еще не знала, что скажет. Но неужели всей ее нежности, всей ее любви не достаточно, чтобы утешить мать?

Лиза уже взялась за ручку двери, но в прихожей позвонили.

«Даши нет», – вспомнила она и побежала открывать.

Солнцева, в красном непромокаемом пальто, быстро вошла:

– Лизочка? Какой дождь! Наташа дома?

Лиза враждебно оглядела ее:

– Дома. Только я не знаю...

Но Солнцева не слушала. Она быстро закрыла зонтик и отряхнулась, как мокрая болонка.

– В спальней? – спросила она и, не дожидаясь ответа, прошла вперед.

Лиза растерянно смотрела ей вслед.

«Меня непустила. Неужели ее впустит?»

Солнцева уже стучала в дверь:

– Это я, Таня.

Ключ сейчас же щелкнул в замке, и всхлипывающий голос сказал:

– Как хорошо, что ты пришла.

Лиза стиснула зубы от обиды.

«Ей рада, а меня прогнала. Мне нельзя туда. Я чужая ей».

Она снова пробралась в шкафную и, отодвинув кисейную занавеску, стала смотреть, что делается в спальней.

Теперь Солнцева сидела на кровати рядом с Наталией

Владимировной.

– Успокойся, успокойся, Наташа.

Наталия Владимировна всхлипывала, прижимаясь лбом к плечу подруги:

– Он сказал мне: «На что ты мне. Старая, без денег. Таких, как ты, не любят».

– Наташа, перестань. Не говори о нем. Забудь его.

– Забыть. Разве я могу его забыть? Я его люблю. Он от-
вратительный, он глупый, он злой. Он мне говорит: «Уби-
райся». Он меня сегодня по морде.

Лиза тихо ахнула за занавеской и прижала руки к груди.

«Маму, мою маму».

От ненависти к Борису, от жалости к матери вдруг зазвело в ушах, и все закружилось. Лиза схватилась рукой за занавеску.

А Наталия Владимировна быстро говорила, блестя глазами:

– Я не могу, не могу, не могу без него.

Волосы упали ей на лоб, и она нетерпеливо откинула их.

– Ему нужны деньги. Но откуда мне взять? И ему всегда мало.

– Ты должна его бросить, Наташа. Иначе тебе конец.

– Конец. – Она встряхнула головой, и волосы снова упали ей на глаза. – Ну и пускай, пускай конец. С ним или без него – мне все равно конец. Я это поняла сегодня, когда он меня ударил. Знаешь, я его еще больше полюбила.

Снова резко и протяжно зазвенел звонок, Лиза побежала в прихожую.

«Неужели это Борис? Неужели он посмел?»

Лиза отперла дверь.

– Кролик? – вскрикнула она. – Кролик, что с вами? Что случилось?

Перед ней стоял Кролик. Дождь ручьями стекал с его котелка на измятое, промокшее пальто. Круглые голубые фарфоровые глаза шало смотрели сквозь мокрые стекла пенсне.

Он пошевелил губами.

– Наташа, Наталья Владимировна дома? – с трудом проговорил он.

– Дома. Но она, кажется, нездорова. Что же вы стоите под дождем? Войдите, я сейчас спрошу.

Кролик махнул рукой, не двигаясь с места:

– Позовите ее. Скажите, необходимо.

– Сейчас. Но вы войдите. Такой дождь, вы простудитесь.

– Скажите, необходимо, – повторил он и, будто чувствуя страшную усталость, закрыл глаза и прислонился к мокрой стенке.

Лиза без стука вбежала в спальню:

– Наташа, там под дождем Кролик. Совсем сумасшедший, страшный.

Наталья Владимировна раздраженно пожала плечами:

– Этому еще что нужно? Пойди прогони его, Таня. Скажи, что я больна, что у меня жар.

Лиза осталась одна с матерью. Ей хотелось встать на колени, поцеловать маленькие босые ноги, так беспомощно свесившиеся с кровати, но она не смела. Она только молча погладила холодную руку матери.

– Что, Лизочка? – рассеянно спросила Наталья Владимировна.

Лиза хотела ответить, объяснить, но Солнцева уже вошла.

– Тебе непременно надо ехать. Он совсем сумасшедший. Стоит под дождем. Бог знает, что он может наделать.

– Ты говоришь, надо ехать?

– Непременно.

Наталья Владимировна послушно встала, подняла шляпу с пола и, не глядя в зеркало, надела ее. Потом села в кресло, натянула чулки.

– Он такой страшный. Я испугалась, – говорила Солнцева.

Наталья Владимировна молча накинула шубу и заправила волосы под шляпу.

– До свидания, Таня. До свидания, Лизочка.

На пороге она остановилась:

– Ах, как я устала.

Лиза обняла мать и вдруг, сама не понимая, что делает, перекрестила ее.

– Что это? Зачем? – удивилась та и, запахивая шубу, медленно вышла в прихожую. – Довольны? Добились своего? – изменившимся злым голосом сказала она.

Кролик крепко взял ее под руку, будто боялся, что она убежит.

– Такси ждет.

Она протянула ему зонтик:

– Откройте.

Они спустились по мокрым ступенькам в мокрый сад. Кролик судорожно держал в вытянутой руке зонтик, балансируя и скользя по мокрой земле, как канатная танцовщица. Они сели в такси.

– Отодвиньтесь. Вы мокрый.

Наталья Владимировна спрятала лицо в широкий меховой воротник. Кролик молчал. Такси остановилось перед маленьким отелем с мигающей вывеской. Она подняла брови:

– Это еще что? Куда вы меня привезли?

– Идем.

Она пожала плечами:

– Вертеп какой-то.

Она брезгливо ждала, пока Кролик вел переговоры с слугой.

– Комната двадцать пять. Третий этаж. Лифт не действует.

– Этого не хватало. Ну, все равно. Только поскорей!

Она запахнула шубу и стала быстро подниматься. За ней, тяжело дыша, бежал Кролик.

На площадке он остановился, переводя дыхание:

– Тут.

Слуга стал деловито снимать пикейное одеяло с кровати.

– Не надо. – Кролик махнул на него рукой. – Идите.

Ключ щелкнул в замке.

Кролик повернулся к Наталии Владимировне.

– Теперь, – сказал он.

Она стояла перед ним в черной шубе, усталая и несчастная. Из-под шляпы выбивались незавитые пряди. Глаза смотрели зло и равнодушно. Бледные ненамазанные губы презрительно кривились.

– Теперь? – повторила она брезгливо.

«Да ведь она некрасива, как я не замечал? – вдруг подумал он. – Из-за этой некрасивой женщины я так мучился и умру. Она некрасива. – Он хотел ухватиться за эту мысль, как за спасительный круг. – Она некрасива, и, значит, я напрасно мучился. Она – некрасива, и тогда не надо...»

Он пристально и жадно смотрел на нее. Она некрасива, и, значит, он свободен. Он может открыть дверь и уйти и никогда больше не вспоминать о ней. Он свободен, раз она некрасива.

– Что же? – спросила она. – Мы так и будем стоять, мы так и будем молчать? Для этого вы меня сюда притащили?

От звука ее резкого, злого голоса сердце Кролика задрожало знакомой рабской дрожью.

«Свободен? Нет, он не свободен. Пусть она некрасива, пусть, это ничего не меняет. Надо кончать, – вспомнил он. – Ведь он решил это еще там, в ресторане. Надо кончать».

Он расстегнул пальто неслушающимися пальцами, засу-

нул руку в карман.

– Я убью тебя, – крикнул он визгливо и навел на нее револьвер.

Она не двинулась, она удивленно смотрела на него, и в глазах ее не было страха.

– Что же? Убей меня, – вдруг тихо сказала она. – Убей меня!

Она распахнула шубу на груди и подняла голову, чтобы ему легче было целиться.

Если бы она испугалась, если бы она протянула руки, если бы она отступила на шаг, он выстрелил бы. Но она стояла не шевелясь.

«Почти в упор, – смутно подумал он, – прямо в сердце. А потом себя».

Но рука дрожала, и пальцы стали вялыми и слабыми.

Он опустил голову, револьвер со стуком упал на пол.

– Не могу, – сказал он глухо.

– Не можешь? Жаль... – Она устало села в кресло. Распахнувшаяся шуба спадала с ее худых плеч, руки в белых перчатках устало лежали на коленях. Они не зажгли света, когда вошли. В комнате почти совсем стемнело. Она прислонилась к стене, закрыла глаза. Бледное лицо ее было несчастным и жалким.

– Наташа, – позвал он. – Наташа.

– Что? – спросила она, не открывая глаз.

– Наташа, Наташа... – Плечи его вздрогнули, и слезы

струей побежали из-под стекол пенсне. – Прости, прости меня, Наташа... Я так люблю тебя, прости меня... Я так несчастен...

Она протянула ему руку в белой перчатке:

– Я не сержусь. Я тоже несчастна.

Он не взял ее руки.

– Нет, нет, – зашептал он, вытирая слезы ладонью. – Нет.

Подожди. Я хочу не так... Я хочу, чтобы ты обрадовалась.

Она покачала головой:

– Чему я могу обрадоваться?

Он торопливо вынул чековую книжку. Слезы мешали ему.

– Что я делаю? – испуганно мелькнуло в голове. – Ах, все равно, все равно. Ведь я через час застрелюсь.

Он уже держал стило в руке.

– Двадцать тысяч. Нет, нет, все тридцать пять. – Он вытер глаза и четко вывел цифру на чеке.

Теперь конец. Теперь больше жить нельзя. Конец.

Она сидела все так же. Она, казалось, забыла о нем.

– Наташа, – позвал он жалобно, – Наташа, вот, возьми.

Она удивленно посмотрела на бумажку, белевшую у него в руках, потом взяла ее и, нагнувшись, стала рассматривать.

Ее рука в белой перчатке задрожала, брови поднялись. В темноте было видно, как заблестели ее глаза.

– Кролик, ах, Кроличек, спасибо! Мне как раз ужасно нужны деньги.

Голос ее зазвенел от радости:

– Спасибо, Кроличек!

Она улыбнулась, и ему показалось, что ее бледное, прозрачное лицо слабо светится в темноте.

Он почувствовал укол в сердце. И сразу вспомнил, как еще в Ковно, еще в детстве, в комнату за часовым магазином вечером вносили зажженную лампу. Не такую, как теперь, а настоящую керосиновую лампу, женственную, стройную и прекрасную. Сквозь белый матовый колпак шел нежный, белый, волшебный свет. И ничего на свете не было красивей этой лампы.

Он весь затрясся:

– Наташа, это я свою кровь тебе отдаю, это я свою жизнь отдаю тебе, Наташа. Ты знаешь, какие это деньги? Это чужие деньги. Это нефтяные деньги, – с ужасом шептал он.

– Чужие? Тогда не надо. – Она достала чек из сумочки. – Возьми, разорви.

– Оставь, оставь. Это твое. Не спорь.

Он стащил с себя мокрое пальто, бросил котелок на стол.

– Наташа, я хочу, чтобы ты была счастлива. Ну улыбнись еще раз. Улыбнись мне.

Он встал перед ней на колени и медленно, с мучительной нежностью припал губами к ее ногам.

«Как жаба, которую долго мучили, долго кололи булавками и наконец дали капельку воды», – подумала она и от жалости и отвращения закрыла глаза.

Лиза осталась одна в прихожей. Так она и не успела поговорить с мамой. Но ничего. Даже лучше. Она все обдумает, и когда мама вернется...

– Мама, мама, мамочка! – Она громко рассмеялась и побежала в гостиную. Моя мама. Не Наташа, не «она», как они говорили с Колей. Нет – мама.

Разве Лиза не сумеет сделать ее счастливой? Мама не знает. Ведь она все еще думает, что Лиза ребенок. А Лиза взрослая и всю жизнь отдаст ей. Да, всю жизнь. Только бы мама была счастлива.

Лиза взволнованно ходила из угла в угол.

«Борис. Но он не может помешать. Он глупый, он злой. Она, Лиза, выгонит его».

В одиннадцать часов вернулся Николай:

– Что же ты, Лиза, сидишь здесь, свернувшись, как осиротевший еж. Иди спать.

Лиза молча поднялась к себе и улеглась на диване, накрывшись платком.

Надо дождаться мамы. Теперь уже скоро.

Но и в час Наталии Владимировны еще не было дома. Лиза заснула не раздеваясь.

На следующее утро Лиза проснулась поздно, с головной болью. И сейчас же, вспомнив все вчерашнее, побежа-

ла вниз. В столовой возилась прислуга, раздраженно двигая стулья.

– Даша, барыня дома?

Прислуга потянула воздух носом:

– Дома-то дома, да не одна.

От волнения Лизе стало трудно дышать.

– Кто у нее? Кролик?

– Как бы не так! Борис... Борис Алексеевич.

Она презрительно подняла плечи и, повернувшись, стала стирать пыль с буфета.

– Она проснулась? – робко спросила Лиза.

– Кофе уже пили. Я за ветчиной уже бегала для него.

Надо подождать. Лиза снова уселась на то же кресло в гостиной.

Осуждать маму нельзя. Мама бедная, ее жалеть надо. И любить. Всем сердцем любить.

Из спальни слышался смех. Ненавистный голос Бориса говорил:

– Да, это ловко вышло. Это ловко. Ты у меня молодец. С тобой не пропадешь.

Как странно, как все переменялось! Вчера утром еще Борис был ей совершенно безразличен, а сегодня она задушила бы его собственными руками. Она протянула руки вперед. Вот так бы и задушила, с наслаждением. Дверь спальни открылась. В гостиную, в розовом капоте, быстро вошла Наталия Владимировна какой-то особенной, легкой, веселой по-

ходкой. За ней, подняв воротник пиджака, шел улыбающийся Борис.

– Лизочка! – весело вскрикнула Наталия Владимировна и, обняв дочь, крепко поцеловала ее.

Лиза спрятала лицо в розовом душистом шелке на груди матери.

– Лизочка, ты еще не знаешь? Я сегодня вечером еду в Ниццу.

– Едешь в Ниццу? – Лиза растерялась.

– Да. Ах, я так рада. Как жаль, что тебя нельзя взять с собой, Лизочка.

– Едешь сегодня? – повторила Лиза, щеки ее покраснели, глаза заморгали. – А я?

Борис с любопытством смотрел на нее наглыми черными глазами.

«Как два таракана», – подумала Лиза и с отвращением отвернулась от него.

– Слушай, Наташа. – Борис поправил пробор. – Возьмем ее с собой. Она такая хорошенькая.

Он осторожно протянул руку, осторожно погладил ее светлые волосы.

– Прелесть какая! Совсем ребенок и все-таки уже женщина. Прелесть.

Лиза сердито тряхнула головой.

– О! – рассмеялся он, отдергивая пальцы. – Звереныш, укусит. Право, возьмем ее, Наташа. Веселее будет.

Наталья Владимировна недовольно нахмурилась:

– Перестань, Борис. Лизе надо учиться. – Она холодно взглянула на дочь. – Отчего ты не в лицее?

Лиза еще больше покраснела:

– У меня болит голова.

Наталья Владимировна пощупала ее лоб:

– Пустяки. Жара нет. Стыдно лениться.

Лиза закусила губу от обиды.

– Я еще могу пойти.

– Конечно иди. Вечером поедете с Колей меня провожать на вокзал. Ну, до свидания.

Она рассеянно поцеловала ее.

9

Лиза надела в прихожей пальто, взяла свой портфель, оставленный здесь вчера. Не те книги, все равно. Только бы скорее выбраться из дома.

Она шла по улице, опустив голову. Никогда еще мама не говорила с ней так холодно, почти враждебно. А она мечтала, она надеялась... И сегодня вечером уезжает. Значит, она не успеет объяснить. Значит, все потеряно.

Наталья Владимировна вернулась домой только за час до отхода поезда. Лиза бросилась ей навстречу.

– Ах, Лизочка, сколько хлопот перед отъездом! – Она положила целый ворох пакетов на стол. – Что, вещи уже гото-

вы? Еще это нужно уложить. Помоги, Лизочка, Даша такая бестолковая.

– Я помогу, – предложил Борис.

Наталья Владимировна влюбленно улыбнулась:

– Ты? Разве ты в чем-нибудь можешь помочь, ты только мешать умеешь.

Лиза стояла на коленях перед открытым чемоданом. Наталья Владимировна передавала ей пакеты и командовала:

– Борины желтые башмаки можно вниз, не помнутся. Платье осторожней. Пиджак надо вдвое складывать. Видно, что ты еще замужем не была.

Борис сидел на кресле. Его вытянутые длинные ноги почти касались Лизиных туфель. Он курил, улыбаясь, склонив черную, гладко причесанную голову.

– Как я раньше не замечал, что у тебя такая хорошенькая кузиночка. Сколько раз видел, а вот не замечал.

Наталья Владимировна неожиданно рассердилась:

– Убери ноги, Борис. Что мне через них прыгать, что ли? Лиза, ты так все помнешь. Я лучше уж сама. Иди к себе.

– Я так хорошо уложила. Уверяю тебя, ничего не помнется. Я сейчас кончу.

– Нет, иди, я сама.

Лиза встала:

– А обедать?

– Мы уже обедали. Иди оденься. Сейчас на вокзал поедем. Коля дома?

– Да.

– Позови его.

Лиза вышла. На лестнице она села на ступеньки, положив голову на колени.

«Ну вот. Ну вот. Не успела. Все напрасно. Уже ничего не смогу сказать».

– Коля, – позвала она, не двигаясь с места. – Коля, иди. Наташа уезжает. – И быстро вытерла глаза ладонью. «Нет, плакать нельзя. Тот увидит. Будет смеяться, и мама рассердится. Отчего она сердится? Ведь раньше она никогда не сердилась».

Наталья Владимировна надела дорожное пальто.

– Коля, ты ведь большой, ты умный. – Она погладила Николая по голове. – Я уезжаю на месяц и даю тебе деньги на хозяйство. Вот, держи. Только не потеряй.

Коля смущенно, словно он в первый раз видел тысячефранковую бумажку, сложил ее и спрятал в бумажник.

– Смотри не потеряй. И аккуратно трать. Я доверяю тебе.

Николай торжественно поцеловал ей руку:

– Спасибо, Наташа.

– Вот ты у меня и взрослый. Деньгами распоряжаешься. Горд? – Она рассмеялась. – Ну, едемте. Лиза, где ты?

Даша вынесла чемоданы.

Наталья Владимировна села в такси с Борисом. Лиза – с Николаем.

Николай потирал руки от удовольствия:

– Здо́рово. Кутнем немножко. Тысяча франков. А еду можно будет потом в лавке в долг брать. Здорово.

Лиза не отвечала.

На вокзале суетились, отыскивали места; и когда наконец устроились, с лица Наталии Владимировны слетела последняя тень заботы. Словно все грустное и тяжелое оставалось здесь, позади, в Париже, а впереди ждали только счастье и солнце. Наталия Владимировна улыбалась из окна вагона:

– Так будьте умными. Учитесь хорошо. Пишите часто. Я скоро приеду.

Из-за ее плеча выглядывал Борис в дорожной кепке.

– Очень уж они топят, будет слишком жарко спать.

Наталия Владимировна радостно кивнула, будто он говорил что-то необычайно приятное.

– Да, слишком жарко.

И так же радостно наклонилась в окно.

– Ну, дай руку, Лизочка. Храни тебя Бог.

Лиза схватила ее тонкую руку в белой перчатке и прижалась к ней губами.

– Мамочка, – прошептала она, вкладывая в это слово все, чего она не успела сказать.

Наталия Владимировна испуганно вырвала руку, испуганно обернулась. Но Борис стоял в купе и не слышал.

– Чтобы никогда, никогда, помни!

Прошел проводник, захлопывая двери вагонов.

– До свидания, Лизочка. До свидания, Коля.

Лицо Наталии Владимировны снова сияло счастьем. Рядом с ней Борис размахивал кепкой, скаля белые зубы.

Лиза стояла, безучастно глядя им вслед, и вдруг со всех ног кинулась за поездом.

– Мама! – крикнула она. – Мама! – Она бежала, натываясь на провожающих, почти сбивая их с ног, ничего не видя от слез. Ничего, кроме быстро уходящего поезда. – Мама! Мама!

Николай догнал ее, схватил ее за руку:

– Сумасшедшая, под колеса попадешь. Что ты комедии устраиваешь?

Лиза остановилась, вытерла глаза.

– Тебе так жаль, что она уехала? А я рад. Хоть несколько дней весело проведем.

Они протиснулись к выходу. Лиза взглянула на низкое, холодное ночное небо и вздохнула.

– Сейчас такси возьмем, за Андреем заедем и закатимся куда-нибудь. Вспрыснем ее отъезд.

Лиза покачала головой:

– Я никуда не поеду. Вези меня домой.

Николай пожал плечами:

– Глупая ты, Лиза. Смешная и глупая. Впрочем, как хочешь. А домой можешь и на метро доехать. На тебе франк.

Деревья в саду широко шумели. Калитка жалобно, по-кошачьи скрипнула.

Лиза вошла в тихий, темный, пустой дом. Она зажгла свет и, не раздеваясь, растерянно остановилась у вешалки.

Все потеряно. Она ничего не сказала, не сумела сказать. Все потеряно. Что теперь делать? Учить уроки, ложиться спать. Разве это нужно теперь? Ведь все потеряно. Мама уехала.

Она прислонилась к стене. Она не плакала. Глаза ее безучастно смотрели на белую лестницу, на круглое темное окно с качающимися ветками.

Кто-то быстро и тяжело вошел на крыльцо, и звонок зазвенел отчаянно громко. Кто это может быть так поздно?

– Кто там? – крикнула она через дверь.

– Это я, Рохлин.

– Кролик!

Ключ щелкнул, дверь отворилась. Холодный ветер влетел в прихожую. Кролик стоял на крыльце, за спиной его темнело ночное небо и качались темные деревья.

– Наташа, Наталия Владимировна дома? – спросил он картавым, захлебывающимся голосом.

Его голубые круглые глаза смотрели испуганно и шало. Небритые щеки пожелтели. Котелок сидел совсем криво на

голове. Пальто его было сильно смято, галстук сбился в сторону. Казалось, он не раздевался со вчерашнего дня.

– Наталия Владимировна... – Он дернул рукой задушивший его воротничок.

Лиза смотрела на него, смешного, шалого, потерянного. От жалости у нее перехватило горло.

– Наташи нет, – с трудом выговорила она.

– Где же Наташа? – Его нос сморщился, будто он сейчас заплачет. – Мне непременно, непременно...

Лиза положила руку на его рукав.

– Наташа уехала, – сказала она как можно нежнее.

– Уехала? – Шалые голубые глаза впились в Лизу. – Куда?

Петь в ресторан?

Лиза покачала головой:

– Нет, Кролик. Уехала далеко. В Ниццу.

– В Ниццу? В Ниццу?

Он сильно дернул головой, котелок, ударившись о стену, слетел с головы и со стуком покатился вниз по ступенькам в черный сад. Кролик даже не обернулся.

– В Ниццу? – испуганно повторил он.

Ветер трепал мягкие жидкие волосы на его голове. Круглое лицо его, с шалыми глазами, с поднявшимися дыбом волосами, было смешно и страшно.

– Кролик, вы не волнуйтесь. – Лиза потянула его за рукав. – Пойдем, пойдем в гостиную.

Как будто там, в гостиной, она найдет слова, чтобы уте-

шить его.

Но он не двинулся.

– Уехала... Бросила меня... Скажи, Лиза, она одна уехала?

Лизино сердце громко стукнуло и остановилось.

– Одна.

– А Борис? Бориса не было на вокзале?

Лиза покачала головой:

– Я его уже неделю не видела.

– Бросила меня. – Плечи Кролика вздрогнули. Он склонил голову набок и вдруг всхлипнул. – Я для нее свою кровь отдал, а она....

Лиза порывисто обняла его за шею:

– Кролик, не плачьте. Кроличек, не плачьте. Мой белый, мой красивый Кроличек. Она меня тоже бросила, и мне тоже тяжело. Ах, Кролик!..

Они стояли на сквозняке, на пороге, крепко обнявшись. Кролик обхватил короткими руками Лизины плечи, прижался мокрой щекой к ее щеке, как будто в ней, в этой маленькой девочке, было все его спасение, как будто она одна еще связывала его с жизнью.

Лиза целовала его мокрые, дряблые щеки. О, какой он бедный, слабый, беззащитный! Ее сердце разрывалось от нежности, жалости и страха за него. Только бы утешить его, помочь. Бедный, бедный.

Их слезы смешивались. Они крепко прижимались друг к

другу, одинокие, несчастные, забытые. «Так обнимались на тонущем „Титанике“, – мелькнуло в голове Кролика. – Но ведь я тоже тону. Я уже утонул. Конец».

– Я умереть за нее хотел. Я свою кровь ей отдал, – всхлипнул он.

– Кролик, не плачьте. Кроличек, не плачьте. Мой милый Кроличек. Наташа вернется через месяц. Мы еще будем счастливы, Кроличек.

Он поднял голову. Он даже немного оттолкнул Лизу. Вынул из кармана смятый носовой платок и вытер им лицо.

– Ну, надо идти. Спасибо, что пожалела меня. – Он обдернул пальто, сразу переходя от отчаяния и слез к обыкновенному, торопливому разговору. – Спасибо тебе, Лизочка. Ты добрая. Наташе ничего не пиши.

Он выпустил ее руку и быстро, как шар, скатился со ступенек. Лиза видела, как он, нагнувшись, искал котелок в темноте, нашел его, почистил рукавом и, надев на голову, покатился дальше к калитке. Калитка протяжно скрипнула. Лизино сердце так сильно застучало, словно хотело вырваться и полететь за ним. Бедный, бедный. Утешить. Но как? Она не умеет, не может ему помочь.

Она долго стояла в дверях. Уже ничего не было видно, уже не было слышно шума его шагов. Кругом было тихо, темно и пусто. Только шелестящие деревья, только темное небо. Лиза заперла дверь, подула на свои застывшие пальцы.

Она закуталась в платок, села в гостиную на свое любимое

кресло и глубоко вздохнула.

«Вот я плачу, я несчастна. Но что мое горе по сравнению с горем Кролика?»

Она вздохнула еще раз, и слезы потекли из ее глаз.

«Бедный, несчастный Кролик. Бедная, несчастная мама. Все бедные, все несчастные. И никто не может понять другого, никто не может утешить. Как тяжело, как страшно жить».

Кролик в это время шел по пустой, слабо освещенной улице. Его короткое пальто было расстегнуто, распухшие губы глубоко вдыхали ночной воздух.

– Конец... Бросила... Как паршивую собаку... Как кролика... Конец...

В голове все было черно. Все путалось. И даже боли не было. Конец.

И вдруг где-то в подсознании глубоко мелькнула яркая точка, словно что-то укололо сердце. Ночной ветер широким влажным порывом налетел на него. Он остановился. Колени задрожали. По телу пробежала блаженная слабость. Будто не кровь, а холодный лунный свет струился по венам. В ушах тихо и нежно звенело. Он поднял голову, и звон прекратился. Он взглянул на небо. Из-за черной мягкой тучи медленно выплывала ледяная, сверкающая луна.

– Луна, – растерянно прошептал он и улыбнулся.

И сразу все стало понятно – и блаженная слабость, и дрожь в коленях, и лунный свет, струившийся в теле.

– Конец. Бросила... Как паршивую собаку. – Он в эту са-

мую минуту ясно понял, что конец действительно настал. Но не тот конец, которого он ждал и боялся. Нет, конец его рабства, конец его любви. Конец его гибели. Гибель его гибели.

Он с облегчением вздохнул и ощупал свое лицо.

– Конец, – прошептал он радостно. – Выкарабкался. Не умер. Не умру.

Он завернул за угол. Идти было легко, и дышать было легко, и деревья легко шумели, и в небе луна легко проплывала сквозь черные тучи.

Он вынул трубку и закурил.

– А с нефтяной компанией как-нибудь устроюсь.

И он самоуверенно махнул короткой рукой.

11

В эту ночь Лиза уснула поздно. Перед сном она долго молилась за мать и за Кролика. Она улеглась на свой широкий диван, натянула одеяло до подбородка. На стене, над самой подушкой, красная гвоздика обоев вдруг напомнила ей рот матери. Лиза подняла голову и с влюбленной, страстной нежностью прижала губы к гвоздике.

«Мама, мамочка».

Опять в груди зашевелилось и заныло свое горе, не жалость, не сострадание, а своя живая боль. Лиза прижала руку к сердцу.

«Не стучи так. Все пройдет. Мама вернется. И я напишу

ей. Да-да, как мне раньше не пришло в голову. Я напишу. Я все напишу».

Она вытянулась под одеялом, положила голову на подушку и закрыла глаза.

«Я напишу. Я все напишу».

Стало тихо, почти радостно. Еще ничего не потеряно. Все еще будет хорошо. Лиза, улыбаясь, сочиняла письмо.

«Милая моя мамочка, дорогая моя мамочка, ты еще не знаешь. Я взрослая, я не ребенок больше. И я люблю тебя больше всего на свете. Я всю свою жизнь отдам тебе».

Письмо было длинное. Лиза повторяла его наизусть.

«До утра забуду. Лучше написать сейчас же». Она сбросила одеяло, зажгла свет и, не одеваясь, в одной рубашке, подтянув повыше босые, зябнувшие ноги, уселась к столу. Она писала быстро, дрожа от радости, холода и волнения.

«Наверно, много ошибок, – озабоченно подумала она. – Так трудно писать по-русски. Но по-русски лучше, нежнее. Мама простит». Она сложила исписанные листки и, не перечитывая, вложила их в конверт.

«Как только получу мамин адрес, пошлю». Она бросилась в кровать, поцеловала красную гвоздику на обоях.

«Спокойной ночи, мамочка. Ты едешь. Ты не знаешь, а скоро получишь письмо». И, натянув одеяло, сейчас же заснула.

На третий день пришла открытка.

«Дорогая Лизочка, тут чудно и очень весело. Как жаль,

что ты не со мной. Крепко целую тебя и Колю. Пиши. Мой адрес...»

На другой стороне, поперек через небо и море, стояло: «Ради бога, не забудь называть меня в письмах Наташей». «Наташей» было подчеркнуто.

Лиза прочла открытку, повертела ее в руке. Потом отперла шкаф, достала свое письмо и разорвала его на мелкие клочки. Ведь письмо писалось маме. А Наташе можно будет как-нибудь на днях послать открытку.

Лиза побежала вниз. Николай пил кофе в столовой.

– Вот, «она» пишет...

Николай презрительно фыркнул:

– Веселится? Что же, пускай. И мы здесь по ней не скучаем. Только денег могла бы побольше оставить.

Лиза кивнула.

С этого дня она больше не вспоминала о матери и даже в спальную к ней избегала заходить.

Часть третья

1

В ту зиму, зиму 28-го года, в Париже было очень холодно. Замерзшая земля на дорожках сада по утрам скрипела под Лизиными ногами.

Лиза ходила в лицей, в лицее было скучно, но дома было еще скучнее. Она жила как будто совсем одна. Николай пропадал целыми днями, возвращался ночью, когда она спала. Они с Андреем вечно шептались о чем-то и уже не звали ее с собой. Лизе теперь и не хотелось ездить по ресторанам, она чувствовала себя слабой, усталой, ко всему безразличной. Только бы сидеть с книгой у камина. Даже Одэт не было. Одэт уехала к бабушке в Бордо. Но об Одэт Лиза не думала.

Лиза возвращалась домой из лицея. Тяжелый портфель оттягивал руку. Ноги зябли в тонких чулках.

«Это все пустяки». Она подняла воротник своего короткого пальто с золотыми пуговицами, глубже надвинула берет. Не надо обращать внимания.

На тротуаре лежал белый картонный кружок, Лиза подняла его и, размахнувшись, бросила вверх. Он высоко взлетел в морозном прозрачном воздухе. «Как белый голубь», – подумала она и оглянулась назад.

Прямо к ней шел Андрей.

Лиза обрадовалась.

– Здравствуй. Ты из школы?

– Я бросил. Не хожу больше.

– Почему?

– Надоело. – Он пожал плечами. – И Николай тоже бросил.

– Это нехорошо, – сказала Лиза серьезно. – Что же дальше? Вас оставят на второй год, исключат.

– Ну и пусть. Что там о будущем думать?

– А тетка твоя?

– Она не знает.

Лиза поежилась:

– Очень холодно. Хочешь, побежим? До дома близко. Дай руку.

Андрей бежал слишком быстро. Лиза не могла поспеть за ним. Он тащил ее за руку. Она спотыкалась.

– Оставь, оставь, не могу.

Он толкнул калитку.

– Скользко. Упаду.

Но они уже стояли на крыльце.

– Ах, весело! – Лиза вошла в прихожую, бросила портфель и пальто на стул. – Идем скорее ко мне, затопим камин.

Он снимал пальто. Она поднялась на носки и поцеловала его.

– Какие у тебя холодные уши. Целуешь, будто мороженое ешь. Как хорошо, что я тебя встретила. Мы очень давно не были одни.

Она посмотрела ему в глаза:

– Ты стал совсем чужой.

Он покачал головой:

– Нет, Лиза.

Ей уже не было весело. Она подняла книги.

– У меня никого нет, кроме тебя, – тихо сказала она, краснея от стыда, и быстро прошла вперед.

Перед камином в ее комнате были уложены дрова. Лиза села на ковер.

– Ну помоги мне. Чтобы жарко было.

Андрей встал на колени рядом с ней.

– Подожди, не бросай поленья. Надо раньше бумагу.

Он зажег спичку. Лиза смотрела в камин:

– Я люблю огонь. Ну положи же еще дров.

– Довольно. Дай разгореться. И так тепло будет.

Она стала бросать дрова. Глаза ее расширились от удовольствия. Щеки покраснели.

– Довольно, довольно.

Но она, не слушая, продолжала бросать.

– Как костер. – Она все смотрела на огонь. – Знаешь, я хотела бы, чтобы меня сожгли. Коля всегда говорит, что, если бы я жила в Средние века, меня бы сожгли на костре как ведьму.

– Ну нет. Ты бы, скорее, тогда монахиней была. У тебя такие глаза. А может быть, и монахиней, и ведьмой вместе.

Лиза захлопала в ладоши:

– Вот было бы чудно. Целый день молиться и ничего не есть, стоять на коленях в черном платье с крестом на груди, а ночью летать на метле на шабаш. – Она вскочила верхом на кочергу. – Гар, гар, лечу снизу вверх, не задевая, – громко крикнула она. Красный отсвет огня падал на нее.

Андрей вздрогнул:

– Перестань, ты настоящая ведьма.

Она коротко рассмеялась и снова стала подбрасывать дрова в огонь.

– Знаешь, – сказал он, – если уж ты такая, тебе бы следовало писать стихи.

Лиза покачала головой:

– Не хочу. Стихи пишут теперь только глупые или старики.

– Смешная ты, Лиза. Как будто не все равно, раньше или теперь. А что же, по-твоему, теперь надо делать?

Лиза подняла к нему голову:

– Надо жить и ни о чем не мечтать.

Он смотрел на ее бледное лицо, на ее светлые прозрачные глаза.

– Тебе должно быть это нелегко?

– Ну, легко не легко, а надо. – Она презрительно пожала плечом и отвернулась. – Очень жарко. Давай пересядем на диван.

Андрей сел рядом с ней. Они помолчали.

– Как быстро темнеет. Нет, не зажигай света, Андрей, так приятнее.

Дрова трещали в камине. Красный отблеск огня падал на диван, на Лизу. Она протянула руки к огню.

– Знаешь, Андрей, я все думаю, – начала она медленно. – Я все думаю, как должно быть тяжело и отвратительно жить, если детство – самое лучшее. А дальше будет еще хуже. Я не хочу быть взрослой. – Она покачала головой. – И знаешь,

мне кажется, я и не буду взрослой.

– Вздор, Лиза. Это оттого, что тебе только четырнадцать лет. Четырнадцать – самый глупый возраст. В марте тебе будет пятнадцать, и сразу станет легче.

Она опять покачала головой:

– Ах нет, я не верю. Не станет ни легче, ни лучше.

Он ничего не ответил.

– Отчего ты такой грустный, Андрей?

– Я совсем не грустный.

– Нет, грустный. Не спорь. Ты всегда грустный. Вот ты сейчас ужасно похож на грустную хищную птицу. На ястреба. – Она взяла его за руку. – Et alors, parce qu'il était toujours triste on l'appela Tristan, – сказала она медленно и вздохнула. – Отчего ты разлюбил меня, Андрей?

Он поцеловал ее ладонь:

– Я люблю тебя, Лиза.

– Неправда. Ты никогда не приходишь ко мне. Ты все с Колей.

– У нас дела.

– Какие такие у вас дела?

Он наклонился к ней:

– Я люблю тебя, Лиза. Верь мне. Я не виноват. Мне очень тяжело. Мне все надоело.

Она обняла его:

– Если ты любишь меня, ничего больше не надо. Тебе тяжело, и мне тяжело, но вместе все-таки легче.

Он положил голову к ней на колени:

– Прости меня.

– Мне нечего прощать тебе. Это всегда так бывает. Даже когда страшно любишь, вдруг на время забываешь. Помнишь, как Тристан и Изольда? – Она погладила его волосы. – И ведь я сама в Биаррице так мало думала о тебе.

Он поднял голову с ее колен:

– Ты совсем забыла меня там. Из-за Кромюэля?

Она положила ему руку на лоб:

– Лежи, лежи, и не все ли равно из-за чего? Раз я опять люблю тебя.

Он сжал кулаки:

– Я его ненавижу.

Она нагнулась к нему:

– Какое у тебя злое лицо. Не надо ревновать. Все это давно прошло.

Она поцеловала его:

– Как мне хорошо с тобой. Если бы мы всегда могли быть вместе.

– Мы всегда будем вместе, Лиза.

– Я не верю. Как темно стало.

– Подожди, я поправлю огонь, а то потухнет.

Она удержала его:

– Не надо.

Огонь в камине вспыхнул, заметался и вдруг погас. Стало совсем темно, совсем блаженно, совсем тихо. Андрей в тем-

ноте целовал ее колени. Она губами отыскала его губы.

– Это ты, Андрей? Ты меня любишь?

Она тихо вздохнула и закрыла глаза.

– Ах нет, нет. Это было бы слишком хорошо. Этого не бывает, не может быть. Ты завтра не придешь.

Кто-то поднимался по лестнице. Дверь шумно распахнулась, шелкнул выключатель.

Лиза, жмурясь от света, испуганно натянула юбку на голые колени. Вошел Николай.

– Что вы тут сидите в темноте, как кроты?

Андрей встал, поправил галстук.

– Ты не знаешь, что надо стучать?

– Вот еще. Сестра Лиза мне или нет? Да и занимайтесь чем хотите, мне какое дело?

Он сел на диван и закурил.

– Так дальше продолжаться не может. Во что бы то ни стало надо добыть денег.

Лиза подошла к зеркалу и пригладила растрепанные волосы.

– Ну конечно, конечно. Старая песня. Слышали.

2

Лиза была права. На следующий день Андрей не пришел. Лиза напрасно ждала его. Но к вечеру она успокоилась. Что же? Как хочет. Но думать о нем не надо. И опять все пошло

по-старому. Только стало еще немного грустней.

Был сочельник. Лиза сидела одна у себя в комнате. Косой мелкий дождь тихо стучал по крыше. По улице медленно проехал блестящий от дождя автомобиль. Из окна автомобиля выглянула улыбающаяся молодая женщина. Все сиденье было завалено пакетами.

«Сочельник, – подумала Лиза. – Всем весело, покупают подарки». Она представила себе оживленные улицы, целое море мокрых зонтиков, переполненные магазины, где теперь, как в веселом аду, усталые покупательницы мучают усталых продавщиц.

«Вечером елки зажгут, будут веселиться. А я так и посижу одна? – Она покачала головой. – Нет-нет, я поеду в кинематограф, – вдруг решила она. – Там хорошо. По дороге куплю горячих каштанов. Там тепло и можно не думать о себе. Вот и я повеселюсь в сочельник».

Она сбежала вниз.

– А ты бы? Ты бы посмел? – донесся до нее сдавленный, громкий шепот Николая. – Ты бы смог? Не струсил бы?

– Я не трус, – зло и решительно ответил Андрей.

«О чем это они?» Лиза толкнула дверь.

Николай испуганно повернулся:

– Кто там? – Он был очень бледен. Андрей курил у окна.

Николай подозрительно посмотрел на сестру:

– Тебе что?

– Я иду в кинематограф. Дай мне двенадцать франков.

Николай развел руками и свистнул.

– Двенадцать франков? Скажи, ты где живешь? На луне?

Ты не заметила, что уже три дня в доме ни сантима нет.

Лиза пожала плечами:

– Очень жаль.

– Ах, пожалуйста, брось этот тон оскорбленной принцессы. Когда деньги были, тогда бы и ходила по кинематографам. А теперь, пожалуйста, без претензий. И без тебя тошно.

– Сегодня сочельник, – напомнила Лиза.

– Подумаешь, велика важность. Уходи, нам поговорить надо.

Лиза снова вернулась к себе.

«Ах, как скучно, как скучно, как скучно», – она громко зевнула.

И читать нечего. Все книги уже читаны-перечитаны.

В зеркале над камином отразилось ее бледное, осунувшееся лицо.

«Господи, какой у меня несчастный вид. Вот такой я буду лежать в гробу».

Она скрестила руки на груди. Только еще веки закрыть.

Она покачала головой, светлые волосы упали ей на глаза.

«Сегодня сочельник, а я о смерти. Нехорошо».

Она взглянула в окно. Рождество, а совсем не похоже. Дождь по-прежнему стучал в стекла. Мокрые деревья устало гнулись. Улица была пуста. Сквозь тонкую сетку дождя, сквозь мокрые разводы окна все кругом казалось каким-то

ускользающим, туманным. Ну да. Конечно, это ненастоящее. Это только так, нарочно, pour rire. И она сама тоже ненастоящая, и вся ее жизнь только так, нарочно, pour rire – для смеха. Хотя и совсем не смешно.

Она отвернулась от окна. Слякоть какая. На Рождество должен быть снег и мороз, как в Москве. «Москва». Она подтянула под себя ноги, прислонилась к подушке.

«Москва». Она закрыла глаза, стараясь представить ее себе. Снег, снег, снег. Белый, легкий, сверкающий. От него все бело и все сверкает. Снег лежит на земле, на крышах, летает в воздухе. Это она помнит, а дальше... дальше все путается. Она ясно видит Москву, детскую свою Москву, но ведь это тоже ненастоящая Москва. Широкие улицы под снегом, Кремль и рядом высокая желтая китайская пагода, и немного дальше сад, в нем растут пальмы, на них кокосовые орехи. Под пальмами стоят бамбуковые хижинки и рядом серый пятиэтажный дом. В пруду плавают корабли, золотые рыбки, лебеди и крокодилы. По улицам ходят трамваи, летят санки, запряженные рысачками, бегают длинноногие страусы. По тротуарам снуют люди в шубах и меховых шапках, офицеры, дамы, проходят индейцы с перьями на голове, голые негры ездят на жирафах. А там, на Кузнецком Мосту, среди льдов живет белый мишка, и всю ночь у него небо розовое от северного сияния.

Да, такую Москву Лиза помнит. Москву, в которую врывались тигры, миноносцы, попугаи из отцовских плаваний,

из отцовских рассказов. Отец Лизы был морским офицером. Отца она любила больше всего, но он всегда уезжал на войну. Однажды весной стали много шуметь и кричать под окнами, и мама (тогда Наташу еще так звали) сказала, что это революция. У мамы был испуганный вид, и Лиза заплакала. А потом пришло письмо утром за чаем. Мама прочла его и упала на пол, и чашка упала со стола и разбилась. Когда мама встала, она сказала, что папу утопили матросы в море и что он теперь на небе. Лиза не понимала, как же так: раз папа в море, то как же на небе? Или он стал летающей рыбой? Тогда он может жить и в море, и в небе.

А когда они уехали в Константинополь, Лиза поняла: папа живет там, далеко, где море встречается с небом. Лиза целыми днями лежала в темном коридоре гостиницы на пыльном сундуке. Как раз над сундуком было маленькое окно, и в нем кусочек моря и кусочек неба. Вечером на кусочке неба зажигалась белая звезда, кусочек моря темнел и волновался.

Лиза не спуская глаз смотрела в окно. Там живет папа, там, где море встречается с небом. Может быть, он хоть на минуту выплывет к Лизе. Неужели он совсем забыл ее? Она никому не говорила об этом, даже Коле. И когда ее иногда водили к морю, она незаметно бросала в волны крошки хлеба, для папы.

Мама (тогда она все еще была мамой) служила в ресторане. Она плакала: «Я не могу. Я устала. Мои ноги болят». Лиза садилась на пол и гладила ее ноги. Неужели такие краси-

вые ножки могут болеть? Коля целовал маму. Мама обнимала их обоих: «Бедные мои сиротки. Только для вас. Если бы не вы, я не стала бы так мучиться. Я бы давно умерла».

Через два года Лиза уже поняла, что папа умер, и очень стыдилась летающей рыбы. Ей это казалось грехом. О летающей рыбе никто так и не узнал.

Они переехали в Париж. Мама стала продавщицей в магазине. И тут и случилось. Она вдруг опять стала веселой и все пела. Как-то вечером – Лизе уже было девять лет, а Коле двенадцать, и они ходили в школу – мама сказала им, чтобы они никогда больше не называла ее мамой, а Наташей. И что теперь они заживут хорошо. Она встретила своего двоюродного дядю Сашу, и он очень богат.

Никто никогда не слышал прежде о дяде Саше. А на следующий день пришел он сам, толстый, черный армянин с большим бриллиантом на пальце. Из отельной комнаты переехали в квартиру в Пасси. Колю отдали в пансион – он грубил дяде Саше. Лиза тогда много плакала. На лето уехали в Трувиль.

Лиза, не открывая глаз, удобнее подложила подушку под голову.

Трувиль. Это уже она хорошо помнит.

...Был час отлива. Море отошло далеко, обнажая широкую белую мель. На серых волнах качалась лодка, и в ней рыбак в красной куртке. На сером небе стояло дымно-розовое солнце.

Лиза шла босая по щиколотку в воде. Зеленый толстый краб осторожно, боком пробирался между раковинами. Лиза нагнулась, перевернула его на спину. Краб стал быстро перебирать клешнями, стараясь закопаться в песок.

Какой большой. Отнести его в пансион, чтобы его сварили к обеду? Она пожала плечами. Очень нужно. И так сыты будем. Подняла краба и бросила в воду. «Иди домой, глупый. Живи себе на здоровье...» Вот уже скоро месяц, как она здесь и все еще не может привыкнуть. Она вздохнула, посмотрела вдаль. Какое странное море, какое странное небо. Все такое бледное, туманное. Даже солнце. И ветер совсем особенный, легкий, влажный, неощутимый. И песок серый. Никогда она не думала, что бывает такая природа.

Как во сне.

У бело-оранжевой палатки сидела Наташа, читая французскую книжку. Лиза тихо подошла и села рядом.

– Наташа, расскажи мне про Москву.

Наташа рассеянно подняла глаза:

– Иди играть, Лиза.

– Скучно.

– Лови крабов.

Лиза покачала головой:

– Не хочу. Вот я читала, что в России собирают грибы. Это весело, должно быть.

– Глупости. Крабов гораздо веселее. Иди к детям, не мешай мне.

Лиза послушно встала. Мальчик пускал кораблик на веревке.

– Это ты капитан? – спросила его Лиза.

– Я; видишь, у меня золотые пуговицы.

– Отчего же ты не плаваешь тогда на своем корабле?

– Глупости. Ведь он потонет.

Лиза кивнула:

– И отлично. И ты с ним.

Мальчик сердито отвернулся.

Дальше дети строили крепость из песка. Лиза постояла, посмотрела на них. Стоит тоже стараться. Все равно прибой ее смоем.

Лиза снова подбежала к матери:

– Наташа, скажи, как с Тверской пройти к Кремлю?

– Что?

– Как пройти к Кремлю?

– Ах, ты опять со своей Москвой. – Наташа поправила юбку на голых коленях. – Не помню. Вот будешь в Москве, тогда и узнаешь. А теперь не приставай.

Лиза, прищурясь, смотрела на бледные волны.

– Наташа, можно мне купаться?

– Ты уже купалась утром. Два раза вредно.

– Мама, позволь. Жарко. Позволь.

Наташа лениво морщится:

– Ну хорошо. Иди, только будь осторожна.

Лиза быстро раздевается в палатке, натягивает желтое,

еще не просохшее трико.

Она бежит через широкую мель. Скорей. Скорей. Вода совсем теплая. Лиза взмахивает руками и плывет. Какие чудные волны. Как хорошо.

Она опрокидывается на спину. Конечно, она сможет продержаться так часов шесть, даже больше.

Рыбак в красной куртке гуляет теперь по пояс в воде, наблюдая за купающимися.

– Вы плаваете как рыба, – говорит он ей.

Она краснеет от удовольствия.

– Я тренируюсь.

– Зачем? Хотите Ла-Манш переплыть?

– Нет. На всякий случай.

Она ныряет, высовывает мокрую голову из воды и фыркает.

– На какой такой случай? – удивляется он.

– На случай кораблекрушения, – говорит она серьезно и отплывает от рыбака.

Они обедают за отдельным столиком.

– Лиза, подбери локти.

Дядя Саша и Наташа, как всегда, тихо ссорятся.

– Так ты опять пойдешь в казино? – спрашивает дядя Саша.

– А почему бы мне не пойти?

– Потому что я тебя прошу.

Наташины серые глаза становятся влажными. Дядя Саша

сердито передвигает банку с горчицей.

– Ну конечно, ты несчастная, ты жертва. Послезавтра уезжаем. Хотя бы...

Лиза роняет вилку на пол.

– Уже послезавтра.

Дядя Саша оборачивается к ней:

– Не умеешь прилично есть. Такая большая девочка.

В окне видны белые кусты роз, зеленая трава, бледное небо.

Обедать кончают молча. Лиза сбрасывает фиги с тарелки и прячет их в карман.

Лиза медленно идет по усыпанной песком дорожке. Она нагибается, нюхает левкой. Она гуляет перед сном, и ни до чего ей дела нет, кроме этого сада, этих левкоев и кустов роз.

Но, дойдя до ели, она оборачивается, не следят ли за ней, быстро вбегает в белую беседку и захлопывает дверь.

Никто не видел. Она опускается на корточки, поднимает одну из половиц, шарит рукой в темной дыре.

Не украли. Нет, всё тут. Она вытаскивает сверток, завязанный в носовой платок, высыпает из него деньги на стол, пересчитывает их. Четырнадцать франков тридцать сантимов. Не много, конечно. Но медлить больше нельзя, послезавтра возвращаются в Париж. И если быть очень экономной... В свертке орехи, несколько фиг, плитка шоколада. Орехи очень питательны. Если есть в день по два ореха и фиге, хватит на двенадцать дней. И еще останется шоколад.

Она снова завязывает платок и прячет его в прежнее место. Здесь вернее. Дома могут найти. Все еще сидя на корточках, Лиза достает из-за выреза платья конверт. В нем открытка: вид Кремля – и самое главное: вырванная из книги страница.

Лиза долго смотрит на открытку. Да, Кремль-то она уж во всяком случае узнает. Потом расправляет страницу и читает:

«Роберт смешался в порту с толпой грузчиков, таскавших тяжелые тюки. По веревочной лестнице взобрался он на борт корабля и, никем не замеченный, проник в трюм. Громкий лязг цепей и возгласы команды возвестили его о том, что долгожданный час отплытия настал. В углу трюма лежала груда просмоленных канатов, на которых он уже собирался устроиться поудобнее ввиду продолжительности предстоящего путешествия, как вдруг дверь в трюм со скрипом отворилась и на пороге показались две рослые фигуры матросов. Сердце Роберта остановилось от ужаса, волосы зашевелились на его голове.

– Тут кто-то есть, – сказал один из матросов, и сильная рука схватила Роберта за воротник.

– Веди его к капитану, – сказал второй, и вскоре Роберт, подбадрываемый энергичными пинками, оказался перед глазами капитана.

Капитан пережевал табак, выплюнул его за борт и, мастерски выругавшись, обратился к Роберту:

– Кто ты такой? И что делаешь здесь? Предупреждаю, го-

вори правду, а то отправишься на дно моря кормить акул. – И он загорелой рукой показал на синие волны, из которых поминутно высовывались страшные морды чудовищ.

– Я – Роберт де Коста-Рика, – звенящим голосом ответил Роберт. – Я хочу проплыть в Испанию, мою несчастную, порабощенную маврами отчизну, чтобы мечом и крестом истребить врагов.

– Ты славный юноша, – ответил капитан, хлопнув его по плечу. – Оставайся с нами. Но что ты умеешь делать?

– Все, что прикажете, мой капитан.

– Хорошо. – Капитан бросил ему швабру. – Мой палубу».

Лиза столько раз читала эту страницу, что знала ее наизусть. Ведь в ней все сказано, остальное уже пустяки. Отсюда можно дойти пешком до Гавра. Если выйти на рассвете, то к ночи дойдешь. В Гавре она найдет пароход, идущий в Россию.

Она зажмурила глаза. Вот она в порту, смешивается с толпой грузчиков. Вот поднимается по веревочной лестнице на пароход, сидит в трюме на просмоленных канатах. Цепи лязгают. Пароход отчаливает. Капитан смотрит на нее: «Кто ты такая и что делаешь здесь?» – «Я русская и еду пострадать за Россию». Ей дают швабру, и она моет палубу.

Пострадать за Россию.

Пасха. Коля приехал на каникулы. Стены детской оклеены пестрыми обоями. В окно виден Булонский лес. Они играют в Куксу и Круксу. Коля – Кукса. Лиза – Крукса. Крукса

приходит в гости к Куксе, и Кукса любезно суетится: «Пожалуйста, Круксочка, садись в угольный ящик. Тут тебе будет удобно. Если тебе холодно, можешь открыть зонтик». Дверь детской отворена. Слышно, как в столовой няня поучает горничную Дашу:

– За грехи это. За грехи. Вот наша, приехала сюда, бросила Россию, забыла. Треплет хвосты по театрам и ресторанам и ждет, чтобы ей Россию отдали. Нет, шалишь, за Россию пострадать надо. Пострадать.

Лиза вздрагивает, холодок, точно стеклянный шарик, катится между ее лопаток вниз по спине.

– Пострадать надо, – гудит нянькин голос.

Коля трясет Лизу за руку:

– Что же ты не отвечаешь, Круксочка, хочешь ты ложечку сапожного крема или нет?

Лиза встает с пола беседки, отряхивает платье. Да, да, пострадать. Для этого она и едет в Россию. Пострадать. За всех. И за веселую красивую Наташу, которая не помнит даже, как пройти с Тверской к Кремлю. И главное – за Россию.

Лиза высоко поднимает голову, скрещивает руки на груди, как христианские мученицы на картинках, и медленно, торжественно проходит по саду.

В Наташиной комнате закрыты ставни, горит электричество.

Наташа, в розовом блестящем платье, озабоченно пудрит голые плечи перед зеркалом.

Дядя Саша, в смокинге, стоя за ее спиной, поправляет черный галстук.

Лиза останавливается. Вот она, ее мама. Такая нарядная, такая прелестная. И она видит ее в последний раз.

– Наташа, – бросается она к матери. – Наташа.

Наташа отстраняет ее:

– Тише, тише, убери руки.

Она отступает на шаг. Лиза смотрит на ее стройные ноги в розовых шелковых чулках, в золотых туфлях со сверкающими пряжками.

– Поцелуй меня, Наташа.

Наташа наклоняется и осторожно, чтобы не стереть краски с губ, целует ее в щеку.

Лиза вдыхает душный, знакомый запах духов.

– Еще... Еще...

– Перестань, Лизочка, – говорит Наташа недовольно. – Опять разнервничалась. Ложись сейчас же спать.

Лиза подходит к дяде Саше:

– Спокойной ночи.

Он рассеянно гладит ее по голове:

– Какая ты бледная, худая. Одни глаза остались. Стоило тебя к морю возить? Ты, кажется, еще похудела?

Дверь за ними закрывается. Она больше никогда не увидит их. Они еще будут спать, когда она уйдет завтра.

Лизе обидно и грустно. Она достает из шкафа желтые туфли на толстой подошве, чистое белье, непромокаемое

пальто. Все. Можно ложиться.

Она тушит свет, вытягивается под одеялом. Надо скорей уснуть. Завтра чуть свет вставать. Но так грустно, так обидно. Мама даже не взглянула на нее, все в зеркало.

В открытое окно светит луна. Узкая серебряная полоса дрожит на полу. Полированный шкаф тускло блестит, на темном кресле белеет платье. Тонкие ветки качаются перед окном, черные тучи плывут по небу. Как грустно. Как тихо.

Лиза поворачивается к стене, замуривает веки. «Мама. Нет, не надо думать о маме, а то не уснешь. Лучше еще раз повторить: она в порту. Смешивается с грузчиками. Веревочная лестница. Трюм».

Как тихо. Как грустно.

«Трюм, – вздыхает Лиза сонно. – А что дальше? Ах да, канаты».

«Ты славная девочка, – гремит голос капитана. – Бери швабру, мой палубу».

Лиза испуганно открывает глаза. Уже светло. Из окна тянет свежестью. Часы бьют пять.

Трава блестит от росы. Небо светло-серое, почти белое. Лиза идет по широкой дороге. Все удалось. Никто не заметил. Как легко идти, как легко дышать. Не надо только торопиться, а то устанешь. Она размеренно шагает длинными ногами в желтых туфлях, размахивает в такт руками. Так ходят настоящие пешеходы.

Становится жарко. Она снимает шляпу, вытирает вспо-

тевший лоб, смотрит на солнце. Теперь, должно быть, уже час.

В пансионе завтракают. Мама уже заметила, что ее нет. Ищет, волнуется. Мама. Нет, о маме думать нельзя.

По дороге пролетают автомобили. Лиза глотает пыль, протирает глаза. Она устала. Пальто оттягивает руки. Голова болит. Лечь бы в тень под деревья и заснуть. Но тогда совсем разморишься.

Солдаты всегда поют, отправляясь в поход. С пением идти легче. Но она не знает ни одной солдатской песни, она вообще не знает ни одной песни. Разве ту, про зверька. Глупая. Ну, все равно.

Она поет, стараясь бодрее шагать:

Жил да был один зверек,
По дорожке скок да скок,
Не лягушка, не хорек,
Кто бы это думать мог.

Пыльный ветер дует в лицо, мешая петть, желтые туфли натерли ноги.

«Не лягушка, не хорек, кто бы это думать мог». Дребезжа, проезжает крестьянская двуколка. На высоком сиденье седой загорелый старик, рядом с ним старуха в красном шерстяном платье. Господи, да ведь это их молочница! Лиза быстро отворачивается. Дорога прямая. Кругом поля. Спрятаться некуда.

– Посмотри, – слышит она голос молочницы. – Это не русская девочка из Эксельсиора? Там говорили, что она пропала.

– Глупости, – отвечает мужской голос. – Как ей так далеко забраться?

От страха колени становятся мягкими, в глазах темнеет.

– А я тебе говорю, что это она.

Лиза старается обогнать тележку.

– Девочка, эй, девочка! – кричит молочница.

Лиза почти бежит.

– Подержи вожжи, надо посмотреть.

Молочница грузно спрыгивает на землю. Лиза бросается в поле.

– Стой! Стой! – кричит молочница.

Она совсем близко. Лиза слышит тяжелое топание ее сабо и, задышавшись, из последних сил бежит все скорее.

Старуха хватает ее за плечо, заглядывает ей в лицо:

– Ну конечно, это она.

– Оставьте меня, – отбивается Лиза. – Вы не имеете права. Оставьте меня.

Но старуха уже тащит ее к двуколке.

– Волчонок, – злобно трясет она Лизу. – До крови меня укусила. Теперь не уйдешь.

Она поднимает Лизу и толкает ее на мешок с картошкой.

– Смотри, чтобы не выскочила, – говорит она старику, беря вожжи.

Двуколка, дребезжа и подскакивая, катится по дороге. У Лизиных ног кудахчет курица со связанными ногами. За спиной стоят жестяные бидоны с молоком.

Поймали, поймали. Кончено. Все кончено.

– Шуточное ли дело? Десять километров отмахала. Такая маленькая. – Старик протягивает ей кусок хлеба с сыром. – На, съешь. Еще не скоро домой доберешься. Всех клиентов сначала пообедем.

Лиза молча отталкивает его руку.

Начинается дождь. Старик накрывает, чтобы не промокли, картофель, Лизу и курицу брезентом.

Двуколка останавливается уже в пятый раз. Громыхают бидоны. Молочница уже в пятый раз подробно рассказывает, как она поймала девочку. Потом приподымает брезент и показывает ее. Лиза забивается в угол. Любопытные глаза рассматривают ее.

– Какая хорошенькая. Вы говорите, злая?

– Настоящий волчонок. Цапнула меня за палец.

– Совсем дикая. Русская.

– Да что вы? Как интересно.

Лиза старается спрятаться за мешок с картофелем. Волчонок. Да, они смотрят на нее как на дикого зверя в клетке. Хорошо еще, что окурков в нос не суют.

Перед калиткой пансиона стоят горничные.

– Поймала! – еще издали кричит им, торжествуя, молочница. – Поймала вашу барышню. Вот она.

Лизу высаживают.

– Уже в полицию заявили. Всюду ищут.

Лиза качает головой. Колени подгибаются. Горничная подхватывает ее.

– Лиза, Лизочка! – Наташа громко плачет, прижимая ее к себе, целует ее волосы, лицо, руки. – Деточка моя, как ты меня напугала. Я думала, что ты утонула, Лизочка.

Лизу несут в комнату, укладывают в постель.

– Господи, – ужасается Наташа, – десять километров.

– Уши бы тебе оборвать надо, – говорит дядя Саша. – На ключ теперь запирать буду.

Наташа снова целует ее:

– Лизочка, отчего? Разве тебе плохо с нами?

Лиза тяжело открывает глаза.

– Нет, – говорит она медленно. – Я хотела в Гавр. На пароход, в Россию, – и вдруг всхлипывает, – пострадать.

– Пострадать? – переспрашивает Наташа.

– Вот оно что. Пострадать. – Дядя Саша ласково дергает ее за нос. – Ах ты, курица! Что же ты думала, с тобою там возиться станут? Просто обрили бы, как каторжницу, и в комсомол отдали бы.

В соседней комнате слышен смех. Как? В Россию? Пострадать?

Лиза прячет в подушку красное лицо. Какой стыд! Какой стыд! Все знают. Все смеются над ней.

Ветер трясет ставни. Дождь стучит по крыше. Наташа по-

правляет одеяло:

– Спи, деточка. Какая буря. Что бы ты делала одна, моя беглянка? Ну-ну, не плачь. Спи с Богом.

Она тушит свет и на носках выходит.

Лиза лежит в темноте. Дождевые капли, журча, сбегают по крыше. Ветер стучит ставнями. Море шумит.

Какой стыд! Какой стыд! Обрили бы... За нос дернул...

Подушка мокра от слез. Они текут и текут, и удержать их нельзя.

Теперь из Гавра по белым, бурным волнам уходит пароход. А она здесь. И все кончено.

Лиза спит. Слезы текут по ее щекам.

Ей снится холодный, синий рассвет. В синем холодном свете блестят зубчатые стены, блестят пестрые купола церквей, блестят золотые кресты.

Это Москва. Это Кремль.

Лиза стоит одна на широкой пустой площади.

Взвод солдат выстраивается полукругом. Блестят ружья. Щелкают затворы... Черные дула направлены прямо на нее...

Офицер с красной звездой на груди громко командует: «Пли!»

3

Лиза открыла глаза, провела рукой по лбу, растерянно

оглянулась кругом, не сразу узнавая свою комнату. Было уже совсем темно. В окно сквозь черные ветки слабо светил уличный фонарь. Тихо шуршал дождь.

– Россия, – сказала она громко. И прислушалась к своему голосу. – Россия. – Потом тряхнула головой. От воспоминаний ее мечтательного, печального детства сердце в груди стало тяжелым и горячим и во рту пересохло.

Она зажгла свет, взглянула на часы.

«Уже восемь... Что же не зовут обедать?»

Она открыла дверь. Волнение еще не совсем прошло. Колени ослабели, и ноги шли как-то сами собой, и голова чуть-чуть кружилась. Оступишься и полетишь вниз на блестящий пол прихожей.

По ковру гостиной идти было легче. Лиза остановилась, перевела дыхание.

«Как старая индюшка, успокоиться не могу. Стыдно!..»

– Она поверит... Она глупа, – говорил Николай в столовой.

– Ну, положим, она совсем не глупа, она наивна.

– Все равно, – перебил Николай. – Она поверит. Лиза, – позвал он громко.

Лиза толкнула дверь и сразу на пороге почувствовала, что что-то случилось. Андрей сидел за столом. Глаза его блестели, и губы были упрямо и решительно сжаты. Под желтым ярким светом лампы лицо его казалось слишком бледным.

«Кто глупа и чему поверит?» – хотела она спросить, но не

успела.

Николай быстро подошел к ней и взял ее за руки:

– Лиза. – Он посмотрел ей прямо в глаза. – Лиза, ты ведь моя сестра, я не хочу от тебя скрывать. Лиза. – Он запнулся. – Я не знаю, как тебе объяснить. Слушай! Мы с Андреем состоим в монархической организации. И теперь меня посылают в Россию.

– В Россию? – переспросила она похолодевшими губами.

– Да, в Россию, с документами. Очень ответственное и опасное поручение. Я уезжаю на днях. Меня, может быть, расстреляют там. Я хотел тебя спросить. – Он снова остановился. – Я хотел тебя спросить: хочешь ли ты ехать со мной?

Лиза стояла перед братом. Но это была уже не Лиза, только что вошедшая в столовую. Это была маленькая девочка из Трувиля, маленькая девочка, готовая на подвиг. От блаженства и ужаса кровь медленно отхлынула от сердца. Неужели все, о чем она даже мечтать не смела, неужели все исполнится?

– В Россию?

Николай потряс ее руки:

– Да ты что? Не понимаешь? Хочешь ехать со мной в Россию?

Лиза вдруг рванулась, вырвала свои руки из рук брата и бросилась ему на шею:

– Неужели? Неужели это правда? Не может быть! Я умру от счастья, Коля.

– Подожди, подожди. Об этом надо серьезно говорить. Значит, ты согласна ехать. Теперь отвечай, хочешь ли ты мне помогать?

– Да, да, да. Все, все сделаю. Все, что могу, больше чем могу.

– Ты не торопись так. Слушай. Для поездки нужны деньги, и большие. А их у нашей организации нет. Так вот, мне поручено самому достать. И я подумал, что тут ты могла бы пригодиться.

– Я? Но у меня...

– Не перебивай. Я сам знаю, что у тебя нет миллиона в банке. И все-таки ты могла бы помочь. Кромуюэль влюблен в тебя...

Поздно вечером, задергивая шторы на окне, Лиза взглянула на небо.

«Сегодня сочельник. Праздник, – смутно подумала она. – Да, праздник. Настоящий праздник. Только как с Кромом? Ах, ничего, ничего. Ведь не для себя. Для России. Для России». Лиза глубоко вздохнула. И ей показалось, что сердце ее вместе со вздохом вылетело из груди и летит в черном холодном небе, мимо облаков и луны, все выше и выше, прямо к Вифлеемской звезде, прямо к Богу...

4

В открытое окно влетел легкий-легкий звон.

Музыка, откуда?

Никогда Лиза еще не слышала такой нежной, звенящей, щемящей музыки.

Лиза лежала улыбаясь, боясь шевельнуться. «Еще, еще, только бы не прекращалась».

А музыка все лилась, плыла, летела над головой, комната была полна ею.

Лиза осторожно открыла глаза.

Сквозь шторы пробивался свет. Никогда еще Лиза не видела такого света. Совсем особенный. Не лунный и не солнечный свет. Он сливался с музыкой, и воздух звенел и переливался от звуков и сияния.

И вдруг музыка оборвалась.

Лиза встала, открыла окно. Теплый влажный воздух пробежал по ее лицу и голым плечам.

Утро было светлое и туманное.

В голубом небе скользили туманные сияющие облака. Лиза наклонилась и посмотрела вниз. Весь сад был покрыт белым, прозрачным, сияющим туманом. В сияющем тумане светились и расплывались кусты жасминов и темные ели. Перед самым домом на ярко-зеленой круглой лужайке сидел ангел.

Ангел сидел на корточках, как птица, сложив большие белые крылья на спине. Ветер трепал его длинные золотые волосы. Он рассеянно и задумчиво смотрел в небо голубыми, как небо, глазами. Рядом с ним на зеленой траве лежала зо-

лотая лира.

– Ангел!

Лиза тихо ахнула и как была, босая, в одной рубашке, побежала вниз.

«Ангел. Не может быть. Не бывает ангелов. Это сон», – неслось в ее голове. Но она чувствовала холод каменных ступенек, гравий на дорожке больно колотил ее босые ноги, и трава была мокрой от росы.

Она тихо подбежала к ангелу, боясь испугнуть его. Но ангел, казалось, не видел ее, он все так же равнодушно и задумчиво смотрел в небо. Она встала на колени и обняла его. Он был теплый, нежный, шуршащий.

– Ангелуша, – прошептала Лиза, задыхаясь от блаженства и слез. – Ангелуша.

Ангел даже не пошевелился. Он равнодушно смотрел голубыми глазами в голубое небо. Она прижалась щекой к его теплым, белым, шуршащим крыльям. Ей показалось, что сердце ее разрывается, что она умирает от счастья.

– Ангелуша.

Лиза проснулась и открыла глаза.

Какой чудный, какой пророческий сон.

К ней во сне прилетел ангел. Ангел сказал ей: «Иди». Как Жанне д'Арк. Она выглянула в окно.

«Какое солнце сегодня. Скоро я его увижу из Москвы... Там оно лучше, там оно русское солнце».

На минуту в глазах зарыбило, и побежали желтые, крас-

ные, розовые маленькие кружки.

Среди пестрых пляшущих кружков вдруг мелькнуло лицо Андрея. Лиза закрыла глаза.

«Нет, о нем нельзя думать. Ни о нем, ни о любви». Она покачала головой. Теперь она счастлива. Это и есть счастье. Она совсем счастлива, и ничего ей не надо – ни Андрея, ни любви.

В дверь постучали. Вошла Даша. На ней было пальто и шляпа с цветами.

– Прощайте, барышня. Ухожу от вас. Рассчитали.

Лиза вспомнила, что Николай хотел отпустить прислугу, чтобы она не видела, как будут уезжать.

– Прощайте, Даша. Всего хорошего.

Но Даша не уходила.

– Такое место легко найти. Вечно жалованье задерживали, и покоя никогда нет. О барыне и говорить стыдно. А только привязалась я к вам, барышня. Жаль мне вас. Ну, растите большой, умной.

Она поклонилась.

– Спасибо, Даша.

Но Даша все еще стояла на пороге.

– Как вы одни с ними останетесь? Все они о чем-то шепчутся. Все шепчутся по углам.

Не подслушала ли Даша что-нибудь?

– Это они спектакль собираются на Масленице ставить, – испуганно объяснила Лиза.

Даша фыркнула:

– Спектакль? До добра их спектакль не доведет. – Она помолчала. – А мне вас, барышня, жалко. Я вас, барышня, люблю, и грустно мне уходить от вас.

– И мне, Даша, грустно. – Лиза порылась в комод, достала пестрый шелковый шарф и протянула его Даше. – Спасибо вам, Даша, возьмите на память обо мне. – И пожала своей маленькой рукой грубую Дашину руку. – Прощайте, Даша.

Даша опять поклонилась:

– Прощайте, барышня. Дай вам Бог.

Лиза закрыла за ней дверь. Ей вдруг на самом деле стало грустно. Вот жила Даша в одном доме с ней и любила ее, а она не знала. Можно было бегать на кухню разговаривать с ней, все-таки легче было бы. В одном доме жили, каждый день видела, а не знала, и все так на свете: никто ничего не знает. Она тряхнула головой. Раньше, конечно, легче было бы. Но теперь ей не нужно ни любви, ни жалости. Теперь она счастлива.

Время почти остановилось. Так медленно текли часы. Лиза считала часы, считала минуты до субботы. До субботы вечером, когда они должны были ехать. Время почти остановилось, часовые стрелки почти не двигались. В этой остановившейся, медленной жизни все было только счастливым страстным ожиданием. Лизе казалось, что ее сердце, вспыхнувшее тогда в сочельник от Колиных слов: «Хочешь ехать в Россию?» – так и продолжает гореть у нее в груди. И только

страшно, чтобы оно не разгорелось еще больше и не сожгло ее всю дотла.

5

Кромуэль сидел в Лизиней комнате на диване.

– Завтра ночью у вас будут бриллианты, – сказал он.

Лиза закрыла глаза, прислонилась головой к подушке. После целого дня тревоги и суеты стало тихо и легко. Стоило ей только пожелать, и все исполнилось.

Как во сне.

Кромуэль молчал. Лиза сидела тихо, сложив руки на коленях. Сердце билось легко и счастливо. Все хорошо, все прекрасно. И то ли еще будет?

Кромуэль закашлял.

– Вы больны, Кром? Вы простудились. Это было бы ужасно.

– Нет, я совсем здоров. – Он посмотрел ей прямо в глаза. – Завтра ночью у вас будут деньги и бриллианты, – повторил он.

– Кром, вы ангел.

Он грустно покачал головой:

– Ангелы не воруют.

– Вам это так тяжело?

– Страшно тяжело, – сказал он серьезно. – Умереть было бы легче.

– Неужели украсть тяжелее, чем умереть?

Кромгуэль опустил голову:

– Гораздо.

Лиза посмотрела на него с любопытством:

– Я не понимаю. Я боюсь смерти.

Она снова закрыла глаза и положила голову на подушку.

Перед ней как в тумане проплыло бледное, грустное и злое лицо Андрея.

– Умереть можно только из-за любви, – сказала она тихо.

Ее горло сжалось и пальцы похолодели.

– И если расстреляют. Не говоря уже о болезнях, несчастных случаях и старости.

Он ничего не ответил.

Ее голова лежала на подушке. Лицо ее стало совсем спокойным, безучастным, безмятежным. Вся жизнь, все оживление исчезли с него. Губы не шевелились, и веки были закрыты.

Кромгуэль нагнулся над ней. Сердце его дрогнуло от жалости. Что с ней? Она девочка, почти ребенок.

Отчего же у нее такой несчастный вид?

– У вас какое-нибудь горе, Изольда?

Она открыла глаза. И глаза ее сияли. Кромгуэль на минуту, как тогда в Биаррице, почувствовал на своем лице горячий солнечный свет, шедший из ее глаз. И, как тогда в Биаррице, зажмурился.

– Горе? – переспросила Лиза, и голос ее зазвенел: – Нет,

у меня огромная радость. Ведь мы едем в Россию. Я еще никогда не была так счастлива.

Они помолчали немного. Лиза взяла его за руку. Он сжал ее пальцы в своих:

– Завтра я принесу все. А вы не забыли, Изольда, вы помните, что обещали мне?

Она покраснела:

– Я все помню. Но не надо говорить об этом сейчас. Слушайте, Кром. В России теперь снег, белый, блестящий. Утром на солнце он кажется розовым, а ночью, когда луна, почти голубым. Вы еще никогда не видели такого снега. Только в России такой снег. Разве вы не рады, что едете?

– Конечно я очень рад, Изольда.

Дверь открылась, и вошел Николай.

– Здравствуй, Кром. – Он весело похлопал Кромуэля по плечу. – Устроил? Когда?

– Завтра ночью.

– Молодец. С тобой не пропадешь. – Он задумался. – Значит, мы послезавтра можем тронуться. День проведешь у нас. Домой, конечно, после этого незачем тебе показываться. Там могут хватиться.

Кромуэль кивнул:

– Да. После этого нельзя вернуться домой.

Николай закурил.

– Ну, значит, все в порядке. Андрей, – позвал он. – Андрей, иди сюда.

По лестнице послышались быстрые шаги.

– Мы едем в субботу, – крикнула Лиза.

Андрей только вошел. Он еще стоял на пороге.

– В субботу? – сказал он задыхающимся голосом. Лицо его стало совсем белым.

Лиза подошла к нему:

– Что с тобой, Андрей? Тебе дурно?

Он прижал руку к сердцу:

– Нет-нет. Я слишком быстро вбежал. Так в субботу? – переспросил он глухо, и губы его чуть-чуть задрожали.

Лиза почувствовала, что ей тоже трудно дышать, словно и она слишком быстро вбежала по лестнице.

«Любит, – подумала она, – мучается. Ревнует, что Кром едет со мной».

Николай поднял руку:

– Слушайте, господа. Что, если бы мы поехали поужинать все вместе в последний раз? Есть у тебя деньги, Кром?

Кромуэль кивнул:

– Деньги есть.

– Ну вот и отлично. Повеселимся в последний раз. Соберайся, Лиза.

– Глупости, – резко вмешался Андрей. – Никуда мы не поедем. Нельзя нам ехать.

– Почему? – удивилась Лиза.

– Потому что нас не должны видеть вместе. – Андрей пожал плечами. – Вам-то что? Вы уезжаете, а я остаюсь.

– Правильно, – согласился Николай. – В ресторан нам нельзя, но и киснуть не надо. Давайте купим вина и повеселимся тут. Принято?

– Принято.

6

В столовой горит камин. Желтая лампа низко спускается над столом.

Лиза сидит на диване, подобрвав ноги. В голове шумит. Горячий, накуренный воздух жжет глаза. В накуренном воздухе тускло блестят бутылки, и рядом на тарелке розовая ветчина. Апельсинные корки валяются на полу. Николай наливает ей еще вина. Она поднимает стакан:

– За успех нашего дела. Отчего ты не хочешь чокнуться со мной, Андрей?

Андрей ставит свой стакан на стол:

– Чокайся с Кромуэлем. Я слишком много выпил.

Лиза пожимает плечами:

– Как хочешь. Кром, за наш успех.

Андрей смеется.

Лиза выпивает вино. В голове еще сильнее шумит.

Ветви, качающиеся за окном, кажутся руками, протянутыми к ней за помощью.

Автомобильные гудки – зовущими голосами: «Ждем, ждем, выходи!»

– Иду! – хочется ей крикнуть им.

Она поднимает руку, берет яблоко с вазы.

В груди уже нет сердца. В груди тихо и пусто. Ее сердце – это красное яблоко. Вот оно, ее сердце. Оно лежит на ее ладони. Оно обнажено, оно бьется, и трепещет, и любит. Оно все чувствует. Она сжимает его пальцами, и сердцу больно. Что ей делать с ним? Что ей делать со своим сердцем?

Она протягивает яблоко Андрею:

– Андрей, съешь. Я тебе дарю.

Андрей равнодушно берет яблоко, трет его о рукав, потом откусывает кусок белыми, крепкими зубами.

«Вот сейчас будет страшно больно, – думает Лиза. – Ведь он ест мое сердце. – Она сжимает руки, чтобы сдержать крик боли. Но совсем не больно. Она удивленно смотрит на Андрея, видит, как его белые зубы жуют яблоко. И совсем не больно. – Это не мое сердце. Я просто пьяна. Брось. Не ешь, Андрей».

И Андрей бросает огрызок яблока на ковер.

Николай смеется и пьет. И Кромгуэль тоже смеется и пьет. Один Андрей бледный и злой.

Лиза тихо напевает старинную французскую песенку:

«*Ecoutez ma chanson, dames et demoiselles. Si vous mangez mon cœur, il vous pousseront des ailes*»⁷.

Но ведь Андрей съел не ее сердце, а яблоко. Если бы он

---

⁷ «Слушайте мою песенку, дамы и барышни. Если вы слушаете мое сердце, у вас вырастут крылья (*фр.*).

съел ее сердце, он был бы веселый. Автомобильные гудки за окном снова протяжно зовут: «Ждем, ждем, выходи!» Куда они зовут ее? В Россию? Но ведь она едет. Через два дня, через два дня. Она сжимает руки на груди. Она идет на подвиг. Да, на подвиг. Она героиня, она спасет Россию, она Жанна д'Арк. Ей ангел во сне сказал: «Иди». Она крепче сжимает руки и встает с дивана. Звон в ушах усиливается. Это звонят колокола в Москве. Она чувствует себя такой легкой, бесплотной, счастливой, вот взмахнуть руками – и полетишь на небо. Но в небо лететь нельзя. Она нужна здесь, на земле. Она должна спасти Россию, для этого она и послана на землю.

Она подходит совсем близко к камину. Отчего так жарко? От камина или от огня в груди?

– Я буду и в Петербурге, – доносятся слова Николая.

Петербург... Она оглядывается, смотрит на Андрея, Николая и Кромуэля. Они сидят на диване, они пьют. Кромуэль зажигает спичку. Пламя слабо желтеет в дымном воздухе.

Петербург...

И вдруг Андрей тает, расплывается, вытягивается.

Это уже не Андрей. Это высокая мачта, и на верху ее развевается широкий белый флаг. И уже нет ни комнаты, ни табачного дыма, ни бутылок.

Голубая река, голубое небо, сотни белых, развевающихся на мачтах флагов. Сколько кораблей, сколько флагов, сколько чаек! Нет, это не Петербург. Это Константинополь, это

Марсель. Лиза трясет головой.

«Нет, это не Петербург».

Николай стоит посреди комнаты:

– Потом мне придется съездить на несколько дней в Киев, оттуда снова вернуться в Москву...

Он размахивает руками. Андрей смеется:

– Какое большое, какое опасное путешествие. Ты прямо герой.

Николай быстро оглядывается на него:

– Ты что, пьян?

– Нисколько. Даже еще выпью. – Андрей наливает себе вина. – И вы выпейте со мной. – Он поднимает стакан и чокается с Кромуэлем. – За ваше путешествие. – Он смотрит ему прямо в глаза. – За ваше путешествие в ад.

– В ад? – удивленно переспрашивает Кромуэль.

– Ты пьян? – Николай вырывает стакан из руки Андрея. – Не смей больше пить.

– Сам ты пьян. – Андрей удобнее устраивается на диване. Его бледное, злое лицо наклоняется к Кромуэлю. – Конечно вы едете в ад. Разве Россия теперь не ад?

Лиза смотрит на него. Какой он красивый. Она садится рядом с ним, кладет руку на его плечо:

– Андрей, знаешь...

Но он не слышит ее. Он внимательно смотрит на Кромуэля, на его длинные ноги, далеко протянутые вперед.

– Я боюсь, что чемоданы будут слишком малы, – говорит

он по-русски.

Николай трясет его за плечо. Он красный, и губы его дрожат.

– Ты пьян. Замолчи сейчас же. Ты сумасшедший.

– А ты трус. Сам все выдумал, а теперь трусишь.

Лиза широко раскрывает непонимающие глаза:

– Что? О чем вы? Какие чемоданы?

– Ничего, ничего, Лиза, не обращай внимания, – успокаивает Николай. – Андрей пьян. Надо идти спать.

– Спать. – Лиза потягивается. – Уже спать? Было так хорошо.

– Лиза, – строго говорит Николай. – Ты забыла.

Лиза трясет головой:

– Нет-нет, я все помню.

Ну да, она помнит. Послезавтра они едут в Россию.

Она с трудом встает. Какими тяжелыми стали ноги.

– Идите домой, милый Кром. Уже поздно. А завтра для вас трудный день.

Кромуэль уже почти спит. Голова его лежит на подушке. Веки закрыты.

– Пора домой, Кром.

– Да-да, сейчас. Очень весело было. Когда вернемся из России, будем часто...

– Об этом потом. Теперь иди домой.

Николай берет его за руку:

– Спокойной ночи. До свидания.

– До завтра.

Все идут провожать его в прихожую. Пестрый фонарь под потолком неприятно блестит. Все качается, все плывет. Николай помогает Кромуюэлью надеть пальто.

– Ты один доберешься? Довести тебя?

Кромуюэль благодарно улыбается:

– Спасибо, какой ты добрый. Какие вы все добрые.

Андрей снова громко смеется. Лиза вздрагивает:

– Чему ты?

– Спокойной ночи. – Кромуюэль кланяется. – Я отлично дойду сам. Спокойной ночи, Изольда.

Дверь хлопает за ним.

– Ты болван! – зло кричит Николай.

– А ты трус.

– Не ссорьтесь, идите спать.

Лиза поворачивается к лестнице, ставит ногу на ступеньку. В ушах звон, в глазах туман. Ничего понять нельзя. И не надо. Только бы добраться к себе, только бы лечь.

7

Обыкновенно Лиза мылась у себя наверху. Но после вчерашнего надо было взять ванну. Голова болела, и во рту был отвратительный медный вкус. Лиза морщилась. Нехорошо, плохо. Разве можно теперь так пить?

Белая пена хлопьями падала на каменный пол. Пар белым

облаком поднимался от горячей воды. Электрическая лампочка на стене тускло желтела, как уличный фонарь в тумане.

Лиза не любила ванную. Она была темная, узкая, без окна, с одной только маленькой дверью, обитой войлоком. Лизе всегда казалось, что это не ванная, а тюремная камера или склеп. И еще казалось, что пахло в ней сыростью, болотом идохлыми жабами. Хотя откуда тут быть болоту и жабам? Тут было бы удобно своих врагов на цепи держать. Кричи не кричи – никто не услышит.

Лиза накинула халатик, надела домашние, мягкие туфли и вышла в коридор. Надо чай сварить, ведь Даши нет. Из столовой слышались голоса. Коля уже встал, и Андрей тут.

Она хотела войти к ним. Нет, пойду вскипячу им чай, а то они голодны.

Она по коридору побежала на кухню. На плите стояли грязные кастрюли, смятые салфетки валялись на полу.

«Какой разгром, а только день, как нет Даши». Она достала из-за двери хлеб, оставленный утром булочником.

«Вот и я помогаю, вот и я приношу пользу. Коля похвалит».

Вода шумно закипела. Лиза сняла чайник с огня, сунула длинную булку под локоть, взяла горячий чайник в одну руку, в другую сахарницу и осторожно, чтобы не обжечься, пошла по коридору. Войлочные туфли ступали бесшумно. Лиза была горда. Конечно, это только чай, это пустяки. Но я

уже помогаю.

Булка чуть не выскользнула из-под локтя, она остановилась, подхватила ее, снова прижала к груди и вдруг услышала из-за двери голос Николая:

– Стреляй сзади в спину. Дуло надо обернуть.

Лиза толкнула дверь.

Андрей стоял у окна, держа в руке револьвер.

Николай, наклонившись, заматывал дуло носовым платком. Они оба обернулись на скрип двери и посмотрели на Лизу одинаковыми злыми, затравленными глазами.

Лиза уронила хлеб на пол, руки ее задрожали, жестяная крышка чайника запрыгала.

– Кого стрелять сзади?

Николай набросился на нее:

– Ты зачем под дверью подслушиваешь?

– Я не подслушивала. Я вам чай вскипятила.

Николай уже успокоился и спрятал револьвер в карман.

– Ну хорошо, хорошо. Поставь чайник на стол, еще обваришься. Садись чай пить, Андрей.

Андрей поднял хлеб с пола:

– Хлеб на пол бросать грешно. Так меня учила няня. Что же ты, Лиза, уставилась на меня как баран на новые ворота?

– Кого стрелять сзади? – повторила Лиза.

– Ах, ты все об этом? – Николай рассмеялся. – Мало ли кого придется. Пограничника или чекиста. Что же ты думаешь, я в Россию еду, чтобы бабочек сеткой ловить или в снежки

играть?

Лиза покачала головой:

– А зачем дуло заворачивать платком?

Николай размешивал в чашке сахар.

– Чтобы выстрела слышно не было. Выстрела никогда не должно быть слышно.

Лиза молча села за стол. На скатерти темнели большие пятна красного вина. И почему-то руки ее снова задрожали и сердце сжалось. Конечно, Коля прав. Отчего я так испугалась?

– Ну вот, Лиза, ты сейчас пойдешь на вокзал узнать, когда идет поезд. Сумеешь?

Лиза кивнула. Она старалась не видеть ни Андрея, ни Николая, ни темных пятен на скатерти. Она встала:

– Хорошо. Я сейчас пойду.

Лиза торопливо одевалась. В прихожей она прислушалась, не услышит ли еще что-нибудь, но в столовой говорили шепотом.

8

Когда Лиза вернулась домой, Николай сидел у окна.

– Узнала, – крикнула Лиза. – Поезд идет в десять тридцать.

– Поезд? – рассеянно переспросил Николай.

– Ну да, поезд. Поезд в Москву. – Лиза рассмеялась. – Ты,

кажется, уснул?

– Нет. Я задумался.

– Есть еще утренний.

– Утреннего не надо. Спасибо, что узнала. Так в десять тридцать?

– Да. А где Андрей?

– Он ушел домой.

– Зачем? Ведь он теперь всегда ночует у нас?

– А сегодня не мог.

Лиза пожала плечами:

– В последний раз. Ведь мы завтра уезжаем.

– У его тетки гости. Не приставай.

Лиза замолчала.

На столе все еще стояли пустые бутылки, грязные тарелки и стаканы. Лизе снова стало не по себе. Было так весело узнавать на вокзале о поезде в Москву, будто сейчас уезжаешь. И потом бегать по магазинам, присматривать перчатки и чулки, в которых будешь ходить по Москве. А тут, дома, должно быть от беспорядка, ей стало неприятно. Она засуетилась:

– Подожди, Коля, я приберу здесь, а то как в конюшне.

– Брось, не стоит.

– Кром скоро придет.

– Ну, его теперь нечего стесняться.

– Почему? – удивилась она.

Она торопливо собрала со стола.

– Да перестань возиться, Лиза. Слушай. – Николай на минуту остановился. – Ты помни: Кромуэль будет ночевать у тебя сегодня.

Лиза покраснела:

– Я ему обещала. Но...

– Нет, – перебил Николай. – Непременно. Ты поведешь его прямо к себе.

Стакан задрожал в Лизиных пальцах и, выскользнув, ударился с жалобным звоном о пол.

– Разбила! – испуганно вскрикнула Лиза. – Ничего. Белое стекло – это к счастью.

Николай взял ее за плечо:

– Кром должен ночевать у тебя. Поняла?

Лиза послушно кивнула:

– Хорошо. Но почему? Его бы можно было уложить в гостиной.

Николай раздраженно поморщился:

– Не рассуждай, пожалуйста. Слушайся.

Лиза снова кивнула:

– Хорошо.

Этот вечер казался ей бесконечно длинным. Николай молча курил. Она сидела на диване, поджав под себя ноги.

– Коля, ты бы затопил. Холодно.

– Ах, оставь! – Он сердито бросил папиросу. – Не до того мне. В котором часу Кромуэль обещал?

– Он сказал: как только мать заснет. Часов в одиннадцать.

– В одиннадцать. Как долго еще ждать.

Они снова замолчали. Лиза смотрела на желтую лампу, на пыль, тонким тусклым слоем покрывавшую буфет.

– Коля, я голодна. Я за весь день ничего не ела.

Николай пожал плечами:

– Не маленькая. Могла бы сама о себе позаботиться. Там на кухне есть колбаса и хлеб.

Лиза вошла в кухню, поставила чайник на газ.

«Отчего мне так тяжело? – подумала она. – Чего я боюсь? Ведь все хорошо, все отлично. Завтра мы едем. Что же это?»

Но сердце стало тяжелое и большое, будто не сердце, а камень в груди, и колени ослабели, и руки дрожали.

Лиза отрезала хлеб, положила на него кусок колбасы и, стоя около плиты, принялась есть. Но глотать было трудно, горло стало совсем узким. И есть уже не хотелось.

Она положила хлеб обратно на тарелку и покачала головой. «Отчего это? Ведь я только что была голодна».

Она прошла по длинному коридору в столовую и села на диван. Николай все так же молча и раздраженно курил. Было тихо. В окно сквозь черные голые ветви заглядывала луна. Лиза сжала холодные руки и вдруг неожиданно для себя громко и жалобно сказала:

– Коля. Мне страшно. Я боюсь.

Николай повернул к ней голову.

– Боишься? – резко спросил он. – Рано бояться.

– Что? Рано? Что ты говоришь?

– Ничего. Молчи. Нечего тебе бояться.

– Коля, – зашептала Лиза. – Я не могу. Мне так страшно сегодня. Как будто из всех углов...

– Молчи. – Николай побледнел, и губы его задрожали. Он быстро оглянулся. – Молчи. Мне, может быть, самому страшно.

– Коля. – Лиза прижала похолодевшие руки к груди и закрыла глаза. Стало совсем тихо, только кровь испуганно стучала в ушах.

Николай шумно отодвинул стул. Щелкнул выключатель. Над Лизиной головой зажегся яркий фонарь, Лиза открыла глаза.

– Глупости. Нечего бояться. – Николай был еще бледен. Он хотел улыбнуться, но губы не слушались. – Ты, Лиза, трусиха. Тебя курица забодает.

Он закрыл ставни, задернул желтые занавески.

– Это все от темноты, от тишины, от ожидания. Ты не бойся. Бояться нечего. Мы сейчас и в гостиной осветим.

Он принес ей платок.

– Закутайся. Тебе холодно. Сейчас теплее, сейчас веселее станет.

Он завел граммофон.

– Вот и музыка. Вот и хорошо. Теперь светло, тепло и музыка. Разве тебе еще страшно, Лиза?

Лиза сидела в углу дивана. Теплый платок лежал на ее застывших ногах. Глаза щурились от слишком яркого света, в

уши рывались резкие звуки фокстрота.

– Вот и не хуже, чем в дансинге. – Николай уже спокойно улыбался. – А чтобы совсем весело стало, хочешь, потанцуем, воробей?

Он протянул к ней руки.

Она уже была готова встать – чего ей бояться, в самом деле, – и вдруг увидела на стене тень от его рук, огромную, черную, безобразную тень. Черные руки будто протягивались к ней, длинные костлявые пальцы тянулись к ее горлу. Она прижалась к дивану:

– Оставь меня, не трогай! Не трогай!

Николай отшатнулся от нее:

– Что? Что с тобой? Чего ты кричишь как резаная?

Но Лиза продолжала кричать, с ужасом глядя на тень его все еще протянутых к ней рук:

– Не трогай меня! Я боюсь! Я боюсь тебя!

9

Этот вечер прошел, как и все вечера, когда мать Кромуюэля не выезжала, за чтением книг и обрывочными разговорами. В гостиной с камином и низкими мягкими креслами было тихо и уютно, как бывает в благоустроенном английском доме, а не в большой парижской гостинице.

В половине одиннадцатого мать Кромуюэля отложила книгу и встала с кресла:

– Спокойной ночи, Кром. Идите спать. Уже поздно.

Кромуэль тоже встал. Лампа под белым стеклянным абажуром бросала матовый свет на его взволнованное лицо.

Мать внимательно посмотрела на него:

– Что с вами, Кром? Вы как будто грустны. Здоровы ли вы?

Кромуэль покраснел.

– У меня болит голова, – сказал он тихо.

Она приложила ладонь к его лбу:

– Жара нет. Спите спокойно. Завтра все пройдет.

Он молча поцеловал ее руку. Она коснулась губами его гладкой щеки.

– Вам скоро уже бриться придется. – Она улыбнулась: «Вот и у меня взрослый сын». – Ложитесь скорей и не читайте в кровати.

Она пошла к двери спальни, на пороге остановилась, кивнула ему и подождала, пока Кромуэль вышел в коридор и потушил свет в гостиной.

«Какой он большой. Какой красивый. Мой сын».

Белая простыня и лиловое одеяло были откинута на широкой низкой постели.

Она медленно разделась. Платье легло на кресло, длинная нитка жемчуга мягко стукнулась о замшевое дно шкатулки. Она сняла кольца, вынула серьги из ушей, причесала щеткой короткие волосы, взглянула в туалетное зеркало на свое красивое, холодное, еще молодое лицо, тонкую шею и белые

плечи.

«Я счастливая женщина, – подумала она смутно. – Мне так хорошо. Мне есть для кого жить. Для Крома».

Она легла, вытянула под одеялом свои длинные мускулистые ноги.

«Завтра утром поеду кататься верхом в Булонский лес, – вспомнила она с удовольствием. – А потом завтрак у Джен. Да, очень приятно».

Она легла на спину, скрестила руки поверх одеяла и прочла вечернюю молитву.

Окончив, она повернулась на правый бок и закрыла глаза.

Сон был уже совсем близко. В голове, как разорванное прозрачное облако в пустом небе, плыли отрывки каких-то слов, каких-то фраз. Уже не было сил составить их, понять, что они значат. И вдруг плечи ее вздрогнули. Она открыла глаза.

– Кром, – сказала она громко. Беспокойство, животный страх за сына быстро пробежали по ее телу, подкатились к горлу. Страх самки за своего детеныша. – Кром.

Ее сердце сжалось, как всегда, когда ее сыну грозила какая-нибудь опасность или болезнь. Знакомое чувство страха за него отдалось болью в ее теле. Той незабываемой, страшной болью, которую она испытала в первую минуту его рождения, его жизни, когда кровная связь, связывающая мать и ребенка, еще не была перерезана.

Она села, провела рукой по лбу.

– Что со мной? Кром дома, Кром спит. Он здоров, мне нечего волноваться. Это нервы. Нервы, – прошептала она, кривя губы так же презрительно, как и Кромуэль, когда он произносил слово «нервы».

Она зажгла лампу на ночном столике, выпила воды.

«Я просто устала. Хорошо, что мы через неделю возвращаемся домой. Это путешествие длится слишком долго». Кром. О Кроме нечего беспокоиться. Конечно, Лесли видел его в подозрительной компании в ресторане. С ужасными девчонками, ужасными мальчишками. Но ведь это так понятно в его годы. И когда она поговорила с ним, он просил у нее прощения. Его учитель очень доволен его успехами. Он добрый, он благородный мальчик. Он так похож на отца. Все хорошо. Ей не о чем беспокоиться.

Она снова положила голову на подушку и закрыла глаза.

«Я все-таки буду очень рада, когда Кром вернется в Итон», – подумала она, засыпая.

Дверь тихо скрипнула, кто-то вошел. Она очнулась.

«Вор», – сразу поняла она. И сейчас же, еще не совсем придя в себя и еще не открывая глаз, сунула руку под подушку за револьвером и пальцы нащупали холодную сталь. Она не испугалась. Она была храбра и всегда чувствовала какой-то особый подъем перед опасностью – и когда охотилась с мужем на львов, и в Швейцарии, когда она чуть не погибла, сорвавшись с горы в пропасть.

Она лежала, не шевелясь, ровно дыша, прислушиваясь к

шороху. Потом, будто во сне, осторожно повернула голову и приоткрыла веки.

В комнате было почти темно. Матовый фонарь на ночном столике тускло светил.

Кромуэль, ступая на носки и вытянув руки вперед, как слепой, медленно подвигался к туалету. Она не шевельнулась, не крикнула. Только пальцы ее, сжимавшие револьвер, разжались.

Кромуэль остановился, раскрыл шкатулку, потом выдвинул ящик секретера и стал быстро засовывать что-то в карманы.

Она дышала ровно и спокойно. Он обернулся, испуганно взглянул на мать бегающими, косящими от волнения глазами.

«Он косит, – подумала она отчетливо и спокойно, как о чужом. – Я никогда не замечала раньше, что он косит».

Будто сейчас единственное, что занимало ее, был вопрос о том, косит ли Кромуэль или нет.

В гостиной потух свет, дверь в коридор тихо закрылась.

Тогда она встала и подошла к туалету. Она не совсем еще верила. Может быть, он пришел просто взять книгу. Но шкатулка была пуста, и деньги из ящика исчезли.

– Вор, – сказала она громко. – Кромуэль – вор. – И прислушалась к звуку своего голоса.

Она увидела в темном зеркале свое бледное, сразу постаревшее лицо и с отвращением и страхом отвернулась:

– Мать вора. Я мать вора.

Она вспомнила, как несколько лет тому назад присутствовала на скандальном процессе. Молодой человек из хорошей семьи обокрал банк. Весь Лондон сбежался в суд. Мать вора, старая женщина в трауре, не переставая плакала. Его приговорили к десяти годам тюрьмы. Было жарко и скучно, и она жалела, что пошла. Тогда ей казалось, что все люди разделены на две части – на честных и преступников. И между ними непереходимая пропасть. Все, что касалось преступников, было отвратительно и неинтересно. Никогда, ни на одну минуту она не задумывалась о них. Ей даже не было жаль плачущей женщины в трауре. Разве можно жалеть мать вора?

– А теперь Кромуэль – вор, – повторила она. – Вор.

Уже не было пропасти, все смешалось, он уже был по ту сторону, среди преступников. И она, его мать, была там же. Он ее сын. Он сын Джеймса.

– Какое счастье, что Джеймса убили, – прошептала она и заплакала.

Что делать? Что теперь делать? Она плакала долго, пока не ослабела от слез. Ничего сделать нельзя.

«Завтра мы уедем в Лондон, – решила она наконец. – Завтра утром я поговорю с ним. Надо дождаться утра, успокоиться. Ведь все равно теперь ничего не поправишь». Если даже никто не узнает, если даже его никогда не будут судить и не сошлют на каторгу. Он все равно навсегда останется во-

ром. И она никогда не забудет, что она мать вора.

Она снова легла. Натягивая одеяло, она коснулась своей голой груди и с гадливостью отдернула руку, будто дотронулась до жабы, – так противно ей было ее собственное тело.

10

Лиза открыла Кромуэлю. Он вошел быстро, будто за ним гнались, и запер дверь на два поворота. Они стояли друг перед другом, растерянные и бледные.

– Принес? – спросила Лиза, и голос ее сорвался от волнения.

– Вот. – Он протянул ей длинную нитку жемчуга и стал вытаскивать деньги из кармана пиджака.

– Подожди, Кром. Куда я их положу? Пойдем ко мне. Там отдашь. Сними пальто.

Он послушно засунул смятые бумажки обратно в карман.

Лиза пошла вперед. Жемчуг, как четки, свисал с ее руки.

– Тише. Коля уже спит.

– Спит? – переспросил он с верхней ступеньки.

– Ну да. Спит. Ты не понимаешь?

Она через плечо посмотрела на него. Он поднимался медленно. У него было совсем новое, усталое и покорное лицо.

Лиза зажгла свет.

– Садись на диван, Кром. Тебе тяжело было?

– Да, тяжело. Но я думал, что будет еще тяжелее.

– Она не проснулась?

– Нет, она спала. Она даже не пошевелинулась во сне. – Он замолчал на минуту. – Но завтра она все равно узнает, – сказал он как будто рассеянно.

Лиза села рядом с ним. Ей хотелось утешить, успокоить его. Нет, ей не утешать его надо. Нет, ей надо, необходимо что-то сказать ему. Но что? Что?

Он встал, выложил из кармана на стол деньги, серьги и кольца.

Лиза даже не повернула головы, не взглянула на них.

– Кром, послушай. – Она сжала руки на коленях. – Кром. Знаешь, мне кажется, тебе не следует ехать в Россию.

– Почему?

– Я не знаю. Но не надо. Не поезжай. Я боюсь за тебя, Кром, – прошептала она. – Я боюсь за тебя, – повторила она, и эти слова вдруг объяснили ей все: и волнение, мучившее ее весь день, и непонятный страх. Все стало ясно: она боялась за Кромуюэля. Она не понимала еще, какая ему грозит опасность, но знала, что эта опасность уже совсем близко.

Она встала, подошла к нему:

– Кром, тебе не надо ехать. Кром, все еще можно поправить. Ведь твоя мать спит.

Она быстро собрала деньги и драгоценности со стола:

– Возьми, возьми все это. Отнеси домой. Иди домой, Кром. Никто ничего не узнает. Иди домой.

Он удивленно смотрел на нее:

– Что ты говоришь? Разве не ты сама...

Она взяла его за руку:

– Кром. Я тебя прошу. Иди домой, Кром. Ну да. Я сама уговорила тебя. Но я тогда не понимала. Тебе не надо. Нельзя. И зачем тебе Россия? Ведь ты англичанин. Кром, возьми жемчуг, возьми деньги. Иди домой.

Он покачал головой:

– Перестань, Лиза.

– Кром, я тебя умоляю, иди домой.

Она старалась засунуть деньги в его карманы. Он взял ее руки в свои и, нагнувшись, заглянул в ее глаза:

– Так не ведут себя храбрые женщины.

– Если ты любишь меня, Кром, я прошу тебя.

– Именно оттого, что я люблю тебя. Теперь все равно поздно. Я все равно уже погиб. Я вор. Единственное, что мне осталось в жизни, – это ты.

– Кром, но ты не подумал. Ведь тебя могут убить в России.

– Но ведь и тебя могут убить. Мы будем вместе. Я очень несчастен. И я совсем не так дорожу жизнью.

Он обнял ее:

– Поцелуй меня, Лиза. Не будем говорить об этом.

Она подняла к нему лицо, увидела его светлые, еще совсем детские глаза и, задыхаясь от нежности, страха и жалости, почувствовала на своих губах его горячие губы. И вдруг сквозь поцелуй, сквозь стучащую в ушах кровь, сквозь нежность и жалость донесся тихий шорох. Тихий, еле слышный.

Лиза откинула голову назад и, все еще глядя в светлые, детские глаза, прислушалась. За дверью что-то слабо щелкнуло. И все стихло.

– Что это? – Она снова приблизила губы к его горячим губам, закинула руки за его шею, слабея от страха, жалости и нежности, цепляясь за него, чтобы не упасть.

– Как ты побледнела. Тебе дурно?

– Нет, нет. Поцелуй меня еще раз, Кром, милый Кром.

Она прижалась к нему, потом быстро сняла руки с его плеч и отодвинулась.

– Подожди. Сядь на диван.

– Ты уходишь?

– Нет, нет. Подожди, Кром, я сейчас.

Она тихо подошла к двери, взялась за ручку. Дверь не поддавалась.

«Заперто, – подумала она. – Снаружи заперто. На задвижку».

Она ничего не сказала. Она молча подошла к окну, раздвинула занавески и открыла окно. Луна ярко освещала сад, гладкая стена под окном блестела. Ни водосточной трубы, ни уступа. Если спрыгнуть, сломаешь ногу.

Она закрыла окно, задернула занавеску.

«Кром может выломать дверь. Он сильнее Николая. И я ему помогу», – подумала она.

Кромуюэль протянул к ней руку:

– Изольда, иди ко мне. Что ты там осматриваешь?

– Кром, я тебя прошу в последний раз. Иди домой.

Он покачал головой:

– Оставь. Я никуда не уйду. Даже если бы я должен был через час умереть, я не уйду от тебя.

Лиза вздохнула:

– Ну хорошо. Раз ты не хочешь. Тогда... – Она помолчала. – Тогда давай ложиться спать, Кром. Уже очень поздно, – быстро закончила она и покраснела.

Ей стало неловко.

– Мы ляжем не раздеваясь. Хорошо? Диван широкий.

Он тоже покраснел. Он нерешительно смотрел на нее.

Она достала из шкафа плед и подушку.

– Ты можешь спать одетым?

– Конечно могу.

– Подушка одна. Нам придется положить головы рядом. Тебе не будет неудобно? Ну что же ты? Ложись.

Он лег к стене, она легла рядом с ним и потушила свет.

– Хорошо тебе, Кром? Тепло?

– Очень хорошо.

– Какой ты длинный. Какие у тебя крепкие руки. Если тебе неудобно, можно раздеться.

Она прижалась к нему в темноте.

– Нет, не надо. Так хорошо.

Она еще сильнее прижалась к нему.

– Кром, милый, милый, – зашептала она над самым его ухом. – Я так, так люблю тебя. Я так благодарна тебе. Если

бы ты захотел, я ни в чем не отказала бы тебе, Кром.

Он отодвинулся, даже немного оттолкнул ее.

– Этого не надо, нельзя этого. – Голос его звучал испуганно.

– Но почему? Почему? Раз я сама хочу. Мне так хочется, чтобы ты был счастлив.

Он снова обнял ее.

– Я и так счастлив. – Он поцеловал ее холодную щеку. – Вот когда вернемся из России, когда мы будем совсем взрослыми, тогда мы поженимся.

– Ах, Кром!.. Мы никогда не будем взрослыми.

– Кто знает? Может быть, мы доживем до ста лет.

– Нет. Нет. И зачем ждать, всегда ждать? Почему ты не хочешь сейчас? Почему?

– Потому что этого нельзя.

Он наклонился над ней в темноте и целовал ее шею, ее губы, ее глаза.

– Ты плачешь. Отчего ты плачешь, Изольда?

Она тихо вздохнула сквозь слезы:

– Оттого, что нам так мало осталось жить.

Он заснул первый. Его голова тяжело лежала на ее плече. Она боялась шевельнуться, чтобы не разбудить его. Слезы все еще текли по ее щекам. Никогда еще она не чувствовала такой жалости, такой нежности, такой слабости. Сквозь неплотно задернутые шторы слабо серело окно.

Она пристально всматривалась в его спящее лицо. Она ни

о чем не думала, ничего не помнила. Он спит. Он так спокойно дышит и такой теплый. Совсем как маленький. Она поправила плед под его подбородком.

«Совсем как маленький. Будто он мой сын. Спи, спи, маленький», – и она, улыбаясь, закрыла глаза.

Когда Лиза проснулась, Кромуэля уже не было рядом и деньги и бриллианты уже не лежали на столе.

Лиза сошла вниз. Кромуэль, Андрей и Николай завтракали в столовой. На сковородке дымилась яичница с ветчиной. Николай разливал кофе. Он казался очень веселым. Лиза поздоровалась с ними и села на свое место.

Николай ухаживал за Кромуэлем.

– Что же ты не ешь? Хочешь, я зажарю тебе бифштекс?

– Спасибо. Я сыт.

Но Николай настаивал:

– Надо есть. Ведь ты привык плотно завтракать. И на дороге всегда...

«На дорогу». Лиза увидела перед собой паровоз, русские желтые, синие и зеленые вагоны. Этот поезд повезет ее в Москву.

– Лиза, а ты чего не ешь? Тебя угощать надо?

Лиза удивленно повернулась к брату. Какой он заботливый. Давно уже она не видела его таким.

«Это оттого, что мы наконец едем. Оттого и Андрей мрачный, – подумала она, глотая горячий кофе. – А что Коля дверь запер, он был прав. Я чуть все не испортила».

Она подняла голову:

– Если сегодня ехать, когда же чулки и шандаи⁸ покупать?

Николай рассмеялся:

– Ах, ты опять о шандаях. Кто о чем, а ты все о шандаях.

Ну поезжай. Купи себе.

Он достал из кармана две стофранковые бумажки.

– Смотри, чтобы теплые были.

– А вам?

– Нам не надо. Нам приготовлено, на границе все выдадут.

Только в шесть часов будь дома.

Лиза взяла деньги.

– Хорошо.

Николай встал из-за стола:

– Слушай, Кром, ты бы написал матери.

Кромуэль пожал плечами:

– Зачем?

– Чтобы она не беспокоилась. Напиши, что ты вернешься через три месяца. И что деньги и вещи ты взял не для себя, а для... – Николай остановился, подыскивая слово, – ну, скажем, для общественного дела.

– Как будто это что-нибудь меняет. Ей безразлично, зачем я украл.

– Нет-нет, – заторопился Николай. – Это все меняет. Ты должен написать. Скажи ему, Лиза.

Лиза кивнула:

---

⁸ Шандай (фр. chandail) – свитер.

– Конечно, Кром, напиши.

Кромуюэль задумался.

– Хорошо. Раз вы хотите. Дай мне бумаги. Я напишу, хотя это и ни к чему теперь.

Лиза следила за его пером, быстро покрывавшим белую страницу черными непонятными словами.

Он облизал и заклеил конверт. Николай взял его:

– Лиза, брось в ящик.

Лиза подошла к Кромуюэлю:

– Ты не хочешь пойти со мной за покупками, Кром?

– Ему нельзя выходить, – вмешался Николай. – Его могут увидеть на улице. Увидят – беда.

Лиза вздохнула:

– Что же, если нельзя... – Она взяла Кромуюэля за руку. – Мне так не хочется расставаться с тобой сегодня, Кром. Пойдем, проводи меня.

В прихожей он снял с вешалки и подал ей ее короткое пальто с золотыми пуговицами.

Она надела берет и, улыбаясь, посмотрела на Кромуюэля.

– Ты сегодня ночью спал совсем как маленький. Как будто ты мой сын, – сказала она смущенно и покраснела. – Ну, до свиданья, Кром.

11

Было шесть часов. Лиза возвращалась домой, прижимая

сверток к груди.

Чулки теплые, хоть на Северный полюс. И перчатки тоже. Но особенно ее радовал шандай. Такой пушистый, легкий, из верблюжьей шерсти. Может быть, нехорошо только, что розовый? Удобно ли розовый? Жанна д'Арк вряд ли надела бы розовый. Но тогда ведь не носили шандаев. И менять теперь все равно поздно. Скажу Коле, что другого не было.

Она открыла дверь своим ключом и вошла в темную прихожую.

Сырой воздух ударил ей в лицо.

Холодно, как на улице. И дом уже заброшенный, не жилой. Но ведь сегодня ночью нас уже не будет здесь.

– Алло, – крикнула она.

Голос ее прозвучал громко и гулко. Никто не ответил ей. В гостиной было пусто. Кромуэль сидел под лампой в столовой и, наклонившись над путеводителем, выписывал что-то.

– Посмотри, что я купила.

– Подожди, сейчас. Николай просил меня составить маршрут, а я плохо разбираюсь.

– А где они?

– Наверху. Укладываются, верно.

Лиза побежала наверх.

– Коля, – позвала она.

Дверь из комнаты Николая отворилась, и Андрей просунул голову:

– Не мешай. Мы заняты.

– Я хотела показать шандай.

– После, после. Купила, и слава богу.

– Посиди внизу, – крикнул Николай. – Ты нам сейчас понадобится.

Лиза вернулась в столовую и села на диван, все еще держа сверток на коленях. Как холодно. Хоть бы камин затопили. Ничего, надо привыкать. В России еще холоднее.

Кромуюэль что-то записывал, шурша страницами путевого.

Лиза прислонилась к стене. Все было как и вчера. Пыль все тем же густым слоем покрывала буфет, и грязные тарелки все так же стояли на запачканной скатерти. И было так же тихо. И должно быть, оттого, как и вчера, стало грустно и беспокойно.

«Мы сегодня едем».

Но от этой мысли не стало легче. Снова, как вчера, вместе с холодом в кровь осторожно пробиралась тревога, и руки уже начинали дрожать.

«Ну да, конечно. Это лихорадка перед дорогой. Это всегда у всех. Так и называется – *Reisefieber*»⁹.

Но руки дрожали все сильнее, сердце тяжело и тревожно стучало.

– Кром, ты кончил?

– Сейчас, сейчас.

В тишине зашуршали листы. Лиза вздохнула. Как тяжело,

---

⁹ Чемоданное настроение, волнение перед дорогой (нем.).

как томительно.

Скорее бы уехать из этого заброшенного дома. Скорей бы уже. Андрей, хоть бы он сошел проститься. Нет, об Андрее не надо думать.

Отчего ей так тревожно? Так тяжело?

– Лиза, – громко позвал Николай сверху.

Лиза вскочила и побежала в прихожую. Вот сейчас все пройдет. Сейчас будут торопиться, укладываться, потом поедут. О чем ей беспокоиться? Все будет хорошо.

Николай спустился по лестнице и решительными большими шагами подошел к ней.

– Надень пальто, – сказал он хрипло. – Ты пойдешь в сад и, если кто придет, скажешь, что никого дома нет, а ты забыла ключ и сама не можешь попасть домой. Поняла?

– Что? – Она растерянно смотрела на него и только теперь заметила, что он был очень бледен. – Зачем в сад?

– Не рассуждай. Поняла? Входить не смей, пока я не отпру дверь. Ну, одевайся.

– Я, – прошептала она, и колени ее затряслись. – Я не хочу, я не пойду. Зачем?

Он взял ее за плечо.

– Не пойдешь? – повторил он протяжно.

Это уже не был Коля, это уже не был ее брат. Это был чужой, страшный, на все способный человек. И в первый раз Лиза почувствовала страх за себя, за свою жизнь.

Он снял ее пальто с вешалки:

– Живо. Если кто придет, не пускай. Поняла?

Она долго надевала пальто, не попадая в рукава. Страх сжал ей горло, пробежал вниз по рукам, по груди, по спине, докатился до колен, и ноги стали слабыми и пустыми, будто из них вынули кости. Не было сил стоять, ноги уже не держали ее, хотелось опуститься на пол. Но страх гулко стучал в груди: «Нельзя, нельзя. Упадешь, пропадешь».

Она метнулась к выходу. Николай преградил ей дорогу:

– А шляпа, перчатки?

Она протянула дрожащую руку за беретом. Он открыл ей дверь:

– Ну, иди. И помни.

Она прошла мимо него, думая только о том, чтобы не упасть.

– Не пускай никого в дом.

Дверь захлопнулась.

Легкий, почти весенний ветер ударил ей в лицо. Цепляясь за перила, она спустилась в сад.

«Что это? Зачем я тут?»

Она села, крепко держась за спинку скамьи.

Деревья наклонились над ней, закачались и тихо поплыли. И небо качнулось, заколебалось и серым, густым, холодным туманом медленно спустилось на дом, на сад, на Лизу. Лизе казалось, что она не в саду, а на дне реки и не туман, а вода кругом.

Она вздохнула, и туман, как вода, хлынул в ее открытый

рот. Она хотела крикнуть и захлебнулась туманом. Туман проник в ее сердце, туман заволок ее мозг. И уже не было ни страшно, ни мучительно.

Она положила голову на спинку скамьи. Это только сон. Это снится мне.

В серый густой туман медленно, беззвучно, как большая рыба, въехал длинный черный автомобиль. Круглые большие фонари, похожие на рыбы глаза, ярко светили.

«Это сон, – смутно подумала Лиза, – это мне снится. И туман, и сад, и автомобиль».

Автомобиль подъехал к самому забору и остановился. Из него вышел высокий человек в сером пальто. Он открыл калитку. Это сон. Но из сна, из тумана выплыло бледное, страшное лицо Николая и хриплый голос сказал над самым ее ухом:

– Не пускай никого в дом.

Она вскочила, и ее сон сразу перешел в действительность. Или, может быть, действительность перешла в ее сон.

– Что вам надо? – крикнула она.

– Здесь живут русские? – спросил человек в сером пальто.

– Какие русские?

Он шагнул к ней в темноте, вглядываясь в нее с трудом.

– Да, это вы, – сказал он по-французски. – Вы были тогда в ресторане с Кромюэлем.

– Вы тот. Вы двоюродный брат Крома.

Она тоже узнала его.

Он кивнул. Деревья тихо качались над его головой. Свет непотушенных автомобильных фонарей прорезал двумя белыми полосами черный сад.

– Да. Видите ли, я хотел узнать, спросить. Кром ушел из дому вчера ночью и не возвращался больше. Он не был у вас?

– Нет, – сказала Лиза быстро. – Мы уже больше месяца не видели Крома.

«Нельзя, чтобы он узнал, что Кром у нас», – несло в ее голове.

– Он ушел и не возвращался. Его всюду искали. Заявили в полицию.

– В полицию? – переспросила она.

– Да. Я вспомнил, что вы его друзья. Он мне как-то сказал ваш адрес. Фамилию я забыл. Я думал: может быть, он у вас?

– Нет. Кром не приходил к нам с той ночи в ресторане.

Она покачала головой.

Он наклонился к ней. Она увидела, что он улыбается.

– Вы, помните, мне тогда показали язык?

– Я была очень зла на вас. Простите.

Он рассмеялся:

– Какая вы забавная. Мне вы тогда показались взрослой, а вы совсем ребенок.

– Это от платья.

– Но я сразу разглядел, что вы очень хорошенькая.

Она ничего не ответила.

– Что вы делали так поздно в саду? Холодно. Вы просту-

дितесь. Идите домой.

– У меня нет ключа. Я не могу попасть домой. Дома никого нет. Я жду брата.

Он взял ее за руку:

– Вам нельзя здесь оставаться. Вы замерзнете. У вас уже совсем ледяные пальцы. Поедемте в какое-нибудь кафе. Вы выпьете там грог, согреетесь.

Она покачала головой:

– Нет. Мне надо ждать брата.

– Тогда пойдем посидим в автомобиле. Там теплее.

Она послушно пошла за ним, села в его автомобиль.

Он закутал ее меховым одеялом:

– Лучше так? Хорошо?

– Хорошо.

Он зажег свет.

– Ну, покажитесь, какая вы?

Она подняла к нему взволнованное лицо:

– Вот какая. Я вам нравлюсь?

– Страшно нравитесь, – серьезно сказал он. – Как вас зовут?

– Лиза. Элизабет.

– Я буду вас звать Бетси. Можно?

Сон продолжался. И этот автомобиль, и эти черные деревья, и незнакомый человек в сером пальто – все это только снится.

Она сбросила одеяло, оживилась, поправила волосы.

– Да посидите же тихо. Вы как ртуть.

Она рассмеялась. Быть веселой казалось очень легко. Она уже не знала, страшно ли ей или весело.

– Я понимаю, что Кром был в вас влюблен. – Он помолчал. – Я сам уже влюблен в вас.

– Ну, уже так быстро?

– Да, так быстро.

Она протянула ноги вперед, уперлась ими в стену автомобиля, потом немного спустила чулок и показала ему синяк на колене:

– Видите. Я вчера упала. Больно.

Он нагнулся к ее ногам.

– Поцелуйте, чтобы не было больно.

Он коснулся губами ее гладкой, холодной кожи. Она осторожно оттолкнула его голову:

– Довольно. Теперь поезжайте. А то вернется брат, и мне попадет.

– Он разве строгий?

– Ужасно. – Она выпрыгнула из автомобиля. – Ну, до свидания.

Он поймал ее за рукав:

– Когда я вас увижу?

– Не знаю. Поезжайте же, – нетерпеливо повторила она.

– Можно мне к вам завтра приехать?

– Нет.

– Тогда поедemте завтра вместе обедать.

– Нет.

– Слушайте. – Он достал из бумажника визитную карточку. – Вот мой адрес. Спрячьте. Вы позвоните мне, и мы поедем завтракать в шикарный ресторан. Обещаете?

Она спрятала карточку в карман пальто.

– Обещаю. Только уезжайте скорее.

– Так я буду ждать. До свидания.

Автомобиль тронулся.

Уже не было тумана. На улице горел фонарь. Высоко на небе стояла круглая белая луна. От холода стыли руки.

Луна ярко освещала маленький розовый дом. Розовые ставни были закрыты, и шторы наверху задернуты.

«Что они там делают? Почему мне нельзя домой?»

Она подошла к крыльцу.

«Мне холодно. Я позвоню».

Но она не посмела подняться по ступенькам и позвонить.

«Подожду еще».

Наверху шевельнулась штора, узкий желтый луч упал вниз. Чье-то лицо мелькнуло в окне, штора снова задернулась. Лиза, подняв голову, посмотрела вверх. Но штора больше не шевелилась.

«Что же это? Долго еще ждать? Зачем?»

И вдруг дверь тихо отворилась. Никто не вышел из нее. Она стояла, открытая в темную прихожую. И все было тихо.

Лиза, не двигаясь с места, смотрела на эту четырехугольную черную дыру.

– Иди же, – услышала она тихий голос.

Она робко поднялась на крыльцо, вошла в темную прихожую. Николай стоял у стены, тень его вытянулась до потолка.

– Закрой дверь, – зашептал он. – Кто приезжал?

– Двоюродный брат Крома.

– Что он хотел? Что ты сказала? – испуганно шептал он.

– Он спросил, не был ли Кром у нас. Я сказала, что мы уже шесть недель не видели Крома.

– Что он еще говорил?

– Больше ничего.

– Он не сказал, что завтра приедет?

– Нет.

– Он поверил?

– Да. Отчего тут темно?

– Сейчас.

Николай повернул ключ в замке и зажег свет. Он был так же бледен и казался усталым. Руки его бессильно свешивались вниз.

– Послушай, – сказал он хрипло. – Мы не едем. Этот Кромуэль отказался в последнюю минуту. Я отдал ему деньги и бриллианты.

Лиза прижала руки к груди:

– Не едем?

– Он не захотел подписать бумагу. Мы поссорились. Он... он ушел.

– Ушел? Как же я не видела?

– Он ушел черным ходом.

Из гостиной вышел Андрей. Воротник его рубашки был расстегнут. Влажные волосы прилипали к его лбу.

– Ложись спать, Лиза, – сказал он, не глядя на нее. – Ведь ты не спала прошлую ночь.

Лиза молча стала подниматься к себе.

– Хочешь чаю? – спросил Николай вдогонку.

Она, не ответив, пошла скорее.

У себя она села в кресло, не снимая пальто.

– Не едем, не едем, не едем, – повторила она. – Вот и кончено. Не едем.

На лестнице раздались шаги. В соседнюю комнату вошли.

– Теперь все в порядке, – сказал голос Андрея. – Можно лечь.

– Нет. Надо еще взглянуть в ванной. Там, кажется... Пойдем.

– Я не могу. Не могу. Пойди ты. – Голос Андрея оборвался. – Я не могу больше, – почти простонал он.

– Ну хорошо, хорошо, – зашептал Николай. – Ты ляг, успокойся. Я сам.

Шаги снова спустились. В тишине ясно раздался странный звук, будто полотеры натирали щеткой пол.

Лиза прислушалась: «Что это? Пойти посмотреть?» Но она не двинулась. «Не надо. Это меня не касается. Я должна держать себя в руках. – Она сжала пальцы. – Это меня не касается. – Она подняла плечи, стараясь уйти в пальто, как

улитка в свой домик. – Это меня не касается. Надо лечь, – подумала она. – Лечь и спать. Я устала, и мне надо уснуть».

Она встала, в темноте сняла бархатную покрывку с дивана, разделась и легла.

«Ни о чем не надо думать. Надо спать. Я устала. – Она закрыла глаза. – Считать до ста. И потом опять до ста. Только не думать. Сорок пять, сорок шесть, сорок семь. Надо спать».

– Лиза, – тихо позвал Николай.

– Что тебе?

Лиза села. В голове все было ясно, будто она ни на минуту не засыпала. Николай в пижаме стоял перед ней. Дверь в его комнату была открыта. На столе горела желтая лампа.

– Лизочка, я разбудил тебя, прости. Я думал, ты не спишь. – Николай виновато и растерянно улыбнулся. – Мы с Андреем не можем заснуть. Я думал, ты тоже. Мы так нервничали с поездкой, со всей этой историей.

Он замолчал. Лиза снова сжала руки. Только держать себя в руках, не ослабеть.

– Лизочка, – попросил Николай жалобно. – Пойдем к нам. Посиди с нами немножко, поболтай с нами, Лизочка.

– Хорошо.

Лиза встала с кровати, накинула платок на ночную рубашку и босиком пошла за Николаем.

Андрей лежал на узком диване, покрытый клетчатым пледом, под которым вчера спал Кромгуэль.

– Вот веду к нам птичку. Она нас развлечет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.